

ГАРИ ЧАПИДЗЕ

**УРАГАН
ЛЮБВИ**

Гари Чапидзе

УРАГАН ЛЮБВИ
(ДЕТЕКТИВ)

Тбилиси 2013

Не так давно забытое прошлое... Людской порок и бедность, начало жизни и преодоление трудностей.

На описанные в книге исторические события никогда не наложится табу, наоборот, с пожелтевших от времени страниц смотрит на нас вся наша эпоха своей мрачностью и благоразумием, злом и цинизмом, стремлением и верой в будущее. Поэтому это произведение было переведено на множество языков.

Молодая девушка, Мери Картвелишвили, потерявшая родителей – врачей во время бомбежки госпиталя, сталкивается с изменой любимого человека. Обманным путем он забирает ее маленькую дочь Хатуну и уезжает в другой город. После долгих поисков Мери находит свою дочь и мстит любимому, который к тому же оказывается врагом Родины. После отмщения, совесть Мери не дает ей покоя на протяжении всей жизни. Именно совесть выносит приговор героине за совершенные преступления.

Редактор: М. Придонашвили.

ISBN-978-9941-0-5016-9

УРАГАН ЛЮБВИ

- Мамаська! Вот, как рано я встала. Я ведь халошая девочка? Мама, ты не слышишь меня? Открой мне дверь, не то, ты же знаешь, я буду плакать, и папочка разозлится! Мамаська, ты что, не слышишь? Мама-а-а-а!

...И так как ребенку никто не ответил, подкатившийся к горлу ком слез, мешая выговориться, сделал детский лепет непонятным даже для собственной матери.

В комнате послышался тихий шум от детских пухленьких ножек. Девочка хотела открыть дверь в родительскую спальню, но она оказалась запертой. Постучала тихонько, никто не отозвался. Затем она стала стучать сильнее со всей своей ребяческой силой. Била в дверь до тех пор, пока не заболели руки. Все равно, никто не открывал. Теперь, с подступившимся комком к горлу, не вынеся такого, села под дверью и стала горько плакать.

Было еще очень рано, в окнах забрезжил сизый рассвет. Все спали. В утренней тиши плач ребенка достиг до квартир всех соседей, вывел их из утренней дремы и собрал практически всех возле парадной двери.

Дверь в квартиру оказалась запертой изнутри. Ребенок не мог открыть, соседи с улицы утешали и старались открыть дверь, но потайной замок не поддавался никому, и они были вынуждены силой выломать двери.

Одна из женщин взяла ребенка на руки, сначала

она с родительской нежностью успокоила его, а затем одела на него одежду.

Ребенок успокоился, перестал плакать и изредка всхлипывал.

Соседи не могли понять, как родители оставили ребенка одного, и попробовали взломать двери в спальню, где находились в глубоком сне родители ребенка.

Коренастый мужчина с черными усами сначала тихо постучал, затем с силой, но из спальни комнаты ответа не последовало.

Коренастого мужчину сменил молодой со светлыми волосами. Достав связку ключей, он попытался открыть дверь, но напрасно, двери в спальню были заперты изнутри, и к секретному замку не подходил ни один другой ключ.

- Давайте, взломаем!- сказал коренастый, но ломать двери силой соседи не согласились и, посоветовавшись, решили сообщить о случившемся в отделение милиции.

Вскоре приехала следственная группа по чрезвычайным положениям, которой руководил опытный следователь майор Джугели.

Джугели быстро, но внимательно опросил соседей и получил от всех один и тот же ответ:

- В семье Арабули вечером все были дома и никуда не выходили. Если бы им надо было куда-нибудь пойти, то ребенка обязательно забрали бы с собой или оставили кому-нибудь из соседей.

Без сомнений, муж с женой были закрыты в спальне, но почему?

Майор милиции попробовал отпереть дверь, но ему тоже не подчинился секретный замок. Пришлось составлять акт по выламыванию дверей. Акт подписали соседи, и майор приказал ломать.

Перед присутствующими открылась ужасающая картина: супруги Арабули лежали вдвоем на кровати. Валерий Арабули лежал на правом боку, немного наклонившись вперед и положив левую руку на грудь жены Мзии Церцвадзе-Арабули. Мзия Церцвадзе –Арабули лежала на спине, положив правую руку на левую руку супруга, а левую – просунув под затылок мужа. С первого взгляда они были похожи на людей, уснувших глубоким сном, но внимательно приглядевшись можно было заметить, что они уже не дышали.

Джугели отпустил соседей и вызвал экспертно-медицинскую комиссию. Вскоре прибыла машина скорой помощи, из нее вышли трое опытных врачей.

Они тут же на месте осмотрели трупы и с согласия следователя Джугели решили перевести их для дальнейшего осмотра в больницу.

Джугели приступил к расследованию. Внимательно осмотрел входную дверь спальни, которую несколько минут назад сломали по его приказу. Нет! Отсюда злоумышленнику проникнуть было невозможно, однако он досконально осмотрел дверь. Стал искать отпечатки пальцев своим опытным глазом, но тщетно, ничего подозрительного не обнаружил.

Вторая дверь комнаты выходила на балкон. Она была закрыта на английский секретный замок и открывалась изнутри без ключа, но снаружи открыть

ее без ключа было невозможно. Замок вставлялся в дверь очень прочно, так что в двери и в раме нигде не было ни единого зазора.

Балкон, шириной в один метр и длиной в четыре метра, вокруг его опоясывали перила с решеткой в метр высотой. Пол покрывала мраморная плитка, а сверху балкон красиво закрывал вьющийся виноград.

Джугели вышел на балкон, закрыл снаружи двери и попробовал их открыть, но замок не поддавался. В конце концов ему пришлось просить членов следственной группы, находящихся в комнате, открыть ему.

Майор тщательно осмотрел балкон и не заметил ничего подозрительного. Сначала подумывал насчет виноградной лозы, но вскоре его подозрения отпали после того, как он осмотрел нетронутую листву натянутой, как струна виноградной лозы. Даже если это и не так, виноградник не выдержал бы и веса человека среднего роста: его конец даже не крепился к железной решетке.

Следователь опять вернулся в спальню и приступил к осмотру вещей разного рода. Открыл ящик маленького шкафа, стоящего возле кровати, в ящике лежали четыре золотых кольца и одно, тоже из золота, ожерелье. Два кольца были с глазками, а два – без глазков, обручальные. Одно обручальное кольцо по сравнению с другими было намного больше размером, чем остальные. Наверное, это кольцо принадлежало Валерию Арабули, а три – Мзии. Ожерелье, конечно же, женское, подумал он и выдвинул второй ящик шкафа. В нем обнаружилось 283 рубля.

«Это преступление совершено не с целью ограбления, может, в убийстве не замешана ничья рука, посмотрим, каким будет заключение эксперта. Если это преступление, я сниму завесу и выведу на солнечный свет, всем на обозрение! Эх, со скольких преступлений я снял завесу. И в этом деле нет для меня ничего неясного. Всю молодость посвятил я делу, не так то легко в бессонные ночи бороться с опасными рецидивистами. На протяжении 35 лет для меня не было нераскрытых дел и, неужели, в старости подведет меня чутье?» - подумал Джугели и, встав на колени возле кровати, продолжил работу. – «Интересно, что со мной происходит? Такую усталость я никогда не чувствовал. Много ночей бодрствовал, а сейчас... Вчера я спал хорошо. О! Кажется, я больше не могу думать!» - достав сигарету, он закурил и почувствовал еще большую усталость; ему захотелось спать. Чтобы не упасть, он заставил себя выйти на балкон. Глубоко вдохнув чистый воздух раз, другой, к нему вернулась бодрость, даже усталость будто рукой сняло, вернулось прежнее сознание. Ему хотелось постоять еще немного на свежем воздухе, но его позвал один из сотрудников:

- Товарищ майор! – Джугели обернулся, и вместо того, чтобы выслушать, заорал на подчиненного.

-Ноги! Не затапывай пол! Не двигайся! – затем подошел к сотруднику, схватил его за руку и указал, куда можно наступить, чтобы сойти с этого места. Сотрудник удивленно смотрел и ничего не понимал, что происходит. Джугели разъяснил создавшуюся ситуацию.

- Вот, видишь на полу какое-то пятно? Не наступай

на него! Серго, что ты хотел мне сказать? – теперь уже спокойно, по-дружески, сказал Джугели.

- Товарищ майор, врачи принесли медицинское заключение,- ответил подчиненный.

- Очень хорошо! – сказал Джугели и вышел в гостиную к врачам. Взяв заключение у одного из них, он громко прочитал:

-«Смерть супругов Валерия и Мзии Арабули наступила в результате длительного вдыхания большой дозы сонного наркоза. Кровообращение и работа сердца прерваны приблизительно в шесть часов утра...»

Под заключением стояли три врачебных подписи с круглой печатью в конце текста.

- Придя на три часа раньше, мы спасли бы их, - сказал он с сожалением и покачал головой. Затем повернулся к врачам и, то ли приказал, то ли попросил полуприказным тоном.

- Мне необходима ваша помощь! Минуту назад я заметил на полу какое-то пятно, необходимо проверить и установить, что там было разлито!

- Мы готовы! – сказал один из врачей, и все прошли в спальню.

Стали осматривать пятно, которое начиналось от балконной двери и заканчивалось узкой полоской у ножки кровати. Увидеть пятно невооруженным глазом было нелегко, и один из врачей, достав из кармана увеличительное стекло, в нескольких местах осторожно поскреб специальной лопаточкой.

Пробу с пятна поместили в специальную стек лян ную баночку и унесли на проверку.

Джугели больше ничего не делал, он ждал, когда принесут из лаборатории справку о пробе. Минута показалась ему годом, но часы не показывали год, и через полчаса Джугели уже читал справку.

-«В результате проверки пробы, взятой с пятна в спальном комнате супругов Арабули, выяснилось, что это была жидкость сонного наркоза...»

Под заключением стояла подпись заведующего лабораторией, заверенная круглой печатью.

- Так я и знал! – сказал майор и наполнил стакан водой. Выйдя на балкон, прикрыл за собой дверь и налил на порог воду тонкой струей. Жидкость полилась в обратную сторону. Оказалось, что к двери прибиты защитные доски. Джугели еще раз тщательно осмотрел двери, и после долгой проверки установил, что запустить жидкость через закрытые двери было невозможно. Тогда, откуда попала в комнату наркотическая сонная жидкость? Без сомнения, у злоумышленника имеются ключи от замка балконной двери, _ подумал Джугели и вошел в комнату, чтобы найти ключи.

Все три ключа от балконной двери, надетые на кольцо, оказались на месте. Джугели замер, как охотничья собака при виде дичи. Он хорошо знал, что к замку прилагались только три ключа. След был потерян, и он был вынужден начать все сначала.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Дом, в котором жили Арабули, был четырехэтажным с двумя подъездами. Жителей этого дома связывало с обществом хорошее прошлое, поэтому невозможно, чтобы злоумышленник был жителем дома. Однако Джугели начал с этого. У следствия всегда есть свои секреты. Сколько чего уже выявило следствие, и сколько еще предстоит раскрыть. Может, майор выявит что-то новое и арестует преступника там, где мы и не думаем. Это что за злоумышленник, если общество смотрит на него подозрительно? Ни один хитрец не сравнится со злоумышленником своим коварством! Злоумышленник покрыт тьмой, и должен быть в темноте не замечен, как черт. Вот именно поимка такого преступника является мужеством. А то, зачем ловить такого, который сам принесет начальнику милиции окровавленный нож, положит его на стол и скажет: - «Этого человека я убил!» - Джугели хорошо знает, под какой личиной скрывается злоумышленник, и не нам его учить...

Через несколько дней майор закончил опрос жителей первого подъезда и начал опрашивать, начиная с первого этажа, жителей второго подъезда, где жила семья Арабули. Больше месяца понадобилось ему, чтобы опросить двенадцать семей. Казалось, что он ведет следствие в правильном направлении, но результата не было видно. Убийство вновь оставалось туманным. Майор видел свое поражение и с сожалением вспоминал тридцати пятилетнее непобедимое прошлое. 35 лет он властвовал над любым преступником, а теперь, наоборот, властвовали над ним.

«Наверное, я постарел, как видно, память изменяет мне,» - думал майор. – «Это будет последнее мое расследование. Или я раскрою это дело, или уйду из органов по собственной воле. Как видно, уже не гожусь я для этого дела, не служу Родине, как прежде! В каждом найдутся силы перенести чужое горе, только не во мне! В большинстве случаев в расследовании жертвуют собой такие, как я, не из-за преждевременных решений, в основном, из-за силы привычки вслепую расследовать дело. И потому мы, следователи, гибнем часто, что не можем избежать этого! – продолжал размышлять майор. Но и эта мысль не заставила его признать поражение, наоборот, с еще большей одержимостью искал он след...

Семья Арабули жила на четвертом этаже. Валерий Арабули был конструктором городского строительства, коммунист, секретарь партийной организации. Дирекция и все положительно характеризовали его; тихий, вежливый, не курил, не пил. Врагов у него никогда не было, да и не могло быть у человека с таким характером...

Мзия Церцвадзе – Арабули была учительницей. Она очень любила семью и детей, у нее не было никаких отношений ни с кем. О такой, как она говорят «затворница». Она не делала зла и не имела врагов...

У Арабули был единственный ребенок – девочка Хатуна трех лет. Она была самым огромным сокровищем семьи, хотя у Арабули было достаточно и материального богатства. Все вещи приобретались для Хатуны.

Кто бы ни полюбил Хатуну, даже враг с любовью

прижал бы ее к груди и расцеловал бы ее пухленькие щечки. Это был ребенок неопикуемой красоты, словно писанный кистью. Именно такой, каким нарисовал Микеланджело своего ангела.

Оставшуюся сироту Хатуну приютила тетя Мери, живущая в этом же подъезде на втором этаже в хорошо обустроенной однокомнатной квартире. Тетя Мери тоже была учительницей, она преподавала русский язык и литературу в школе, где учился я. И я могу сказать, что знал ее очень хорошо.

У учительницы Мери было доброе сердце, она не выносила обиды. Иногда, когда кто-нибудь из детей обижал Хатуну, она не выговаривала детям, а у самой, как у ребенка, катились слезы. Она отличалась вежливостью по отношению ко всем, спокойствием и добрым сладким словом, приятной притягивающей речью. Ее невозможно было увидеть без дела. Она была или в школе, или же, сидя дома, писала, стирала, натирала до блеска полы. Она всегда делала все своими руками. Поперву мне было удивительно то, откуда у такой хрупкой женщины было столько трудолюбия. Действительно, учительница Мери еле весила 48 килограммов. Она была маленького роста, но тело ее было таким стройным и прекрасным, что многие завидовали ее, будто высеченной красоте тела. И лицом она была очень красива. С первого взгляда она походила на Хатуну. Да, стоило ей взять Хатуну на руки и прижать к груди, вместе они становились похожи на картину Божьей Матери с отроком Микеланджело, написанного им в юношеские годы.

Учительница Мери жила одна. К ней в гости

никто не ходил, да и она ни к кому не ходила. Теперь ей прибавилось дел: она взяла на себя воспитание Хатуны. Не дала в обиду Хатуну, и та, укрывшись под Мериным крылом, наверное, и не чувствовала себя сиротой. Со временем Мери еще больше привязалась к Хатуне, опекала ее, часто водила на родительскую могилу, сама плакала и ребенку не давала забыть родителей, вместе с другим добром она воспитывала в девочке любовь к умершим родителям. На собранные деньги Мери выложила их могилу мраморными плитами и посадила розы разных цветов. Это она сделала потому, чтобы Хатуне лучше запомнилось местопребывание родителей и, взрослея, она должна была чувствовать их теплоту.

Хатуна тоже очень любила тетю Мери. Она не отходила от нее ни на одну минуту. Без нее Хатуна нигде не оставалась: ни в садике, ни у кого. Только одного не выносила Хатуна; когда тетя Мери называла ее дочкой. Она вздрагивала, и слезы катились из ее глаз. В ту минуту в ее глазах можно было прочесть такую печаль, какую может прочесть человек в заплаканных глазах раненого оленя. Каждый раз устремляла Хатуна свой заплаканный взгляд на учительницу Мери, но ничего не произносила в ответ и платила тем, что никогда не называла ее «мамой».

Как бусы на четках, пробежали годы. Первого сентября я и Хатуна пошли в первый класс. Нашей радости не было границ, когда мы оказались в одном классе и сели за одну парту. Хатуна была недотрогой, со всеми замкнутой и грустной. Только мне одному нравился ее угрюмый, грустный и, очень часто,

заплаканный взгляд. Наверное, мне было жаль ее и я во всем сочувствовал ей. Удостоверившись в моей искренности и в чистых отношениях, она оказалась не такой уж недотрогой, как все думали. Вскоре характер у Хатуны изменился, и она стала моим неразлучным товарищем.

Учительница Мери преподавала в нашей школе и учила нас наравне с другими учениками. Заметив, в каких хороших отношениях мы были, она полюбила меня не меньше Хатуны, и отпускала ее в кино или на какую-нибудь праздничную вечеринку только со мной...

Мы с Хатуной провели вместе незабываемые детские и юношеские годы. Окончив среднюю школу, вместе открыли институтскую дверь, и прямо чудеса произошли тогда, когда нас зачислили в институт. Мы, с детства выросшие вместе, должны были провести еще 5 лет.

Тетя Мери окружила нас еще большей заботой и вниманием, по мере возможностей ни в чем не отказывая. Сама круглый год ходила в одном платье, которое льнуло к ее телу, как ребенок, но для нас ежемесячно десятого числа, в день зарплаты что-нибудь покупала. Наверное, в детстве я не замечал, но теперь ясно видел, что у тети Мери, как и у Хатуны, глаза были печальные. Никто не видел ее веселой и улыбающейся, кажется, что она более скрытная, чем Хатуна.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Прошло двадцать лет с тех пор, как убили родителей Хатуны. Их смерть была покрыта мраком. Закончив институт, нас распределили учителями в ту же школу, где мы учились. Сначала я очень стеснялся своих бывших учителей. Ну как я мог быть с ними по-дружески, если всего несколько лет назад они были моими воспитателями?

Я еще ничего, но Хатуна стеснялась больше моего. Она первой здоровалась при встрече и, будто совершив что-то, опускала голову и краснела.

Так мы вели себя несколько месяцев, но вскоре привыкли к этому.

Наши учителя, если и были строгими во время учебы, в дружбе оказались очень добродушными. Как только они заметили, что мы стесняемся их, очень просто, с педагогическим тактом сблизились с нами и уверили, что между нами уже нет таких больших границ, как прежде, и мы осмелели. Только уважение к воспитателям осталось в нас по-прежнему.

Был вторник. Я проводил второй урок в девятом классе. Неожиданно в класс вбежала плачущая Хатуна. Я часто видел Хатуну заплаканной, но такой, какой она была сейчас бледной...

Я не понимал, что случилось. Десять минут назад она была такой веселой, что ее настроение передалось и мне. Что же изменилось в такой короткий срок? Почему она всхлипывает, не может вздохнуть и вымолвить ни слова?

- Что случилось? – кажется спросил я ее в десятый раз, и в конце концов она заговорила:

- Мама при смерти! Мне позвонили из больницы!

Я удивился еще больше, зная, что у Хатуны нет матери, а тетю Мери она никогда не называла мамой. Однако я не показал виду и сказал:

- Пойдем! Сейчас же пойдем!

...Мы застали тетю Мери уже умершей. Хатуна упала на тело, и я впервые увидел, нет, не Хатуну, а человека, который так горько, чистыми слезами оплакивал воспитательницу, женщину, вырастившую его.

Целый час целовала Хатуна остывшее тело, орошала слезами и взывала к нему такими словами, описывать которые мне нелегко. Не знаю, что бы она еще сделала, но я не выдержал обжигающих слов ее сердца, попросил выйти со мной наружу. Она безпрекословно подчинилась мне.

Мы поехали домой. За нами ехала машина скорой помощи с телом тети Мери. Хатуна не смогла открыть дрожащей рукой дверной замок и подала мне ключ. Открыв дверь и войдя домой, мы почувствовали пустоту. Мне показалось все убраным для этого чрезвычайного случая, будто все ждало возвращения тети Мери. На столе лежало письмо, а на письме – связка ключей...

- Письмо, наверное, для меня! Сохрани его! – сказала Хатуна и положила письмо вместе с ключами мне в карман.

Вскоре приехала машина скорой помощи, тело тети Мери внесли в комнату. Хатуна начала плакать, упала на тело и задрожала. Плач перерос в истерику,

дрожь в судороги, и пока не сделали укол, она никак не смогла успокоиться.

После шести дней траура мы похоронили тетю Мери рядом с Валерием Арабули, так как рядом с Мзией Арабули не было свободного места, а в другом месте Хатуна хоронить не соглашалась. – «Все трое – мои родители, и должны быть вместе.»

В воскресенье мы похоронили тетю Мери...

Нет надобности описывать церемонию похорон человека. Почти все жители в нашем городе сочувствовали нам.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

По прошествию сорока дней после похорон тети Мери Хатуна попросила у меня письмо. Я немедленно отдал его, бережно хранившееся у меня на протяжении этого времени, а ключи положил на стол. Адресат начала читать письмо, остановилась, подумала, начала читать сначала. Дочитав письмо до конца, она уставилась на меня задумчивым взглядом и спросила:

- Ты читал письмо?

-По какому праву прочитал бы его?- немного с обидой ответил я, однако она не обратила внимания на мою обиду и протянула письмо:

- На, прочитай!

Недоверчиво взяв письмо, хотел пересмотреть его, но оно оказалось настолько интересным, что я начал читать его повторно, с большим старанием и вниманием.

Хатуна, заметив, что я стал перечитывать письмо, попросила читать погромче. Я исполнил ее просьбу.

Письмо прочитал без ошибок, и так же, не изменяя скобок и знаков препинания, привожу его в этом произведении:

- «Детка, Хатуна!

(Я всегда замечала, что тебе было неприятно, когда я так звала тебя, но ты все равно терпеливо слушала меня с выступившими на глаза слезами. И сейчас, в последний раз, послушай меня, детка, со всем терпением и вниманием!)

Говорю – дочка и не грешу, это чистая правда. Человек перед смертью во время исповеди не лжет. Пока ты прочтешь другие документы, подтверждающие мое материнство, надеюсь, что ты поймешь и поверишь мне. Ты, дочка, всегда просила меня открыть мой сейф. Тебе было интересно, что я храню там. Извини, что я не исполнила твою просьбу. Зато теперь с этим письмом оставляю и ключи от сейфа. Знаю, откроешь, увидишь и прочтешь эту прискорбную историю, которая касается не только твоих настоящих родителей, но и тебя. Ты уже не маленькая, прочитаешь и сама рассудишь, кто прав, а кто виноват, хотя мне будет уже все равно: оправдают или осудят меня. Меня ведь уже не будет в живых, когда ты узнаешь обо всем?

Говорю, что для меня «не будет иметь значения», но грешу, для тебя это очень важно знать правду и уважать память о твоих усопших родителях. Очень хотелось дожить до твоего замужества, но не могу

больше ждать. Я и так была рядом долгое время, которое мне не положено. Теперь я оставляю тебя уже стоящей на правильном жизненном пути. Тебе хватит материнского тепла моего сердца, и постепенно ты поймешь, какая у него сила. Не считай меня умершей. Я всегда буду твоей спасительницей, дочка! Для тебя никогда не наступит ночь, и, если ночью ты заметишь бледный огонь, знай, это буду я, зажженная для тебя свеча. Сгорю, стану для тебя светильником, чтобы осветить тебе во мраке и, чтобы ты была целой и невредимой. Что мне сделать за причиненную тебе боль от потери родителей. Раскрой мое сердце, ты сможешь это с помощью документов из сейфа. Узнаешь о виноватом и правом. Ты сама взвесишь на весах правды наши души и без всякого объяснения рассудишь, кто преступник.

Ну, а я, успокоенная надеждой, что оставляю тебя, стоящей на правильном пути, иду в то царство, куда ушел твой отец, (я намеренно не позволила могильщикам оставить место рядом с твоей «матерью», чтобы никто не похоронил меня рядом с нею).

Похорони меня, дочка, рядом с твоим отцом, чтобы хоть теперь быть рядом с ним и почувствовать уют желанного сна в царствии небесном...

Я выпила быстродействующий яд. Знаю, что через полчаса умру, но так я не уйду, не оставив тебе моего благословения: - Будь благословенна, пусть исполнятся все твои думы, с которыми будет согласно материнское сердце, дочка!

Я не обделила тебя воспитанием. Веди себя так в

этой жизни, как тебя воспитали. Я верю, что все будут гордиться твоим воспитанием. Верю, что ты сегодня хорошая гражданка, а завтра станешь человеком, полезным родине. Грузины никогда не забывали своей родины, родителей и бога! Эта троица всегда спасала их от бед.

Ты тоже не сходи со старого пути, следуй за мудростью предков.

Построй свою жизнь, не оставайся в одиночестве. Для женщины – независимая жизнь, для ее существования, самый короткий путь. Правда, для некоторых создание семьи – это зажмуривание глаз, а для других – раскрытие глаз. Но это не должно тебя пугать. Жизнь всегда обращается добром для тех, кому покровительствует!

Если сравнивать замужество с привитием почки, то необходимо выбрать корни, на которые привьешь. Затем надо завернуть ее и ухаживать, когда зацветет побег. Не бывает людей без недостатков, но им приятно копаться в недостатках других. Поэтому старайся скрывать свои недостатки, чем копаться в чужих, дабы не прозвали тебя сплетницей.

Перед смертью мозг работает, как никогда. Мне очень хочется еще поговорить с тобой, дочка, но силы покидают меня, и я еще раз прошу прощения, если чем-нибудь обидела тебя.

Твоя родная мать, Мери.

В конце письма неразборчивой рукой было дописано:

Р. S. – Дочка, Хатуна, я сама вызвала скорую.

Тяжело умирать.»

ГЛАВА ПЯТАЯ

Когда я читал письмо, по лицу Хатуны катились слезы. Ее настроение передалось мне. Пришлось отвести взгляд от письма, чтобы не закапать его слезами. Я закончил читать письмо, Хатуна закрыла лицо платком. Не знаю, почему ей стало стыдно за свои слезы. Я тоже не находил нужных слов, и так мы несколько минут молчали. Наконец Хатуна приподняла чуть умиротворенное, без слез, лицо, взяла ключи и подошла к сейфу. Остановившись, задумалась, затем взглянула на меня. Мой взгляд обнадежил ее. Хатуна осторожно вставила ключ в замок, будто и теперь открывала без спросу сейф – мечту своего детства. Замок щелкнул три раза, тяжелая дверь сейфа открылась с трудом. Хатуна начала с первой полки: - сначала она достала совсем новые детские пеленки и одежду, затем маленький матрасик и одеяльце, перевязанные веревками от аквани**.

От этих вещей исходил такой приятный запах, было очевидно, что они надушены какой-то душистой жидкостью, хотя все вещи были стары и бедны, однако сшиты и сохранены с большой любовью. Мы молча осмотрели их, и Хатуна положила вещи обратно на полку, где они и лежали. Ко второй полке мы даже не притронулись: тут стояли три бутылки, в которых была налита какая-то прозрачная жидкость.

Хатуна взяла ключи и открыла потайной ящик сейфа. Из ящика она впервые достала толстую,

* Аквани - колыбель

сшитую вручную, тетрадь, обложка которой сильно обтрепалась, но надпись на ней виднелась четко:

**Мой дневник
«Мери»**

Хатуна, встав на носки, заглянула в ящик, и, глубоко просунув руку, достала золотое ожерелье с висевшим на нем золотым кулоном, в который была вставлена фотография молодого Валерия Арабули. Хатуна внимательно посмотрела на фото и сказала чуть слышно: - «Мой отец.»

На ожерелье вместе с кулоном висел простой, покрытый ржавчиной ключ от английского секретного замка. Ржавчина на ключе доказывала, что им не пользовались долгое время.

Ожерелье с ключом и кулоном Хатуна убрала в сейф и прикрыла дверь. Затем, взяв тетрадь, села в кресло, я примостился в кресле, стоящем напротив, не спросив разрешения. Она, не раскрывая тетради, протянула ее мне и сказала:

- Я не могу, читай ты, только немного погромче, и не обращай внимания на меня, когда я плачу, глаза твои тоже наполняются слезами!

Я молча взял тетрадь и раскрыл ее. На ней в кавычках было написано одно лишь слово –«Мери».

Я перелистнул еще один лист, и дневник начался.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

- Вчера я окончила среднюю школу. Вечером родители накрыли праздничный стол, такой,какой он мог быть в огненные дни войны: бедный и невеселый. Мой отец не вышел к столу. Он сказал: -«Я стесняюсь твоих одноклассников. У всех родители на фронте, поэтому они могут подумать, что я уклоняюсь от защиты Родины. Это будет неверно, дочка! Здесь я больше нужен Родине, но этого многим не понять. Не хочу, чтобы смотрели на меня подозрительно, поэтому я решил в скором времени уйти на передовую защищать Родину!»

Как бы там ни было, закончился мой праздник, и я решила с сегодняшнего дня вести дневник. Ведь сегодня начинается моя новая жизнь? Этим страницам я доверю все то, что произойдет со мной в жизни. Тетрадь без языка, и ее не разговорят ни любовь, ни вино, если только в нее не заглянет злой человек, и если она потом не заговорит злым языком. От злых людей я попробую защитить сама свои тайны, мою рукопись, мое ежедневное метание души.

Сказала: - «Попытаюсь сама защитить дневник от злых людей,» - но, может быть, вы - добрый человек, который решил прочитать мой дневник. Мне кажется, что это все равно зло, потому что вы без спросу копаетесь в моей душе и крадете самое дорогое сокровище – «тайну», поэтому покорнейше прошу вас, добрый человек, закрыть тетрадь и положить ее на место!

Мери».

Дочитав последнюю строчку, у меня задрожали руки, и я невольно закрыл тетрадь. Хатуну не удивило мое поведение. Она улыбнулась и сказала:

- Продолжай читать! Я же имею право прочитать дневник. Мои права уступаю тебе, только знай, что прочитанное ты должен сохранить втайне. Пока не раскроешь тайну, она является твоей заложницей. Как только раскроешь ее, ты сам становишься ее заложником. Помни об этом!

Я не мог вымолвить ни слова и, чтобы скрыть неловкость, раскрыл тетрадь. Подумал, как вести себя, и решил продолжить чтение.

22 июня 1942 года, понедельник.

- Утром я встала поздно. Отец сидел задумчивый в гостиной. Комната была полна табачным дымом. Вдохнув воздух, я начала ужасно кашлять. В поведении родителей чувствовалось беспокойство, в их глазах я читала ожидание какой-то неприятности. Сев отцу на колени и заглянув в его глаза, я хотела разгадать тайну семьи, увидеть неприятность. Однако отец разгадал мои мысли, блеснув глазами, улыбнулся вымученной улыбкой и поцеловал меня в лоб.

- Случилось что-то плохое, папочка?

- Да, - кивнул он.

- Что случилось? – повторила я вопрос.

- Война началась!

- Война уже как год началась, а ты что, сейчас узнал? – пошутила я.

- Это тоже дело, началась как год, а я еще здесь. Родина в беде, ее требуется защищать. Ведь Родина должна существовать, а ты – жить!

Несчастья на людей обрушиваются не по воле природы, а в результате своих собственных ошибок. Умный человек не навлечет на себя беды. Я опоздал! Мне до сих пор надо было помочь Родине. Если бы все вели себя так, как я, то война была бы уже оконченной, а Родина – погибшей. Чем совесть терзать, лучше умереть. Я испытываю угрызения совести, дочка!

- Почему ты так говоришь, папочка? Сколько раз ты просился на фронт, а тебя не брали; ты нужен был здесь людям.

- Правда, я нужен был здесь людям, а Родине – там!

- Что ты говоришь, папочка? Разве люди – это не Родина? Как, разве Родина – это только земля?

- Люди в тылу – это не Родина, и по-моему, помогать им – это ошибка. Медработники нужны на фронте. Ведь герои могут умереть без помощи врачей.

До сих пор нам было трудно оставлять тебя одну. Теперь ты большая, у тебя есть среднее образование, и мы надеемся, что ты сможешь присмотреть за собой до нашего возвращения!

- Как «до нашего возвращения»? Мама тоже едет?

- Мама – хирург, лучше меня. Именно ее руки нужны в госпитале.

- Тогда и я поеду. Хотя я и не врач, но там, наверное, нужна будет медсестра?

- Нет, дочка, ты пока маленькая. Тебе пока не стоит видеть пролитую человеческую кровь. Даже если

и не так, то ты – продолжательница нашего рода, и погибнуть тебе нельзя!

Ты же с детства любишь цирк? Директор цирка – мой хороший друг. Вчера я поговорил с ним, он согласен взять тебя к себе. Ты будешь находиться под его присмотром, больше привыкнешь прыгать через скакалку и,кто знает, может станешь знаменитой цирковой артисткой.

- Что сказал тебе директор?

- Он согласился, даже обрадовался. В доме культуры он видел исполненные тобой номера. Ему очень понравилось...

В августе сдай экзамены в высшее учебное заведение,дочка! Потерпи немного, выучись, кто знает, какое время наступит. Необразованный человек – легкомысленен. Ветренность заставляет его согласиться с любым мнением окружающих, даже если оно ошибочно,так как из-за своей необразованности он не может отличить хорошее от плохого.

До сих пор я думала, что отец шутит, но в его серьезном разговоре я не уловила шутки. Обняв отца за шею, я зарыдала.Не знаю, сколько времени я плакала, успокоить меня было невозможно. Вечером у меня поднялась температура. Я представляла моих родителей то умершими, то ранеными. Оказывается, я в действительности рвала на себе волосы и царапала лицо. Мои родители, врачи, помогли мне, сделав успокоительного, и на утро, по сравнению с прошедшим днем,я чувствовала себя лучше.

24 июня 1942 года, среда.

Вчера родители привели меня в цирк. Директор попросил исполнить разные номера, в частности, лазание по канату и танцы. Несмотря на то, что мне плохо, я все равно понравилась, и меня без всяких раздумываний приняли на работу.

Вчера вся наша семья не спала: родители получили повестку на фронт и готовились к отъезду. Я не нахожу себе места, сердце предчувствует беду. Решив не расстраивать родителей, подчиняюсь их приказам. Родители не советуют плохого, и исполнение их просьбы или приказа считаю достойным делом. Строго следуя родительским советам, я часто заслуживала похвалу за добрые дела.

Сегодня в 11 часов проводила родителей с железнодорожного вокзала. Мне не хотелось показывать им моих слез, прощаясь, приходилось сдерживать себя изо всех сил.

Проводив родителей, я потеряла сознание. Оно вернулось ко мне спустя только час, когда я лежала на койке в привокзальном медпункте.

Так осталась я одна-одинешенька, и, кто знает, на какой срок. Хочется иметь друга, с которым можно было бы поделиться сердечной болью, но где найдешь сейчас такого, у которого бы не было своих проблем? Кажется, все в таком положении, как я, все с болью в сердцах, печальные, ждущие утешения.

Тетрадь – это единственный мой друг и утешитель. Я вверяю ей все свои тайны, так как человеческая

природа такова, что не может вместить в сердце своем ни печаль, ни радость. Ей необходимо поделиться с кем-нибудь этим. Кратко, но красиво и ясно написанный дневник лучше, чем злой и завистливый друг.

А там, кто его разберет, иногда человек не может познать даже самого себя.

3 июля 1942 года, пятница.

Конечно же, в моей жизни каждый день происходит что-то такое, что необходимо записывать в дневник. Но я боюсь похожих друг на друга, повторяющихся дней, которые могут надоесть не только мне, но и другим. Поэтому, решив избежать однообразия, я стала записывать в дневнике только достойные внимания даты.

Сегодня я занесла документы в педагогический институт и начала готовиться к экзаменам. Мне хочется только одного: исполнить желание родителей и стать студенткой. Ах! Как же они обрадуются! Скажут: - «Молодец! Постаралась!» И эти два слова принесут мне столько тепла, ласки и радости, что и в дневнике не опишешь.

Радость – это незаменимое лекарство души человеческой. В мире и согласии душа жадно впитывает тайную сладость, поэтому мы, умиротворенные радостью, на какое-то время забываем о самых больших намерениях и бедствиях тоже. Мне хочется, чтобы мои родители позабыли все горести с помощью радости, подаренной им мною.

... В цирке я делаю успехи. Зритель встречает шумными аплодисментами мой выход на арену. Тренировки сделали свое дело: я достигла того, что привожу зрителя в восхищение.

С детства я люблю цирк, а теперь любовь эта граничит с сумасшествием.

У меня есть одна любовь - любовь к цирку, а мечты у меня две : возвращение родителей и сдача экзаменов в высшее учебное заведение.

28 июля 1942 года, вторник.

Больше месяца я жду письма от родителей. Сдают нервы. Сегодня радость моя не знала границ: я получила письма. Наскоро вскрыв треугольники писем, я узнала о здоровье родителей, о их работе: они служат вместе в военном госпитале.

Читаю письмо матери, и по всему телу разливается тепло. Она беседует со мной с прежней лаской и мудростью: - «Дочка, Мери! Моя надежда, моя единственная, моя любовь и утешение! Сражаюсь, и образ твой ведет меня вперед, и пуля меня не берет. Надеюсь вернуться с победой и увидеть тебя...

Ты теперь в семье – и за мужчину, и за женщину, себе самой советчица.

Знаю, что ты занесла документы в высшее учебное заведение. Знай, дочка, что ученье точит ум, но не стачивает его, наоборот, без ученья он ржавеет. Не думай, что ты одна. Тебе хватит тепла, посылаемого мной отсюда. Ведь материнское сердце не знает расстояний,

дочка! Постоянно думаю о тебе, в мыслях ласкаю и обнимаю тебя, чувствую все, что происходит с тобой...»

В который раз уже перечитываю письмо мамы, сбилась со счета, и правда, греет и ласкает меня оно. Иногда я плачу, бывает смеюсь, и в эти минуты становлюсь похожей на окружающих меня людей.

Письмо отца показалось мне строгим и поучительным:

-«Мери, дочка! Помни, чья ты дочь, не давай людям повода сказать, что растешь без родителей, не опозорь нас! Наше дело правое, и мы обязательно победим. Я борюсь, как подобает бороться коммунисту и человеку. Ты не находишься на фронте, но и твоя жизнь – это борьба, и ты обязана победить. Победив, ты выучишься и станешь достойной гражданкой. Люди будут уважать тебя за твои заслуги, попрошайки – за милосердие. Я думаю, что лучше уважать людей и защищать их достоинство, чем бросать попрошайке кусок хлеба. Да, если тебе станет трудно, продай все, только встреть нас живой, дочка!»

Сердце мое успокоилось от чтения родительских писем. Насладившись их речью, близостью, в тот же день написала им ответ. В письме наряду с моими успехами, я написала, что занесла документы в педагогический институт. Больше писать было не о чем, так как практически не выхожу из дому. Дорога моя от дома до цирка, заучена наизусть, все остальное время посвящаю занятиям. Вот такая у меня молодая жизнь. В нашем городе уже давно прекратились гулянья и флирт. Выросло число стариков и детей, одетых в черные одежды. Людям не до развлечений.

1 августа 1942 года, суббота.

Всю ночь не спалось: переживала перед сдачей первого экзамена, однако, «не так уж страшен черт, как его малюют». На экзамене взяла билет, и первая пятерка негасимой надеждой замерцала в моем экзаменационном листе. Я быстро побежала домой, будто там меня ждали родители, и мне хотелось обрадовать их своим первым успехом.

Не было никого, кто бы порадовался за меня. Никто не встретил меня, от пустоты в доме защемило сердце, и слезы одиночества и радости оросили подушку. Затем я направилась в цирк. Друзья, узнав о моем успехе, поздравили букетом цветов. Вновь вернулась радость, которая придала сил, и мне захотелось покататься на качелях. В этот день мне удалось исполнить все номера. Все были удивлены, особенно директор.

Вернувшись домой уставшей, мне захотелось поговорить с родителями. Не отдохнув, я села писать длинное письмо, в котором описала пережитое мною сегодня испытание, порадовала их первыми успехами. Не забыла написать и номер билета на экзамене, а также вопросы, на которые отвечала.

25 августа 1942 года, вторник.

Те замечательные дни, когда я сдавала экзамены в институт, были бы достойны занять свое место в моем дневнике, но они показались мне однообразными.

Поэтому мой дневник раскрыл свои страницы немного позже.

Вскоре меня посетили две радости. Эти две искры разгорелись, как неугасимые свечи в моем исстрадавшемся от одиночества сердце.

Сегодня я пошла в институт очень рано. После сдачи экзаменов я, конечно же, была уверена, что буду зачислена, но мне хотелось увидеть своими глазами мою фамилию в списке зачисленных студентов. Еле добравшись до списка, вывешенного на стене, (вокруг было столько девчонок и парней, что они чуть не сбили меня с ног), я наконец-то прочитала мои имя и фамилию. Радости моей не было границ: я стала студенткой первого курса и с сентября начинала учебу.

Исполнилась родительская мечта, и мне еще больше радостно оттого, что я обрадую родителей. Решив поскорей написать им письмо, я помчалась домой.

Прибежав домой, я застала родительское письмо. Так, меня посетила вторая радость, приведшая в восторг. Письмо состояло из одного листа: на одной странице писала мама, а на другой – отец.

Как и всегда, письмо начиналось и заканчивалось нравоучениями. О том, что больше интересовало меня, о тамошней жизни, они не писали.

Сев, я написала длинное письмо; обрадовала их зачислением в институт... отметила, что получила их письмо и попросила написать мне немного больше о их жизни, которая меня интересовала очень сильно.

Не забыла написать о каждодневных успехах в цирке. Знала, что это тоже обрадует родителей, и попыталась сделать их сердца счастливыми...

-«В вас заключается жизнь моей души и сердца, мои ангелы-хранители и спасители. Каждый день я молюсь за вас перед вашей фотографией. Образ ваш стоит перед моими глазами. Во время экзаменов, я отвечала вам, а не другим. Поэтому вы одобрили мой ответ и порадовались пятеркам. Спасибо вам, родители, что не забываете обо мне ни на одну минуту, и тень ваша сопровождает меня повсюду.»

1 сентября 1942 года, вторник.

Сегодня прозвенел первый звонок, сообщивший мне о начале занятий в институте. Помню первый звонок, когда мама отвела меня в школу. Тогда я плакала: трудно было расставаться с родителями. Однако я привыкла, и вскоре школьный звонок стал для меня любимым, в нем слышался мне какой-то музыкальный перезвон. Школьный звонок был всегда дорогим и радостным для меня. Звонок 1 сентября всегда отличался от звонков последующих дней. Он всегда казался мне более гармоничным, но институтский звонок обрадовал меня намного больше. В сегодняшнем звонке я услышала призыв к добру, почувствовала его важность.

В институте у меня появились новые друзья. Некоторые из них – местные, некоторые приехали из районов и деревень. В основном, все они девчонки. Также и среди преподавателей большинство женщины. Все с одинаковыми взглядами: скорбь, печаль и грусть читаются в их глазах. Хочется всем учителям во главе

с моей первой учительницей, которая научила меня азбуке, пожелать здоровья и радости.

... Сегодня мы просто познакомились и побеседовали друг с другом. Наверное, с завтрашнего дня начнется настоящая учеба.

После окончания лекций я пошла домой и написала торопливо письмо родителям, затем отправилась в цирк.

18 октября 1942 года, воскресенье.

- Ох! Боже, зачем ты позволил мне проснуться сегодня, если я должна была пережить такое горе! Неужели тебе трудно подарить мне хотя бы одну маленькую радость; неужели раз ты бог, то можешь сеять зло повсюду? Почему ты оставил меня сиротой? Для чего ты уничтожил желание увидеть родителей? Почему уничтожил надежду?...

Ох! Моя мамочка! Мой любимый папочка!

На коленях лежит ваша фотография, и я оплакиваю вас. Бог не дал возможности вашей дочери бросить горсть земли в вашу могилу. Скажите мне, где искать ваши тела? Я не могу не увидеть ваши тела. Неужели я не увижу больше ваших добрых глаз? Неужели больше никогда не обнимите меня теплыми руками? Заберите меня к себе, заберите! Я не могу жить без вас! Устала на этой земле, где оказалось посеянным только горе и зло.

Ваше рождение оказалось ошибкой, добрые люди, и зло сократило ваши дни. Ах, мама! Зачем ты

родила меня, если меня ждало такое мучение? Ох, боже! Зачем я дожидала до этого дня, зачем? Если ты всемогущ, почему не победил кровожадного черта? Почему ты отнял у меня родителей? Почему?! – с утра причитаю, рву на себе волосы и царапаю лицо... Почему я получила похоронку на родителей, почему не умерла сама? Хотя бы не приносили ее, не показывали мне. Это было бы огромной надеждой. Они жили бы в моей памяти, я ждала бы их возвращения, и в ожидании, может, душа моя мученица покинула б мое тело. Сердце радуется от надежды, и человек живет надеждой. Кто тот человек, уничтоживший мою единственную надежду?

Я возненавидела людей. Для меня вы сегодня все - фашисты, все – убийцы, не несите таким как мы, беззащитным детям, кровавые похоронки... Убийцы! Прочь руки, обагренные кровью! От ваших утешительных слов не становится спокойней!

Получив известие о смерти родителей, я умерла. Помню, как подкосились колени, кто-то помог мне, и я не упала. Затем потихоньку похолодели руки, ноги, озноб пробежал по всему телу, сердце остыло, пробежала приятная дрожь. Вдруг, будто крылья выросли, и я взлетела и уселась поудобней на белом облаке. Не осознавала, что делаю. Вроде искала кого-то. На третий день – воскресла так же, как умерла. Только вместо холода ко мне вернулось тепло. Сегодня 24 декабря, ровно через два месяца со дня смерти родителей, меня выписали из больницы. Врач дал мне нужные наставления: - оказывается, мне нельзя нервничать, не то я, и правда, умру. Хотя мне

не страшна смерть, и я не слишком переживаю из-за этого, но помню слова отца: «Ты – продолжательница нашей семьи, и тебе нельзя умирать!» Я обязательно должна выполнить «приказ», чего бы это не стоило, не должна потушить семейный очаг, должна продолжить его существование. И я решила не умирать!

23 февраля 1943 года, вторник.

В мире бушует огненный ураган войны. 23 февраля наши войска,наверное, отмечают в окопах, а затем идут в атаку. Наконец-то фашистский организм заметно сломлен. Наши войска возвращают завоеванные территории и стремятся к Берлину!

Лично я не праздную сегодня, и на новый год у меня не было праздничного стола. Работаю, содержу себя, учусь, углубляю знания. Вот и вся моя жизнь. Цирк помогает мне не нуждаться: хватает и на воду, и на хлеб. Так что не пришлось выносить из дому вещей на продажу. Живу сама по себе, одна – одинешенька. Правда, после болезни было трудно восстанавливать номера в цирке. Отстав от учебы в институте, я еле догнала своих подруг однокурсниц.Однако, раз решив не умирать, я все восстановила в кратчайший срок.

Ни у кого в городе нет праздничного настроения. Будь у горожан деньги, они все равно не накрыли бы праздничный стол. Весь город облачен в черные траурные одежды, к нему добавилась и моя. Не знаю, когда сниму траур по родителям. Образ их не покидает меня: ночью они дают мне советы, а днем помогают выполнить их.

Никогда я не верила в бога, да и сейчас, после смерти родителей, мне кажется смешным его существование. Если бы бог действительно был, он не унес бы жизни столько хороших людей.

Странный сон приснился мне 12 октября. Я не могу объяснить его, каждый поймет его по-своему. В то время мои родители были еще живы. Приснилось, будто мама пришла ко мне. Знаю, что мама на фронте, и радуюсь ее возвращению. Усадив меня на колени, как маленькую, она стала целовать меня и прощаться.

-Почему ты прощаешься? Опять уходишь? – спросила я.

- Да, рано утром я уйду. Пришла попрощаться с тобой. Не хотела уходить, не повидавшись. Ну что же, будь молодчиной, веди себя разумно. Не заставляй людей сказать, что ты без присмотра, и у тебя недостаточно своего ума. Люди ничего не забывают: и хорошее, и плохое оценят по заслугам. Люди настолько справедливы, что вера в них законна. Поэтому мы не должны избегать их даже тогда, когда они полны злобой. Добрые люди не проживут без плохих, иначе жизнь будет неинтересна.

Видишь, даже раненых не жалеют плохие люди, разрушают и поджигают госпиталь. Но и среди них тоже есть добрые люди, не все же фашисты.

Поэтому мы победим! Союз добрых людей победит любое объединенное зло!..

Мне пора идти, дочка! Я должна защитить раненых, - сказала мама и встала, чтобы уйти. Я повисла у нее на шее, целуя и плача...

Ушла. Далеко проводив маму, возвращаясь, я заблудилась и оказалась в дремучем лесу. Одежда моя превратилась в лохмотья, стыдно было возвращаться домой в таком виде.

Вернулась мама. Подойдя, она отругала меня за то, что я проводила ее так далеко.

Затем, укутанная сама в черное, она протянула мне черное платье и платок. Одев во все черное и покрыв мою голову черным платком, мама вывела меня на дорогу:

- Повторяю, дочка, у меня нет времени провожать тебя до дому. Ступай домой и береги себя. Ты уже не маленькая и должна знать, что своей смертью никого не спасешь...

Мама ушла, а я, заплакав, направилась домой.

Проснувшись, оказалось, что я правда плакала. Подушка была мокрой от слез. Поняв, что это просто сон, я обрадовалась.

18 октября пришло извещение о смерти родителей.

13 октября в 5 часов утра гитлеровцы разбомбили госпиталь. Вместе с ранеными погибли и мои родители.

Как я уже отметила, 18 октября я умерла и устроилась на белом облаке. Мама и там не оставила меня одну в опасности. Переступив с соседнего облака, одетая во все белое, босая, она пришла ко мне:

- Тебе не стыдно? – сказала мама, - неужели все пропало: мой труд, мои советы. Неужели я не смогла образумить тебя? На, выпей это лекарство! – и положила мне в рот лекарство своей рукой,(в жизни я не пила ничего такого сладкого, вот и сейчас, пишу

дневник, а во рту опять сладкий вкус, от которого текут слюнки).

Я проглотила лекарство.

- О! Какое сладкое! – вырвалось у меня.

- Поданное матерью всегда все сладко, даже отравы, и действует на дитя, как лекарство. Таковы сердце и руки матери. Все, что попадет в материнские руки, становится сладким!

Мама приподняв мою голову и положив себе на колени, стала перебирать мои волосы. Меня охватило приятное чувство, и я расслабилась, но это длилось недолго. Вдруг на щеку попала слезинка, и я подскочила на ноги.

- Мама, ты плачешь?

- Нет, дочка, - ответила она и вытерла слезы кончиком платка.

- Мама, ты плачешь! – закричала я и бросилась целовать ее руки. Она убрала руки. Тогда я, упав на колени, стала целовать ее босые ноги. Я целовала и плакала, плакала в голос. И теперь, когда пишу дневник, клянусь, не могу сдержать слез.

Мама встала и собралась уходить. Сначала она расцеловала меня, осушила мои слезы своими горячими губами, затем взяла меня за руку и сбросила с облака, как пушинку. Я закричала, по всему телу разлилось тепло...

Сегодня 23 февраля, на рассвете, ко мне опять явилась мама и приласкала меня. Она была рада, что у меня все хорошо. Достав из шкафа еду, я накрыла на стол. Она ни до чего не дотронулась.

- Нас правительство кормит бесплатно! – сказала она и придвинула ко мне тарелку.

- Ну, что случилось, почему ты такая печальная? – спросила я.

- Камень давит на грудь, дочка. Я никогда не боялась боли, но нет больше сил терпеть!

Я проснулась и призвала на помощь слезы. Плачу и думаю; может и вправду под обломками похоронены мои родители. Узнать это пока невозможно. Пока не время перезахоронить их. Почему я не парень: пошла бы на поиски их тел. А теперь, что мне делать, бессильной и беспомощной?..

После видения таких снов у меня возник научный взгляд. Нам известно, что животные чувствуют приближение беды наперед за несколько дней. Оказывается, крысы и мыши раньше, чем за три дня, чувствуют кораблекрушение и бегают по кораблю в поисках спасения.

За три дня до пожара в лесу дикие звери мечутся и бегут из лесу. Домашние животные заранее чувствуют приближение хищника и ревут...

У человека не развито такое чутье, но не исключено, что во сне, когда некоторые клетки мозга человека бодрствуют, они могут оказаться предвестниками беды, и мы можем увидеть во сне ожидающую нас опасность.

Установлено, что мозг состоит приблизительно из 14 – 16 млрд. нервных клеток, из них активно и творчески действует только 5 – 7 процентов. Значит, человек может намного больше, чем делает, и не исключено, что такой большой запас мозга может быть задействован во время отдыха организма, и мы можем видеть во сне все в результате действия запаса мозговых клеток.

В истории много таких примеров, когда в организме человека просыпались скрытые резервы, не разом, а на протяжении всего периода жизни. У человека и в мыслях не было совершить зло, но в нем проснулся скрытый (если можно так назвать, «звериный») резерв, заставивший совершить преступление.

Пока человечество не в силах пробудить весь творческий запас и использовать его. Эти резервы просыпаются неожиданно и, в большинстве случаев в период отдыха человеческого организма, когда спит и отдыхает действующий процент нервных клеток человеческого мозга.

25 сентября 1944 года, понедельник.

Правду говорят, что время все лечит. Время от времени в сердце человека появляется в малом количестве радость, и он излечивается от печали. Действительно, время является правителем людей и их судеб. Поистине прозорливы те, кто знает цену времени, иногда время кажется нам благородным и мы с благородством используем его, когда оно готовит нам большое испытание. Но за добро восхваления достойно только одно мгновение времени, которое сильно тем, что может перерасти в зло. В противном случае, добро – это ничто иное, как слабость природы или времени.

Возможно, кто-нибудь, кто прочтет мой дневник, подумает: «Время помогло этой девочке забыть родителей,» - это будет неверно. Светлая память о

них никогда не умрет в моем сердце. «Значит, время не лечит,» - скажет кто-то. Нет, я опять стою на своем, что время лечит, но после смерти родителей не прошло достаточно времени для того, чтобы забыть их. Ведь забывают родителей только после смерти их детей. Есть и такие, кто забывает о живых родителях. Такой пример заразителен. В человеческом роду с каждого добропорядочного гражданина, как и со злоумышленника берут пример, но людской род направлен на добро, и большинство из нас должны идти по этой дороге человечества для того, чтобы добрые люди помогли нам забыть тех, кого мы потеряли.

Я уже студентка третьего курса и заслуженный мастер цирка. Я так привыкла к ходьбе по канату и танцам, что кажется мне уже трудно будет ходить по земле.

Я привожу публику в восторг, не знаю, что такое усталость. Наверное, достигнуть такого успеха помогли мне мое физическое здоровье, сила воли и тренировки. Не раз преподносили мне поклонники цветы: букеты роз и даже лавровый венок, но сегодняшний букет роз отличался от ранее преподнесенных необычных букетов; букет был собран из различных сортов роз. Стебли были обломаны одинаково, а это значило, что розы были украдены. Таких роз мне пока никто не дарил. Мне стало жаль человека, подарившего мне эти розы, несмотря на то, что и он отличался от других зрителей. На нем была студенческая одежда, простая, даже,наверное, бедная. Среднего роста, лицо круглое и такое красивое, что от лица красивой девушки его отличала небольшая полоска усов,волнистые

каштановые волосы, приглаженные рукой, придавали лицу еще больше красоты.

От меня, как и от любой молодой девушки, не ускользнуло то, что молодой человек пришел сюда не ради циркового представления. Его беспокоило что-то другое. Об этом мне говорили его печальные глаза медового цвета.

Он подал мне розы, я приняла их, поблагодарила его, поклонилась зрителям и скрылась за кулисы. Не знаю, как могла я разглядеть тщательнейшим образом молодого человека, но, возвращаясь из цирка домой, видела перед собой его протянутые руки.

Улегшись спать, я увидела его во сне. Что происходит со мной? Мама, убереги меня. Пусть не увижу я больше горя. Отведи и отгони от меня нечисть, как и всегда, будь моей покровительницей, храни меня от зла. Бормоча эти слова, я встала с постели, взяла подаренные юношей цветы, которые сиротливо лежали на столе, и поставила их в хрустальную вазу.

Посмотрев на часы, было уже без четверти два, опять улеглась спать, но никак не смогла уснуть. Встала, оделась и стала писать дневник. В окне забрезжил рассвет. Часы показывали без двадцати минут шесть. Я кончила писать дневник и приступила к уборке дома.

26 сентября 1944 года, вторник.

После института я собралась пойти домой, как вдруг заметила юношу, преподнесшего мне

необыкновенный букет роз. Он приближался ко мне. Я хотела было не обращая на него внимания, пройти мимо, но не смогла. Одеревеневшими ногами я направилась в его сторону. Встретившись, он поздоровался со мной, я не смогла вымолвить ни слова. Он продолжил:

- Мери, ты не узнала меня? Хотя, как бы ты узнала человека, увиденного всего один раз. Верно, вы не запомнили моего лица, ведь у вас столько достойных поклонников, лучше чем я!

Его слова покоробили меня, и это придало мне сил, и я наконец-то сказала, чтобы воздать должное юноше.

- У меня нет поклонников! Зрители в цирке – мои болельщики. Туда никто не ходит, как ты, которого не интересует цирк. И никто не приносит мне так щедро, как ты, ворованных роз !

- Так ты поэтому выбросила мои розы?

- Да, поэтому!

- А тебе не стало жалко того, кто украл эти розы? У него не было денег, чтобы преподнести их тебе. Он рисковал своей жизнью ради того, чтобы порадовать тебя один лишь миг. Неужели ты не заметила кровь на колючках, которые расцарапали мне ладони? Неужели ты не заметила разорванных собакой единственных брюк на молодом человеке? Он сам еле спасся.

Я чуть не заплакала, сердце мое наполнилось теплом. И все-таки я ответила так:

- Я все заметила!

- И все же ты выбросила?

- Нет, я не выбрасывала!

- Нет, ты не выбросила, нет! Ты, наверное, их

поставила в хрустальную вазу, и она стоит на самом видном месте...

- Да, это так!

- Я лучше поверю в конец света, но не в это, и не в то, что ты умеешь лгать.

- Я не заставляю вас верить мне, говорю только правду, идущую из сердца. А вы- хотите верьте, хотите – нет.

- Для меня не имеет значения, в дальнейшем вы убедитесь или нет в моей правде, только сегодня я докажу вам правду, пойдете!..

Мы пошли пешком по почти пустынной улице. Парень сильно стесняется. Мы идем молча. Я даже имени его не знаю. Я сама удивлена. И вот так молча, без разговоров, незаметно подошли к подъезду моего дома, поднялись по ступенькам и остановились у двери. Я отыскала ключ в сумке и протянула его незнакомцу. Он отпер двери, отступил назад на шаг, пропустив меня вперед. Первой в квартиру вошла я, затем он. В гостиной на самом видном месте стояла ваза с огромным количеством роз.

Парень молча посмотрел на розы и стал рассматривать обстановку комнаты. Он молчал. Его молчание надоело мне, и я нарушила тишину.

- Ну что, убедились собственными глазами? Видите, я не отношусь плохо ни к розам, ни к поклонникам!

- Убедился и рад этому!

- А теперь прошу прощения, правда, мы, грузины, гостеприимные люди, но я дома одна. Прощайте!

- Я никогда, ни у кого не совершу такого, чтобы опозорить свою честь и семью.

- Нет, я боюсь не этого. Так как я живу одна, у меня много наблюдателей. Долгое нахождение парня в моей квартире может опозорить мое имя.

- Хорошо, я уйду. Просто мне хотелось познакомиться и сказать вам пару важных слов.

Он подошел к окну, посмотрел вниз, вздохнул и продолжил:

- Неизвестно, сколько ночей провел я под тем деревом, ожидая вашего появления. Повидав вас, успокаивался и уходил... Моя фамилия Арабули, зовут Валерий, учусь на четвертом курсе университета...

- Садитесь к столу! – наконец-то я проявила вежливость.

Валерий сел в кресло. Выйдя на кухню, я на скорую руку вскипятила чай и принесла на стол две чашки, затем села к столу и взглянула на Валерия, давая понять, чтобы он продолжал разговор. Валерий вздохнул, достал из кармана вчетверо сложенный лист бумаги и протянул его мне, сказав чуть слышно при этом:

- Родителей и единственного брата отняла война...

Дрожащей рукой я раскрыла извещение о без вести пропавших. В ту же секунду передо мной встали мои родители, и я зарыдала. Валерий не стал меня успокаивать, он тоже плакал.

Когда мы успокоились, чай уже остыл. Валерий говорил прерывистым голосом.

- Мне хотелось покончить с собой, или погибнуть от рук врага, когда получил извещение, но нужда не меньше помогает выжить человеку, чем горячность юношеских лет. Именно нужда спасла меня.

На сегодняшний день я учусь и живу в комнате, которую снимаю. Живу на стипендию, которой не хватает. Но всему свое время, оказывается, и у любви тоже..

Не рассказывайте о себе, я знаю все о вас. Ведь ваши родители тоже...

Наступила тишина. Валерий больше ничего не говорил, а я внимательно рассматривала его. Заметила разодранные собакой и затем неопрятно зашитые брюки. Было очевидно, что не хватает женской руки. Сердце мое переполнилось чувством жалости к нему...

Валерий, заметив, что я осматриваю его, как выставленную на продажу вещь, почувствовал себя неловко и, пожелав спокойной ночи, ушел...

Ушел, оставив меня в полном смятении. Всю ночь я не могла уснуть. Не знаю, о чем я думаю, что со мной происходит. Нет, это не любовь. Просто мне жаль Валерия: сироту, без крова, который не смог найти человека, поддерживавшего и делившего бы его сердечную боль. Нет, если завтра он не придет, тогда я сама увижусь с ним. Хочу, чтобы у меня был друг, которому я смогла бы доверить самое сокровенное. Разве парни – плохие друзья?

27 сентября 1944 года, среда.

Встав утром рано, я отправилась в институт. На лестнице мне повстречалась соседка по площадке Этери. Она пожилая женщина, очень добродетельная, добрая, не думаю, что в чистой ее душе пряталось бы зло. Она

живет одна: мужа и двоих сыновей Этери проводила на защиту отечества, а сама работает на заводе, посылает своим сыновьям и мужу военное оружие. Когда я была маленькой, меня сватали за младшего сына тети Этери. Этери звала меня «собачкой-невесткой» и целовала меня, маленькую, с головы до ног.

- С добрым утром! – поздоровалась я, но она мне не ответила. Когда я уже спустилась вниз по лестнице на несколько ступенек, она позвала меня:

- Мери, поди сюда на минутку!

- Все хорошо, тетя Этери?

- Детка, мне трудно говорить, но я должна предупредить тебя. Люди разное болтают о тебе. Это не красит твою семью. Стыдно, детка. Еще не остыли тела твоих родителей, а ты уже любовников водишь домой.

- Что ты говоришь, тетя Этери?!

- Говорю то, о чем судачит вся улица!

- Когда вы видели меня рядом с парнем? Только вчера проводил меня мой товарищ: у него было дело ко мне и он быстро ушел.

- До сих пор тебе не требовались провожатые. И этот, твой «товарищ», мог бы днем прийти по «делу». У него не должно было быть никакого дела в двенадцать часов ночи!

- Почему бы и нет! Они решали военные вопросы! – пошутил кто-то из соседей. – Только сейчас я заметила, что на лестнице полно соседей, и чуть не упала от неожиданности. Я не заслуживала такого обращения. Быть бы виновной, хотя, кому докажешь правду? Я сбежала по лестнице и попыталась

побыстрее скрыться . Вслед понеслись насмешки.

Придя в институт, я уединилась в одной из аудиторий и дала волю мыслям. Сначала решила никому не рассказывать об этом и ни с кем не встречаться на протяжении всей жизни, но мысль эта быстро отпала. Этим не восстановить мою честь. Вторая мысль показалась мне более правильной: Валерий должен был стать моим мужем, чего бы мне это ни стоило. Только так можно было создать семью, иметь защитника и делиться своими невзгодами с другом. По-другому было невозможно восстановить честь, так как соседи, старики, позабывшие молодость, и переубеждать их было трудно.

Если это и не так, все равно я сделаю доброе дело: предоставлю студенту кров, дам сладкий кусок, помогу создать хорошую семью. Разве это плохое дело для родины?

Мысль эта не покидала меня. Выйдя из института, я быстрыми шагами направилась к университету и вскоре нашла ту аудиторию, в которой занимались студенты четвертого курса. Заметив меня, Валерий смутился: он не ожидал увидеть меня в своем университете и стоял передо мною, словно провинившийся.

- У меня к тебе дело! – сказала я и вывела его на улицу...

- Случилось что-нибудь плохое? – испуганным голосом спросил Валерий.

- Нет, плохого ничего! Но и хорошего мало! Сейчас у меня нет времени, вечером буду в цирке на репетиции. Приходи, все расскажу по дороге!

- Хорошо, однако до вечера я не вытерплю. Скажи, что случилось?

- Нет, нет! Вечером! – сказала я и ушла, не попрощавшись.

Я вернулась в институт на оставшиеся лекции, а оттуда направилась прямо в цирк. После того, как соседи обидели меня, не хотелось возвращаться домой. Ну, ничего, я постараюсь заново сблизиться с ними. Как? Это моя тайна, и я не доверю ее дневнику! А помириться с ними мне необходимо для того, чтобы по-прежнему любить мой родной дом, и чтобы все, кто живет рядом, относились ко мне с добром.

Думаю, что нет ничего предосудительного в моем поведении, но окружающие смотрят на меня по-другому, и мне нечего им сказать. Плохо, что мое поведение они расценивают так, как им заблагорассудится. Чего бы мне это не стоило, если понадобится, даже ценой собственной жизни, я должна победить, должна выкрутиться из этого позорного положения. Вот единственное спасение, с помощью которого познают меня другие, и, главное, познаю себя сама!

В цирке тренируюсь без всякой охоты, взгляд мой прикован к дверям: жду появления Валерия. И вот, под конец тренировки, он пришел. Я оделась второпях, подала знак Валерию и вышла на улицу через кулисы.

Молча я шла по улице, видимо, Валерий не вытерпел и спросил:

- Мери, у тебя все хорошо? Что ты собиралась мне сказать?

- Ничего такого. Как тебе спалось вчера?

- Только и всего? Вчера я не спал, меня не было дома.

- А где ты был?
- На вокзале, на железнодорожном вокзале.
- Как это?
- Эх! Мери, если бы ты только знала обо мне, наверное, и не спрашивала тогда.
- Если бы знала, то зачем мне спрашивать?
- Да и рассказывать мне трудно, не хочется делиться своим горем с другим и заставлять его переживать.
- Тогда тебе не нужен был товарищ . Расскажи мне, может, твоя печаль ничего не значит по сравнению с моим горем. Разве встретишь сегодня беспечного человека?
- Там, где я снимаю комнату, двор окружен высоким двухметровым забором. Калитку запирают в десять часов вечера и выпускают во двор собаку. Так, что после десяти вечера невозможно попасть не только в дом, но даже во двор. Много раз пробовал я перейти в другое место, но хозяин квартиры – наш дальний родственник, и он оскорбится, если я уйду. Из-за этого мне тяжело вдвойне. Наверное, и сегодня мне придется ночевать на вокзале...

Незаметно мы подошли к подъезду моего дома. Я молча стала подниматься по лестнице, знаком пригласив Валерия идти следом за мной. Подала ему ключи, он открыл двери, и мы вошли в квартиру. После его рассказа мне стало жаль его еще больше, и я решила куда его не отпускать.

Пригласив его сесть в кресло, вышла в кухню и приготовила чай. Поставив на стол две полные чаю чашки, пригласила Валерия. Отпив чай, приготовилась к разговору, но, кажется, мне трудно начать, хотя в

Валерии я вижу очень близкого мне человека, и это немного придает мне сил. Однако женская честь тянет меня назад, заставляет колебаться. Наконец, я собралась с силами и начала:

- Знаешь, что я хотела сказать? С сегодняшнего дня я тебя никуда не отпущу! Завтра утром перенесешь свои вещи ко мне от родственника, хозяина собаки. Так распорядилась наша судьба! – и я рассказала Валерию о том, как обидели меня соседи.

Парень задумался. Мне показалось, что он обрадовался от сделанного мною предложения и молчал от переполнявшего его чувства радости, но я ошиблась. После долгого молчания Валерий отказался от моего предложения.

- Это большое счастье для меня, сбывается моя давнишняя мечта, но пока она невозможна. Я – бедный бездомный студент, не могу повиснуть на шее беспомощной девушки, чтобы она содержала и помогала мне. Пусть кончится война, я закончу учебу в университете, начну работать, и вот тогда мы поженимся.

- А стыд? Оскорбления соседей? Чем или как стереть мне позорное пятно? Почему ты думаешь, что будешь для меня грузом? Супруг для супруги ведь живой человек. Если сердце думает о глазах, то и глаза должны думать о сердце. Может нам будет многого не хватать, но должна быть чистая любовь!

- Мери, очень трудно ухаживать за больным человеком, но его не выгоняют, хотя после выздоровления ему напоминают об этом. Кто знает, может и ты когда-нибудь укоришь меня куском хлеба

и кровом. А это может разбить семью. Больше всего мне не хочется этого!

- Если ты так думаешь обо мне, это значит, что не знаешь Мери. Ты судишь о других по себе. Не знаю, почему, так наверно диктует тебе твое сознание. Ты же современный человек, неужели не разобрался во мне?

Здравый ум всегда выносит верное решение, сеет бережливость и дальновидность. Что касается добра, им наделяет нас природа. Не знаю, о себе я многого не скажу, но мне кажется, что благодаря природе я должна быть доброй. Мой гражданский долг не дает мне права выгнать тебя сегодня на улицу, чтобы ты провел ночь на железнодорожном вокзале, когда у меня, у одной, трехкомнатная квартира со всеми удобствами. Не думай, что мне нужна близость с тобой, и я прошу тебя об этом. Как мы были до сих пор отдалены друг от друга, так и останемся. Ты будешь жить в той комнате! – с этими словами я встала, открыла дверь спальни, вошла и постелила постель – пора ложиться спать.

«Доброй ночи!» - сказала и вышла в другую комнату. Надежно закрыв дверь, разделась и улеглась спать.

Однако я не уснула до утра. Между спальнями находится гостиная. Нас отделяет друг от друга довольно большое расстояние, но, все равно, я чувствую его дыхание, слышу биение его сердца, и эта близость сильно будоражит меня.

Чувствую, что ему тоже не спится. Чтобы убить время, я встала и начала писать дневник. Немного успокоившись, оделась и тихонько приоткрыла дверь

в комнату Валерия. Знаю, что Валерий не спит, однако он притворился спящим, и я, будто не заметив этого, тихонько приблизилась к нему, взяла разложенную на кресле одежду и осторожно вышла из комнаты. Отыскав иголку и нитку, аккуратно зашила брюки и стала их чистить. Но брюки и ворот рубашки были такими грязными, что мне пришлось постирать их. Никого не стесняясь, вывесила одежду на улицу.

Почувствовав умиротворение, не раздеваясь, я легла спать. Слава богу, вскоре я уснула.

28 сентября 1944 года, четверг.

Наверное, я спала около часа, в окне забрезжил рассвет. Я быстро встала и занесла одежду Валерия. Она была немного влажной, но я высушила ее утюгом и разложила, чистую и отутюженную, красиво на кресле. Затем приготовила завтрак.

Пришло время идти в институт. Я осторожно постучала в дверь комнаты Валерия.

«Сейчас!» - ответил он. Видимо, он встал и одевается. Валерий вышел из комнаты, умылся и стал благодарить меня за чистую одежду. Хотел было поцеловать меня, я так строго посмотрела на него, что он оторопел на месте, стоял несколько минут с протянутыми руками.

Я пригласила его к столу. Мы позавтракали вместе и, затем он проводил меня до института. Сказав ему, чтобы он дождался меня вечером на этом же самом месте, я скрылась в здании института.

Выйдя из института, я увидела Валерия, стоящего на указанном мною месте. Взявшись за руки, мы, радостные, отправились домой. Не знаю, с чего я такая веселая, наверное, я горжусь тем, что нахожусь рядом с Валерием. Приготовив обед на скорую руку, я отправилась в цирк. Теперь, дома или по дороге, мы говорим о чем-то общем, в большинстве случаев наш разговор касается войны и учебы.

В цирке, несмотря на усталость, я самоотверженно исполнила все трюки. Наверное, взгляд Валерия придавал мне сил.

Валерий – первый человек в моей жизни, ради которого я сею добро, и благодарна ему за то, что он платит мне добром. Пусть говорят все, что вздумается, я ни на что и ни на кого не обращаю внимания. Главное, быть честной перед своей совестью. Знает бог и моя совесть, что Валерий пока только мой квартирант и больше ничего. А другие пусть считают, как хотят: любовником или мужем. Природа наделила некоторых людей невежеством, близорукостью и любовью к сплетням. Они делают глупости не только по собственной воле, но и по природной. Их невозможно переубедить в своей вере, у таких людей не хватает сдержанности, и, поэтому мы должны быть с ними настороже. Наверное, сдержанность выдумали для того, чтобы не дать размаху богатым невеждам, не то эта толпа растопчет ногами страну. Наряду с этим, сдержанность – это большое утешение для малообеспеченных добрых маленьких человечков, чтобы не переживали они так сильно за свою бедность и душевное горе.

Я вышла из цирка, Валерий уже ждал меня на

улице. Взявшись за руки, мы быстрыми шагами направились к дому. Поужинали бедно, но весело и с аппетитом, немного побеседовали, затем я пожелала Валерию – «Доброй ночи!»- и надежно закрылась в своей спальне. Раздевшись, улеглась спать.

Проспав всю ночь на одном боку и проснувшись утром, я отметила, что так хорошо не спала со дня отъезда родителей.

29 сентября 1944 года, пятница.

Встала, искупавшись, оделась и вышла на кухню, чтобы приготовить завтрак. Думала, что Валерий еще спит, но я ошиблась. Он зашел на кухню, - «Доброе утро!» - пожелал мне и сел напротив на маленькую скамеечку. Чувствую, хочет сказать что-то, но не решается. И вновь я подтолкнула его на разговор.

- Почему ты так рано встал, Валерий? – ласково спросила я.

- Надо было встать еще раньше: я не спал всю ночь. Знаешь, что я тебе скажу, Мери? Часто преступление не так уж страшно, как добро в большом количестве.

Я больше так не могу, или ты прекратишь делать добро мне, чужому человеку, или я сегодня же уеду из города. Много бессонных ночей провел я в мыслях быть вблизи от тебя. Эта мечта сбылась. Мы с тобой находимся под одной крышей, но все равно чужие друг другу. У нас больше нет никого из близких, чтобы спросить совета, поэтому давай решать самим: или мы поженимся, или же я навсегда уеду из города.

- И все же, куда ты собираешься ехать?

- На фронт... И кто знает, может останусь там навечно. В крайнем случае, если вернусь, продолжу учебу в университете...

- Решай сам!

- Что ты хочешь этим сказать?

- Я сказала все, что хотела. Не могу давать тебе совета, касающегося твоего ухода или оставания. А насчет женитьбы, наверное, буду против. Я не собираюсь пока выходить замуж. Вот закончится война, я закончу учебу, устроюсь на работу, и потом посмотрим...

- Ты повторяешь мои слова?

- Конечно, если у человека нет собственного ума, тогда он должен руководствоваться чужим.

- Извини, если я обидел тебя. Наверное, я не ожидал такого конца, но долг благородного человека – привить благородство злему и облагородить общество. Вижу, что вы в большей мере, чем я наделены материальным и природным даром. Но разве вам известно о том, что творите? Своим отказом вы убиваете человека, которого любите всем сердцем. Только из-за своего природного принципа вы делаете то, чего не желаете.

«Господи, прости их, так как не знают они, что творят!» - сказав это, он приготовился уйти, но я, собравшись с силами, взяла его за руку и заставила вернуться в кухню.

- Женитьба – это единственное, что не терпит отлагательства. Мой Валерий, не переживай! Я согласна, только при условии, что твоя любовь будет всегда такой же сильной, как и сегодня...

- Клянусь любовью той красивой добродетели, которая есть в нас!

После этого мы еще долго беседовали и, в конце концов, решили пожениться.

30 сентября 1944 года, суббота.

Рассвело субботнее утро. Сняв со стены ковер, мы понесли его на базар, чтобы продать. Никогда не переведутся обеспеченные люди. Вскоре ковер был продан. Я добавила собранные мною деньги, и к вечеру, как и было решено, мы приступили к подготовке свадьбы...

Идет война, люди голодают, но сегодня у нас еды и питья вдоволь. На вечер я пригласила всех знакомых и близких соседей. Мы устроили такой пир в этот опаленный огнем день войны, и люди, давно уже позабывшие праздники, очень хорошо провели время. Свадьба закончилась поздно ночью. Валерий опьянел. Взяв его за руку и ведя спать в мою постель, я почувствовала, как по всему телу пробежала приятная дрожь. Проводив соседей, быстро закрыла дверь и легла, оставив стол неубранным. Однако не смогла уснуть всю ночь, а Валерий спал сладко.

1 октября 1944 года, воскресенье.

Мы вышли из дома вместе. Теперь уже не я, а Валерий держит меня под руку. Мне уже не стыдно, и

я не сторонюсь соседей. С сегодняшнего дня Валерий – мой законный муж, и то, что узаконено природой, не является стыдом.

Валерий проводил меня до институтских дверей, а сам пошел в университет. Ушел и унес с собой мое сердце. Не знаю почему, но меня охватило такое удушающее чувство. Никогда еще я не чувствовала такого одиночества. Пробыв в институте три часа и не выдержав больше, я пошла к Валерию.

Сперва мы отправились в цирк, а затем – поскорее домой. Не знаю, что происходит со мной, мне постоянно хочется быть рядом с этим человеком, только быть рядом, чувствовать его дыхание, слышать биение его сердца. Хочу смотреть в его глаза и больше ничего. Чувствую, что и Валерий любит меня не меньше. Он очень ласков со мною, вот только немного скромн. Чувствует себя сидящим на моей шее. Это не нравится мне, но ничего приучу; горе, нужда и радость будут общими для нас.

Наступили прекрасные деньки, о которых можно лишь мечтать. Мы наслаждаемся нашей любовью, вглядываемся в глаза друг другу. Только одно меня огорчает: пятно на стене от снятого ковра. Однако это не так уж и заметно при нашем счастье.

В семейной жизни Валерий оказался лучше, чем я думала: нежный и послушный. Больше ничего и не нужно женщине от мужчины.

9 декабря 1944 года, суббота.

Наступила необыкновенная зима: слишком морозная. Нашу маленькую семью не пугает зимний мороз. У меня хорошая зарплата в цирке, к этому добавляется стипендия, и наша семья считается обеспеченной.

Собственными руками я переделала Валерию одежду моего отца, и он во всем городе приобрел прозвище «стильного парня». Огненный ветер войны значительно проредил ряды мужского населения в городе, и девчонки голубиными стайками носились за Валерием. Это сделало меня немного нервной, и я хожу по следу за Валерием, боюсь, чтобы никто не отнял его у меня, чтобы не променял меня на кого-нибудь. Однако я очень довольна им: он будто не замечает вызывающих девчоночьих взглядов и ласкает одну меня.

Сегодня я сообщила Валерию огромную радостную весть, - «Скоро буду мамой.» - Ах! Если бы вы только видели, как заблестели его глаза, затем он прижал меня к сердцу и взял на руки. Так, целых полчаса кружил он меня по комнате. Я еще больше убедилась в любви Валерия. Верю, что он никогда не изменит мне. Отругав себя за ревность, я дала себе слово, что никогда и ни на кого не посмотрю с ревностью. Правда, любовь не бывает без ревности. Пусть червь ревности поселится в сердце врага. Лучше один раз увидеть, чем вечно ревновать. Иногда из-за ревности можно оклеветать такого человека, которому и в голову не придет совершить то, в чем его обвиняют.

21 декабря 1944 года, четверг.

Вчера ночью Валерия не было дома. Я обошла всех знакомых, но так и не нашла его. Всю ночь прождала его, не сомкнув глаз, выбегала на каждый звук шагов. Неужели с ним что-то случилось? Где же мне искать его?

Не находя выхода из создавшейся ситуации, я дала волю слезам. Рано утром направилась к университету, чтобы хоть что-нибудь узнать о Валерии. Очень долго прождав его около университета, хотя сама опаздывала в институт, твердо решила ; даже если меня отчислят из института, я все равно не уйду до тех пор, пока не увижу Валерия или не узнаю, где он. Лекции уже начались, и это распалило меня еще больше! Наверное, с Валерием случилась беда, не то он давно появился бы. Стремительно сбегав по лестнице, я направилась к больнице. Обошла все отделения, но Валерия Арабули нигде не оказалось. Из больницы побежала в милицию, но и здесь его не было.

Опять вернулась в университет, взбежала по ступенькам и наткнулась на Валерия. Он выходил из аудитории. Увидев его, я забыла об упреке. Повиснув у него на шее, я заплакала от радости. В конце концов, Валерий успокоил меня с привычной нежностью и назвал имя друга, к которому я приходила домой ночью. Не хочется ревновать, однако эта история заставляет меня задуматься.

Утерев слезы и собравшись с силами, я ласково сказала:

- Ты же знаешь, что я не могу без тебя. Ведь ты

же мог предупредить меня, куда идешь, чтобы я не искала тебя! Хотя вечером не опаздывай, бичо!*

Из-за поисков Валерия я опоздала на лекции, но все равно решила пойти в институт.

Сидя на лекциях, я ничего не слышала, в голове крутилась единственная мысль, - «Валерий изменяет мне, Валерий обманывает меня!» Для себя решила, что если такое повторится, выследить и поймать его на факте.

Я думала, что Валерий придет за мной после лекций в институте, но ошиблась. Выйдя из института позже всех, еле доплелась до дома. В цирк не пошла, все ждала Валерия. Ожидание растянулось до двух часов ночи. Да, было уже два часа ночи, когда пришел Валерий. Приласкал меня, но от меня не ускользнуло, что ласка его была вымученной. Я почувствовала, что его сердце охватила какая-то грусть. Заглянув в глубину его глаз, я увидела там первый день нашего знакомства, - «Господи, помилуй! Неужели он полюбил другую с такую же силой, с какую любил меня?»

Я проявила женскую осторожность; спрятала под маской свое открытие и, нежно улыбаясь, вышла с ним в гостиную.

Ничего не спрашиваю у Валерия, но для человека – молчание и без единого слова прощенное преступление оказывается более тяжким, чем допрос и оправдание во время допроса. Чувствую, что у Валерия готов ответ. Я выбрала ложь: ничего не говоря, через какое-то мгновение я почувствовала умиротворение, зато Валерий был неспокоен. По-

* Бичо - мальчик

видимому, он не выдержал и сам спросил меня:

- Мери, почему ты не спрашиваешь, из-за чего я опоздал? Или, почему не пришел домой вчера? Или, почему я обманул тебя, что был у друга? Скажи мне что-нибудь, разве ты не человек?

- Валерий, я не упрекаю тебя именно потому, что ты – человек. Человеку необходимо тепло. Наверное, я не гожусь для этого, тебе не хватает моего сердечного тепла и любви. Я догадываюсь об этом. Зачем же спрашивать?

- Нет, Мери, я счастлив от твоего сердечного тепла, твоей ласки и любви. Я никогда не изменял тебе и не изменю. Вот увидишь, больше никогда не опоздаю!

- Сегодня верю тебе так же, как и всегда. Только знай, что у женщин строение нервной системы такое же, как и у мужчин.

Вот, поставь себя на мое место: если бы я не пришла домой всю ночь, посмотрел бы ты на мою любовь ревнивым глазом или нет? Конечно же, да. Вот ты скажешь – «Женщина должна быть намного порядочней, чем мужчина.» - Однако, ошибается тот, кто так думает. Всякая честность по отношению к людям законна. Закон не разделяет мужчин и женщин. Я не говорю, что ты променял меня на кого-то. Скажу тебе только одно - сторонись женщин легкого поведения! Я женщина, поэтому знаю их характер. С помощью их невиданной силы разбились семьи, крепче нашей. Никогда не доверяй им!

Долг настоящего мужчины – не делать необдуманного шага и преждевременно рассчитать, что последует за неверно сделанным шагом.

Существуют люди, в чье злодеяние ни за что не поверишь, пока не убедишься в этом собственными глазами. Однако не существует такого человека, чье совершенное злодеяние не изумило бы после увиденного собственными глазами. Долг человека – своим злодеянием не удивлять людей. Вы не сможете совершить такого, Валерий...

Валерий, оторопев, слушал меня. Всем своим существом я ощущала его решение никогда не изменять собственной маленькой семье, радовалась, что достигла цели мирным разговором.

Валерий подошел ко мне близко и поцеловал в щеку в знак благодарности, но я так и не поняла, за что он благодарил меня.

Приготовив ужин, мы поужинали. Много не говорили, в основном, о нашем будущем.

Так наступил рассвет.

25 декабря 1944 года, понедельник.

Несмотря на то, что получила твердую клятву от Валерия, которая рассеяла всякие подозрения, я продолжила слежку за ним.

Выйдя пораньше из института и спрятавшись незаметно в укромном месте, за углом университета, я стала ждать, когда выйдет Валерий. Мне было холодно, но я не изменила своего решения, чувствуя, что ожиданием узнаю о чем-то новом в моей жизни. Поэтому я осталась ждать.

Валерий вышел из университета позже всех.

Подняв ворот пальто, он быстрым шагом направился по заснеженной дороге. Чуть-чуть подождав, я незаметно отправилась следом.

Когда мы поравнялись с нашим домом, я подумала, что Валерий идет домой, и радостная улыбка осветила мое лицо, но ошиблась. Улыбка застыла на моем лице, когда я увидела, как он, обойдя наш дом, пересек улицу и вошел в подъезд соседнего дома. Войдя в подъезд, я пошла по следу, оставленному мокрой обувью, и остановилась перед двухкомнатной квартирой на втором этаже. Теперь мне все ясно. Здесь живет Лонда.

Лонда старше меня на три или четыре года. Отец ее погиб на фронте, а мать, спасаясь от нужды, нашла себе нового мужа, вышла замуж за вернувшегося с войны счастливого. Бедная девочка осталась в доме одна-одинешенька. Она бросила учебу и встала на неверный путь легкой жизни. Сначала ее арестовали за воровство, затем за спекуляцию... Злые языки говорят, что теперь она охотится на мужчин. Факт на лицо: она нигде не работает, а живет слишком роскошной жизнью!

Вот и Валерий оказался у человека с таким прошлым. Не знаю, как спасти его. Лонда очень красивая девочка. Мне не сравниться с ней ни фигурой, ни красотой.

Я быстро пошла домой. Мне надо что-то придумать, не то, сердцем чувствую, красота Лонды отнимет у меня Валерия. Вернувшись домой, мне захотелось плакать, но человек не плачет, когда он рассержен. Я стала ходить по комнате, не находя себе места.

Наконец, решила заняться чем-нибудь, чтобы отвлечься от мыслей. Открыла платяной шкаф и стала чистить одежду Валерия. Вычистила и погладила брюки. Когда стала чистить пиджак, нашла в кармане записку. Не хочу читать, ведь это некрасиво читать чужие письма и следить за человеком, но женское любопытство одержало верх, и я развернула записку.

- «Дорогой Валерий! Простите, что нарушила ваше одиночество и беспокою вас чтением письма незнакомого человека. Нет, не просто чтением письма незнакомого человека, а чтением письма женщины, оторванной от жизни и общества, которую за свое существование называют «женщиной легкого поведения». Знаю, что у вас есть хорошая маленькая и уютная семья. Наверное, вам и не понравится получить письмо от меня. Но я шлю эту записку не для того, чтобы нарушить покой вашей семьи. Дай бог, состариться вам вместе с вашей избранницей, если находясь рядом с ней, вы станете бессмертны.

Я тоже училась в университете три года назад. Тогда я была пропитана духом современности и не замечала, что происходит вокруг меня. Не говорю, что у меня раскрылись глаза, и поэтому я бросила учебу в университете. Нет, бросить учебу меня заставила нужда, она же и открыла мне глаза. Из-за куска хлеба пришлось пережить много горя. Конечно, я могла работать и получать такой же нормированный кусок хлеба, какой получает множество людей за хорошую работу. Однако, если я – дитя природы, то должна управлять ею. Соответствующим трудом человек должен приобретать нужные для существования

вещи, а не физическим трудом. Для физического труда природа создала лошадь, быка, осла, верблюда и других полезных человеку животных. Нет, не хочу быть похожей на скотину, стоять у станка 22 часа для того, чтобы утром поесть хлеба, который насытит меня только наполовину. Не хочу ставить будильник у изголовья кровати, чтобы он звенел сильнее и будил меня по утрам для учебы, а с учебы на работу. Не хочется, как некоторые, повиснуть на веревке обезьяной. Хорошо, я вынесу всякие мучения, однако от этого разве стану я бессмертной, или мне прибавятся годы жизни? Или наоборот, тяжкий труд изуродует меня: согнет в спине, сделает горбатой и слепой, сократит отведенные природой годы моей жизни?

Помню, как перед сном отец купал маму в молоке для того, чтобы нежное женское тело стало еще пышнее, чтобы получить больше удовольствия от его ласки. Если у женщины мускулов больше, чем у мужчины, если ее организм одеревенел, если от женщины пахнет бензином и мазутом, как мужчина отдохнет рядом с ней. Не орбижайся, но мне кажется, что ты не видел настоящей женщины, не испытал женской ласки, не то сказал бы: - «Что, интересно, оставил себе бог лучшего, если послал нам, мужчинам, женщин?»

По-моему, люди должны жить так, как им захочется. Я не желаю работать сегодня. Моя душа жаждет отдыха, но я обязана идти на работу. Не хочу вставать рано утром, оставлять мужскую, покрытую волосами, или женскую полную грудь и бежать на работу, но

меня вынуждают. Не хочу есть черный хлеб, которым не насытишься, желаю сегодня мясо цыпленка, но его у меня нет, однако, организм просит всегда того, чего у меня нет, и я вынуждена обеспечивать свой организм так, как мне заблагорасудится. Решила жить так, чтобы ни в чем не нуждаться; ни в одежде, ни в еде и питье, и, что самое главное, ни в мужской ласке...

Хорошо, я уступила бы такую райскую жизнь и подключилась бы в хоровод физического труда, если бы стала бессмертной или продлила бы годы своей жизни, но это невозможно, мы все смертные и, поэтому мне надо быть безупречным, раздавленным трудом человеком, чтобы после смерти надеяться попасть в рай?

Правда, все хвалят собственное сердце, но никто не осмеливается хвалить собственный разум. Я могу ошибаться, говоря об очевидности моего разума, но я настолько уверена в его правдивости, что хочется и другим открыть глаза...

Верю, что человек произошел от обезьяны. Развитие человека произошло постепенно от человекообразной обезьяны, и сегодня перед нами предстают современные люди, испытав больше мучений, чем обезьяна, пока превратятся в нее.

Три года водят в ясли маленьких детей. С детства истощаются нервы у ребенка, лишенного родительской ласки. Из яслей дети ходят еще 4 года в сад, чтобы полностью позабыть детство, из детского сада ходят 11 лет в школу, чтобы совсем забыть родителей и их ласку; из школы – в высшее учебное заведение, чтобы получить диплом. Начнет работать,

чтобы набить живот, и на протяжении всей жизни будет «обезьянничать». А не было бы лучше, чтобы те первые обезьяны не развились, и жили бы мы с начала до конца обезьянами, чтобы избежать мучений в учебе. И на волосатой обезьянней груди вырос бы детеныш. Может ты скажешь: -«Пусть современная мать воспитывает своего ребенка. Кто мешает ей?» - Но ей некогда, она вышла в поисках куска хлеба...

Раз природа была так щедра и помогла нам достичь такого развития, было бы лучше, если б она создала женщине условия растить детей и заниматься домашними делами. Разве у женщины мало дел в семье? Разве это легкое дело, вырастить детей порядочными людьми? Разве вы убедите меня в том, что другой вырастит детей лучше, чем мать? Знаю, что вы ответите; сегодня стране тяжело, завтра жизнь станет лучше. Нет, вы лжете. Войны не было, но у одного было много, а у другого - ничего. Было ему голодно, но никто и кусочка хлеба не отломил, было ему холодно – никто не обогрел. Все только обогащали свою казну. Никогда не забуду, когда я училась в шестом классе, родители пригласили единственного нашего родственника, бедного Алмасхана. Он преподнес мне дорогой ковер. Уставший, он чуть не уснул за столом, извинился перед нами и вскоре ушел. Два или три месяца спустя Алмасхан справил день рождения своего ребенка и пригласил нас. Родители отказались идти и отправили меня одну, а в подарок послали книжку сказок. Я сказала отцу:

- Дядя Алмасхан принес такой дорогой подарок, а ты почему передаешь книгу?

Отец рассмеялся и ответил:

- Он не достоин большего. Алмасан беден, в чем он нам пригодится?

Я все равно не поняла. Разве Алмасхан принес дорогой подарок для того, чтобы наша богатая семья стала еще богаче? По-моему, все должно было быть иначе, если человеку хочется сделать добро другому человеку...

Валерий! Очень прошу тебя не считать это письмо моей прозорливостью и дальновидностью. Это только результат наличия разума и больше ничего. Хотя «наличие моего разума» представлено перед вами в виде длинного письма. Надеюсь, вы простите меня за это. Завтра вечером побеседуем наедине более понятно и непринужденно.

Подожду вас около университета, во дворе. После лекций вы проводите меня не до дома, а домой...

Лонда!»

Прочитав письмо, я была потрясена такими безобразными человеческими мыслями. Теперь я поняла, в какую нору попал Валерий. Что будет, если Валерий не увидит правильного пути и встанет вместе с Лондой на обледенелый путь? Неужели Валерий так непонятлив, чтобы не отличить хорошее от плохого? Не может понять, что такое семья, а что – разврат? Неужели Лонда должна плохо отзываться о порядочности и топтать ее ногами? Неужели те порядочные люди, труженики, похожи на Лонду,

которая смеется над ними? Неужели имя Лонды и тех людей, которые погибли героически, защищая Родину, это одно и то же? Лонда ошибается - человек рождается не для времяпровождения, а для того, чтобы заслужить имя порядочного и героического человека. Разве жил в этом мире такой человек, который ничего не создал и не оставил на память людям? Разве эта страна была бы такой сказочной, если наши предки ничего не сделали и не оставили бы нам? Ты ведь собираешься сладко проводить время и жить добытым и созданным другими добром. Тебе не стыдно? Что ты создаешь и что оставляешь будущему поколению?

Может, Лонда обманывает себя. Обмануть себя легко, но трудно обманывать других людей. Это не прощается. Очень прошу тебя, Лонда, не обманывай Валерия, не сбивай его с правильного пути. Знаю, что ты способна на все, но пожалей мою маленькую семью...

Я не стала чистить пиджак, сложила письмо так же, как и было, положила в карман и повесила пиджак на прежнее место.

Ничего не могу делать: письмо заставило меня нервничать. И Валерий опаздывает. Кто знает, может он не придет совсем. Убитая горем, я опустилась в кресло, и мысли завладели моим уставшим разумом.

Я долго думала, затем решила назавтра пойти к Лонде.

Женское сердце очень нежное, чувства - деликатные. Думаю, она поймет меня, пожалеет и вернет супруга. А почему она не должна понять меня? Ведь я у нее ничего не отнимала, никогда не упрекала ее за плохое поведение.

Решение остается решением. Мыслям помешал шум шагов. По ступенькам поднимался Валерий, я узнала звук его шагов, и сердце затрепыхалось в груди, как пойманная птица. На часах десять минут второго. Открыв быстро дверь, я преградила Валерию путь. Он ласково обнял меня.

- Еще не спишь, моя птичка? – сказал и поцеловал заплаканные глаза.

- Слава богу! – подумала я. – Валерий умный мальчик и, как видно, посещение Лонды никак не отразилось на нем!

Неожиданная ласка в тот же миг изменила мое решение, - «Может, он больше не пойдет к Лонде, может больше не опоздает? Пусть останется втайне эта история с письмом, и к Лонде я не пойду сегодня, но если завтра повторится то же самое, то послезавтра я обязательно навещу разлучницу моей маленькой семьи!»

Мы поужинали. Валерий ел плохо, было очевидно, что он уже ужинал. Чувствовался запах алкоголя, правда, не было заметно, что Валерий пьян. Мы легли спать. Валерий быстро уснул.

27 декабря 1944 года, среда.

Мои предположения оказались неверны. Ласка Валерия была средством моего обмана.

Эти дни все продолжается так же, как и всегда. Вчера Валерий опять опоздал. Слезы высохли, меня душит злоба, не знаю, как поступить.

После долгих раздумий опять вернулась к моему решению пойти к Лонде и поговорить с ней.

Сегодня утром мы встали поздно. Основательно позавтракав, вышли вместе: я – в институт, он – в университет.

Отсидев первую двухчасовую лекцию, и не выдержав больше, я решила выполнить принятое решение. Уйдя с остальных лекций, направилась к дому Лонды. Сильно забило сердце, когда я нажала на кнопку электрического звонка. Еще минута, и дверь широко распахнулась. Лонда, не ожидавшая увидеть меня, немного растерялась, но не подав виду, пригласила войти в дом.

- О... Мери, что вас побеспокоило? Проходите!

Я молча вошла в комнату. Лонда указала мне на кресло. Я села. Заметно, как я дрожу от волнения. Так всегда происходит со мною, прежде, чем начну говорить, затем потихоньку успокаиваюсь. Но сейчас я так и не смогла заговорить, не знаю с чего начать.

Лонда, заметив мое волнение, начала первая:

- Мери! Чувствую, что ты пришла не к добру, но «гость всегда от бога». Мы, женщины, пойдем друг друга. Я еще не завтракала. Давай позавтракаем вместе! Я вскипачу чай. Мне хотелось сказать, что я уже завтракала, но не смогла вымолвить ни слова, и на столе мгновенно появились фрукты, сладкое, бутылка коньяка и чай.

Лонда с таким кокетством накрывала на стол, так играла бедрами, что я на какой-то миг позавидовала существованию мужчин. В голове мелькнула мысль: была бы я мужчиной, Лонду никто не отбил бы у меня.

Действительно, женщины с таким красивым телом – редкость. Можно понять Валерия. Если бы я оказалась на его месте, то вела бы себя еще хуже: я никогда не вернулась бы домой.

Не знаю, говорить или нет Лонде, для чего я пришла. Хочу немного подумать над этим. Лонда прервала мои мысли, пригласив к столу. Хочу успокоиться. Взяв чашку чая, я с жадностью отпила.

- Нет-нет, дорогая! Сначала выпей коньяку! Знаешь, спиртное пробуждает аппетит и ты больше поешь!

- Эх, Лонда! Сейчастакое время, что для возбуждения аппетита люди не ищут средства. Считается большим достижением, хотя бы наполовину удовлетворить себя едой...

- Что поделаешь? Надо отличаться от всех! Если жить, как все одинаково, то у жизни не будет цены!

- Откуда все это? Ты же не работаешь?

- Пей коньяк, и хватит спрашивать! Ты что, явилась сюда для расследования?

- Нет, ты же все-таки безработная...

- Правильно, оттого, что я безработная, поэтому то у меня и есть . У рабочего человека никогда ничего не было. Кого из рабочих или ученых, живших в роскоши, ты встречала?

- Какая надобность жить в роскоши? Для человека это не самое главное. Важно снискать себе имя, которое возвысит только труд и больше ничего.

- Эх! Ты, моя добрая, пропитана коммунистическим духом, с вечно голодным животом и языком, наполненным ядом, болтаешь против богатства. Знай, борющийся против богатства и природы

всегда оказывается побежденным. Давай выпьем!

Сказав, она чокнулась со мной хрустальным бокалом. Мы одновременно опорожнили наши бокалы, затем съели по одному пирожному. Лонда продолжила:

- Я училась в четвертом классе. По грузинской литературе нам задали «стих Арсена!» Я хорошо рассказала стих учительнице. Затем она задала мне такой вопрос – «Ну-ка, Лонда, скажи, почему Арсен грабил богатых?»

Я, не подумав, ответила: « У бедных ничего не было, вот он и грабил богатых!»

Тогда я сказала это с детской наивностью, и сейчас мне смешно над той правдой. Если и живу я сегодня в такой роскоши, то ни у тебя и не у таких, как ты, я ничего не отбирала. И не только поэтому не боюсь вас. Нет-нет, у вас ничего и ...

Знаю, зачем вы пришли сюда, и вам хорошо знаком тот дом, где квартировал Валерий. Никто из членов той семьи никогда не работал, однако под домом на глубине двух метров вырыт и построен бункер из железобетона. Даже если война докатится до этих мест и уничтожит весь город, дом тот останется стоять.

Спрашиваю, откуда у них это богатство? Конечно же оно приобретено легким нетрудовым путем. Разве отобрать богатство у таких людей считается грехом? Вот я и мой бог! Жаль мне государства, и я по-своему борюсь с его ворами.

Это большая храбрость – украсть ворованное. Она встречается в жизни крайне редко. Наверное, это потому,

что грабитель должен быть храбрым, а грабитель грабителя должен быть еще храбрее. Все огромное пространство предстает перед нами в виде храбрости в многотысячном разнообразии, между которым такое же различие, как между людскими лицами и характерами. Некоторые, не хмураясь сталкиваются с опасностью в начале жизненного пути и хотят достичь счастья добропорядочным трудом, но если счастье далеко, труд продлевается, отвага предает и падаешь духом. Некоторые исполняют только то, что требует от него народ. «Служу народу!» -возглашает он и больше ни о чем не думает. Некоторые, столкнувшись с небольшой опасностью, привыкают к ней и так закаляются духом, что в дальнейшем смело встречают большую опасность. Некоторые совершенно не знают силу физического труда и действие ее на организм. Они решают заработать кусок хлеба трудом, другие смеются над этим и предпочитают зарабатывать кровью, а не потом. Таким образом, так это или нет, но страх перед невозможностью добыть кусок хлеба заставляет дрожать нашу отвагу, и человек не знает, какой выбрать путь до голода!

-Но, по-моему, заработанный честным трудом кусок хлеба более вкусный и не опасный! Злоумышленнику не сойдет это с рук.

- Как, кто бессмертен? Разве сойдет с рук честному труженику? По-моему, счастливый житель, хоть и на короткий срок, лучше честного, но обессиленного человека.

- Давай, Мери, выпьем еще. Мы сможем свободнее побеседовать! – сказала Лонда и наполнила стаканы коньяком.

Мы выпили, по телу разлилось приятное тепло. Я приготовилась к разговору на другую тему, которая касалась лично меня и моей маленькой семьи. Хотя Лонда уже знает, для чего я пришла сюда, мне надо самой сказать об этом, и я начала издалека:

- Лонда, не сердитесь, но ваш взгляд на жизнь неверен. Человек рожден не для времяпровождения. Он должен оставить будущему поколению хорошие воспоминания: мужчина – отцовство, женщина – материнство. Это необходимо для представителей обоих полов, и порядочность их родителей обязательна, чтобы родительская непорядочность не принесла страдания детям, не то говорят: «Съеденное дедушкой ткемали»...

-Я тоже думала о материнстве, моя Мери. Думаю, что буду лучшей матерью, чем ты, и оставлю лучших породистых наследников.

А что касается моей личной жизни, пусть никто не мешает мне наслаждаться всеми ее радостями и горестями. Да и не съем я столько ткемали, чтобы кроме меня еще и у другого болели зубы от кислого. Я всегда ем такой кусок, который не застрянет у меня в горле. Знаешь такую птицу трясогузку и предание о ней? Я веду себя так же, как она!

-Ты же хочешь наслаждаться собственной жизнью? Ее радостями и горестями? Жить так, как живет трясогузка, и чтобы никто тебе не мешал? Так почему мешаешь другому? Ведь другой тоже хочет насладиться радостями и горестями своей семьи?

* Ткемали – кислая слива

- Я никому не мешаю. Женщины такого типа, как я, похожи на рыбаков: бросим сети, если попадет что-нибудь – хорошо, а если нет, то не горюем и спокойно возвращаемся домой. Ты хочешь сказать насчет Валерия, дескать почему отнимаю его у тебя. Хочешь, чтобы пожалела тебя, вернула его ... Но ты, как и многие другие, не знаешь характера мужчины. Поэтому я так скажу тебе, чтобы ты хоть теперь знала, что мужчина похож на пчелу, летящую на сладкое. Но есть и другая порода мужчин, которых ты называешь порядочными тружениками. Они похожи на жуков: трудятся день и ночь в навозе и остаются в нем же на ночь.

Прискорбно для тебя, что Валерий оказался похож на пчелу: отыскал сладкое. Не обижайся, Мери, но ты не улей, а место для жуков, и если пчела не останется с тобой, то ты не должна думать, что «кто-то отнял ее у тебя» . Она сама улетела бы...

- Да, но Валерий – мой законный муж. Не понимаю, при чем тут твоя басня о пчеле и жуке?

- Мери, что ты называешь законным супружеством? Если поделишь с мужчиной ужин и ляжешь с ним рядом? Это будет законным супружеством? Может, роспись или венчание, которыми объединяют партия и религия? Чем ты лучше, чтобы у тебя был один любовник, а у меня множество? Это ведь естественно, что соловей поет розе, но на колючку он присядет временно, у него лишь одно желание: быстро взлететь и пропеть розе!

- Не скажете, Валерий для вас какой по счету соловей? Вы не роза, которой поет соловей, вы больше похожи на ловца, который ловит соловья,

сажает его в клетку и несет продавать. Только одно различие между вами: когда вам в семье надоедают трели соловья, вам жаль продавать и вы отправляете его в тюрьму, а дальше идете искать канарейку. Ваше сердце не знает любви, и в другом вы тоже убиваете ее, так как вы родились злым человеком!

- О какой любви вы говорите? Это было просто временным увлечением и больше ничего. Время все стирает. Не бойся, пройдет время, и ты забудешь своего Валерия. Может даже видеть не захочешь того, кого зовешь сейчас своей любовью. Это увлечение – самозабвение, и больше ничего! Такая болезнь случается часто у безвольных людей. Любви не существует, это слово просто сохранилась до сегодняшнего дня, и люди, похожие на тебя, используют его ради красного словца или же в доказательство чего-либо. Если спросишь тебя, ты ответишь, что любишь Валерия самозабвенно, больше собственной жизни, что не можешь жить без него и многое другое. Но достаточно Валерию оставить тебя, и ты будешь уверена, что он уже не будет твоим, то в еду ты подсыпешь отраву и убьешь его. Конечно, если у вас будет такая возможность, значит любви не существует. Это только проявление злого чувства и больше ничего. Не говори сейчас, что влюбленные, женщина в мужчину, или мужчина в женщину, не убивали, что это что-то новое для нашей эпохи.

- Вижу, Лонда, что ты никогда никого не любила, поэтому и решаешь так свободно этот вопрос. Стыдно, когда о любви говорит такая нечисть, как ты, и поминает святую заповедь о любви, то, что у

человечества принято считать святым. Видно, что у тебя не было времени испытать настоящую любовь. Это чувство похоже на чувство смертника, о котором пока не сказано и не написано. Жаль человека, не испытывавшего этих двух одинаковых чувств, так как любовь похожа на жизнь, а жизнь – на любовь, и они не могут существовать отдельно друг от друга!

- Мне очень не хотелось, Мери, обижать тебя в моем доме, но мы не смогли понять друг друга, хотя я не называла тебя нечистью. Правда, может я и нечисть для такой, как ты безупречной девушки, но знай, насколько мы нечисты, настолько в нас больше себялюбия, и такие, как ты, безупречные, не смеют бросать нам в лицо то, что мы знаем о себе лучше других.

Пожалела я тебя, хотела не пускать домой Валерия с сегодняшнего дня, но теперь передумала, и знай, Валерий никогда уже не будет твоим! Поэтому, прошу уходи, и пусть это будет в последний раз, что ты пришла в эту семью! Хотя я и должна была взять себя в руки и не бить тебя в собственном доме, но не люблю откладывать дела. Сегодня это твоя награда за мое оскорбление, чтобы ты не забывала меня!

Сказав, она с такой силой ударила меня, что я не удержалась и, упав со стула, плюхнулась на пол. Быстро поднявшись и прикрыв нос и глаза платком, рыдая, я села в кресло. Думала, что плач мой смягчит сердце Лонды, но я ошиблась; она, схватив меня за волосы, подняла на ноги, подвела к двери, открыла ее и, дав мне пинка, выгнала вон. Двери за мной молниеносно захлопнулись, а я со всей силой врезалась в стену

и потеряла сознание. Придя в себя, я, заплаканная, отправилась домой. Дома, сунув голову под подушку, зарыдала. Слезы немного успокоили меня, и в голове закрутились тысячи мыслей. Неужели Лонда сказала правду? Неужели Валерий – мой любовник, а не законный муж? Ничего, вот как вернется, распишемся, и у людей не будет повода сплетничать об этом. Но Валерий опаздывает. Уже полночь, а его не видно. Может, он уже не придет? Всю ночь я прождала Валерия, прислушиваясь к шуму шагов на лестнице. Верно, Лонда мстит мне и исполняет обещанное. Ох! Лонда, клянусь моими родителями и еще не рожденным ребенком, матерью которого скоро стану, что не прошу тебе моих унижений и насилия надо мной, отплачу тебе со всей жестокостью!

12 февраля 1945 года, понедельник.

Уже прошло два месяца, а Валерий не появился. Мне хотелось повидать его в университете, но он не хочет встречаться со мной. Видимо, Лонда навсегда отняла его у меня, и чем больше проходит времени, тем сильнее растет чувство мести. Я придумала тысячу разных способов, как убрать Лонду с дороги, но остановилась лишь на одном, самом жестоком и таком, что невозможно напасть на след. Прошло слишком мало времени, и у меня еще есть надежда на возвращение Валерия. Если он не появится на исходе второго месяца, я приведу задуманное в исполнение!

Что же касается моей личной жизни, я осталась

наедине со своими слезами. Учусь и работаю без всякого настроения. У меня есть все, не хватает только близости с Валерием. Пусть враг проведет такой новый год, какой был у меня! Тысячу раз хотела я покончить с собой, но не хочу, чтобы мое дитя погибло вместе со мной. Только чувство мести заставляет меня жить, чтобы исполнить задуманное, а там и смерть не страшна!

Если раньше соседи смотрели на меня с завистью, то теперь смотрят с жалостью. Стараются утешить меня, а некоторые заключают со мной пари, что Валерий скоро вернется ко мне. Мои соседи – опытные люди, повидавшие многое на этом свете, и, наверное, им надо верить. Даже если это и не так, все равно я благодарна им за утешение, за наставления и деловой совет. Правда, знаю, что их деловым советом я не воспользуюсь. Теперь все зависит от меня. Я сама должна бороться, я сама должна быть себе советчицей, так как нет у меня близкого человека, советчика и покровителя моей семьи. Никому не доверю тайну, о ней знаю только я и моя тетрадь. Не жду ни от кого совета, надеюсь только на себя и на собственное сердце, где отпечатались лишь ненависть и месть; ненависть ко всем мужчинам, а месть – к единственной женщине. Интересно, что тяжелее: месть или ненависть? Задаю себе этот вопрос и кажется мне, что месть беспощадней и вероломней, чем ненависть, поэтому я решила сначала отомстить, и, чем больше жестокости будет в мести, тем больше удовольствия получу я от содеянного! Затем, может быть, превращу ненависть в месть и рассчитаюсь с ней сполна.

27 февраля 1945 года, вторник.

Вот уже два месяца прошло с тех пор, как Валерий покинул меня. За это время он ни разу и близко не прошел около моего дома. Чаша моего терпения переполнилась и я приняла решение отомстить. Человек может многое. Я тоже решила много дел за эти дни: узнала, в котором часу выходит из дому Лонда, в котором – Валерий. Утром они выходят из дому вместе в одно и тоже время. Лонда провожает Валерия до университета и, нигде не останавливаясь, возвращается домой, затем хозяйничает дома, в полдень к ней приходят какие-то незнакомые люди, но не всегда.

Я никого не вмешиваю в это дело, мне не нужны свидетели. Вчера утром на базаре купила электрический утюг, достала динамит, взрывающийся от электрического заряда, и потратила всю ночь на то, чтобы вмонтировать его в утюг. Работала осторожно, затем начиненный динамитом утюг положила в коробку и заклеила верх.

Сегодня утром, когда Лонда проводила Валерия до университета и возвращалась домой быстрым шагом, я незаметно положила коробку, точнее бросила, будто кто-то потерял ее, и скрывшись, стала наблюдать издали. Лонда увидела коробку с утюгом, огляделась вокруг и, никого не заметив, подхватила ее под мышку.

Я пошла по противоположной стороне, не отрывая глаз от окон Лонды, чувствуя, что сейчас случится что-то ужасное. Я хочу увидеть все собственными глазами. Вот и Лонда появилась, красиво выгибаясь,

вошла в подъезд. Сердце кольнуло: неужели с сегодняшнего дня Лонда не будет изгибать свое красивое тело? Чуть было не крикнула: «Не включай утюг!» Я взяла себя в руки. Вдруг услышала, как Лонда открыла входную дверь, вошла в гостиную и... взрыв потряс все здание. Практически со всех окон дома посыпались стекла. Собралась толпа. Дверь в квартиру Лонды была закрыта, кто-то выбил ее. Люди ворвались в дом. Я тоже вышла из «укрытия» и пошла к дому Лонды, чтобы увидеть совершенное мною. Перед глазами открылась страшная картина: стены комнаты были забрызганы кровью, по полу разбросаны окровавленные куски прекрасного тела Лонды. Столпившиеся в проходе люди остолбенело взирали на эту ужасающую картину, все были бледны. Только на моем лице не дрогнул ни один мускул. Я никогда не чувствовала себя такой умиротворенной. «Мечь в тяжких формах» доставила мне немного удовольствия. Притворившись, что мне плохо, я вышла на чистый воздух и, отойдя чуть-чуть, побежала домой, чтобы уже из дому наблюдать за развитием событий. И правда, скоро появилась милицейская машина, и через пятнадцать минут увезли труп.

Умиротворенная, я направилась в институт. Впервые за два месяца слушаю лекции. Вечером в цирке я выступала так, как никогда прежде. Усталая, легла спать и сладко уснула. Сегодня я не жду Валерия. Он и не пришел!

8 марта 1945 года, четверг.

Сегодня Международный день женской солидарности. Ни у кого нет времени праздновать этот день. Словесно поздравляем знакомых. Я тоже не готовилась праздновать этот день. Кто поздравит меня, скажу «спасибо», если нет ... Не вижу ничего хорошего в рождении женщины. Для нас не должно быть этого дня, наоборот, пусть смерть овладеет жизнью женщин, чтобы истребить все женское начало. Не знаю, когда в моей душе наступит праздник, Валерий навсегда отнял у меня желание праздника. Он еще не вернулся. Не знаю, где ночует, где бывает днем, хотя три раза я видела его в цирке. Наверное, он ищет встречи со мной, чтобы поговорить, но теперь я делаю вид, что не замечаю его. Прохожу мимо и иду по своим делам.

Наконец, Валерий не выдержал моего равнодушия и позавчера преградил мне путь.

«Здравствуй, Мери!» - стыдливо произнес он и протянул мне руку. Я посмотрела на него удивленно, будто на постороннего, мотнув головой, сказала: «Неблагодарный!» - и продолжила путь. Валерий остался стоять на месте с протянутой рукой. Я не могу без него, но и сдаться без боя, как в первый раз, не хочется. Правда, очень страдаю, но пусть это будет мстостью за мои мучения. Кто-то, заглянув в мое сердце и увидев, какая сила воли в нем, похвалит и пожалеет его, измученное любовью .

Почему он не возвращается домой? Наверное, стыдится соседей. Это хорошо, если в нем остались стыд и совесть!

Сегодня, несмотря на праздничный день, я встала, как всегда, печальная, позавтракала и приготовилась идти в цирк, (в институте сегодня выходной).

Открыв дверь, увидела возле нее корзину с розами. Цветы напомнили мне подаренные Валерием розы в цирке. Эти розы тоже были собраны с особой осторожностью, как и те. Я занесла корзину в дом, между розами виднелось сложенное вчетверо письмо.

Поставив корзину на стол, взяла письмо, развернула его и стала читать:

«Мери, не знаю, с чего начать: с извинений или так, напрямик, как подобает обиженному супругу. Мы даже не ругались, просто произошло недоразумение и больше ничего. Ты до сегодняшнего дня знала обо всем, только не показывала виду. Ведь теперь ты тоже можешь, не показывая виду, не вспоминать прошлое. Как бы там ни было, ты должна простить меня. Я взываю к твоей совести. Я – первая твоя любовь и отец твоего первенца. Не думаю, что ты сможешь так легко забыть любовь, стереть из сердца чувство, отпечатанное в нем. Не мучай себя, дорогая, и не мучь меня. Я приду вечером, не гони меня, прими так, как всегда!

В честь Международного женского дня прими этот скромный подарок – букет роз. Не мог не поздравить тебя с этим достопримечательным днем, и у тебя нет права не простить мне моей ошибки.

*Твой Валерий.
08.03.1945 год.»*

Читаю письмо и кажется мне, будто Валерий следит за мной. Тихонько открыв двери, я осмотрела ступеньки; здесь нет его. Может, он следит из окна? Выглянув из приоткрытого окна, я ничего и никого не заметила. Однако, все равно думаю, верю и знаю, что он следит за мной. Взяв корзину, полную роз и положив письмо на прежнее место, я открыла окно и выбросила ее на улицу, и сразу почувствовала облегчение, словно какой-то груз сняли с плеч моих. Закрыла окно и пошла в цирк

Не настроена я на тренировку, но не показываю виду. Потренировавшись немного, я быстро переоделась и пошла домой. Поравнявшись с домом, неожиданно увидела перед собой Валерия.

- Не думал, что подарок на восьмое марта обрушишь мне на голову! – упрекнул он меня, не поздоровавшись.

- Ту вазу, в которую я поставила розы, впервые подаренные тобой, тоже разбила! Ты – самая большая ошибка в моей жизни. Хотя бы теперь отстань от меня, не попадайся мне на глаза. Хочется самой исправить допущенную ошибку. Выращу ребенка, порадуюсь, измученная одиночеством. В жизни мне вполне хватит детской радости. Пусть родится девочка! Всех мужчин видеть не могу...

- Значит, между нами все кончено?

- Все! Скажу тебе больше: из-за тебя я ненавижу всех мужчин. Уиди прочь от меня! Я не торгую своим телом и чистыми чувствами. Я выбрала непорочный путь в жизни, не мешай мне идти своим путем!

Ничего не прошу у тебя кроме одного: не попадайся мне на глаза! Не хватало еще из-за тебя возненавидеть всех людей. Может, не все такие, как ты, и грех это – ненавидеть невинного!

- Никуда не пойду! Я возвращаюсь в собственную семью, к своим жене и ребенку, и нет ни у кого права выгнать меня из собственной семьи. Убей и оплачь меня! С сегодняшнего дня я твой : и живой, и мертвый...

Я решила молчать, испугавшись сказать еще что-нибудь; а вдруг Валерий и вправду уйдет. Не разговаривая, мы дошли до дома. Он открыл двери своим ключом, пропустил меня вперед, и я первая вошла в дом. Валерий сел в кресло, я вышла в кухню: хлопочу, а сама злюсь, делать ничего не делаю...

Валерий тоже молчит. Мне кажется, что он больше, чем я, чувствует себя неловко. Так мы, обиженные друг на друга, просидели около часа. Не выдержав больше, я нарушила тишину:

- Валерий, давай поговорим! Людей нашего возраста и образования могут вызвать в суд для решения того или иного вопроса. Верю, что судья не знает о нашей семье больше, чем мы, поэтому считаю оскорбительным звать в собственную семью чужого человека для осуждения неверного шага мужчины.

Чтобы не позорить себя и собственную семью, поговорим по-хорошему сами и сделаем так, чтобы с сегодняшнего дня мы, не стыдясь, смогли бы смотреть друг другу в глаза!

- Я уже совершил такое, за что мне стыдно смотреть в твои глаза!

- Прощаю тебя! Я забуду то, что было, если этого больше не повторится!

- Клянусь нашей любовью, что этого никогда не повторится!

- Нет! Клятвы мне не надо! Я уже слышала ее от тебя. После твоей клятвы я возненавидела все высокопарные слова и тех, кто их произносит. Думаю, что все слова – ложь, а все люди – лжецы!

- Это не прощение, если ты напоминаешь мне все неверные шаги. Вижу, что в сердце твоём ничего не осталось от прежней любви. Мои слова кажутся тебе высокопарными и лживыми. В конце концов, чего ты требуешь от меня, чтобы я вернул старую любовь?

- Сегодня мы распишемся, чтобы в следующий раз, когда ты бросишь меня, у ребенка осталась законная отцовская фамилия!

- Поверь же мне, наконец, Мери, что больше не оставлю тебя, клянусь родителями!

- Не успокаивай меня клятвой! Докажи свою любовь на деле. Распишешься сегодня со мной или нет?

- Я же не говорил, что не распишусь. Я готов, хоть сейчас пойдем! Ты ошибаешься, если думаешь, что заставляешь меня. Сегодня, стоя перед тобой со склоненной головой и переживая из-за потери тебя, я больше оплакиваю себя, нежели твое счастье. Оплакиваю потерянное счастье, богатство, престиж, скорблю по твоей чуткости. Таким образом, я оплакиваю собственную участь. Порвав с тобой, я понял, что совершил большую подлость.

Поворот судьбы и лицемерие считаю наивностью,

так как в этом случае обманываю не только тебя, но и себя самого. Существует наивысшее лицемерие, когда человек сознательно искушает всех. Я имею в виду терзание душ тех, кто желает непроходящей скорбью снискать имя себе. Время притупит боль скорби, а они все равно усердно льют слезы, скрываясь под личиной безутешности. Стараются уверовать нас, что их печаль окончится только с их смертью, подтверждая лживыми словами.

Существует еще один источник слез, из которого они легко проливаются и так же легко высыхают. Плачут, притворяясь слишком чувствительными, хотят, чтобы их пожалели, и, наконец, плачут потому, что стыдно не плакать. Такие слезы называют слезами гробовщика, который одновременно скорбит по умершему и радуется продаже гроба.

А я совсем не умею лить слезы по делу или без дела. Стою перед тобой со склоненной головой и сожалею об ошибках, хотя ты лучше меня знаешь мой характер!

- Я знала твой характер, но человеческий характер является загадкой, как семь чудес света. Дни, проведенные в одиночестве, заставили поверить, что ты никогда не любил меня. А то не так-то легко потушить пожар любви.

Неверно сделанный шаг тушит яркую любовь, похожую на пламень свечи, но ничего не может поделаться с любовью, похожей на пожар, наоборот, разжигает ее еще больше. Уверена, что нет любви в твоём сердце, и решил ты жить со мной из-за человеческого долга. Как видно из твоих слов, чтобы вернуть потерянное счастье, богатство и престиж.

Зная это, я все равно буду счастлива рядом с тобой...

Давай пообедаем и пойдем расписываться...

Я накрыла на стол, и мы с аппетитом пообедали. Затем я попросила Валерия пойти в свою комнату, чтобы переодеться. Долго ждать не пришлось: Валерий вышел чисто одетый, взял меня под руку, и мы пошли расписываться...

Пока мы не дошли до загса, я так и не вспомнила, что сегодня восьмое марта, и все учреждения отдыхают. Дом бракосочетания оказался закрыт. Это обстоятельство я приписала на счет моей невезучей превратной судьбы. Разочарованные, мы вернулись домой.

Сегодня вечером в цирке представление. Не заходя домой, мы направились прямо в цирк. Посадив Валерия на лучшее место, я переоделась и начала разминку. Время пролетело незаметно. Началось представление. Сегодня, как и всегда, я заслужила похвалу, все букеты принадлежали мне.

Представление закончилось. Валерий взял меня под руку, и мы вместе вернулись домой. Началась новая жизнь! Господи, хоть теперь будь к нам благосклонен!

9 мая 1945 года, среда.

Два месяца прошло, а я ни разу не раскрыла дневник. В моей жизни не происходит ничего интересного. Я и Валерий привыкли друг к другу, стараемся не обижать друг друга. В моей маленькой семье царят радость и покой. И правда, за эти два месяца я все позабыла. Мы вглядываемся в глаза друг

друга и чувствуем без слов, что обрадует каждого из нас. Я и представить себе не могла, что Валерий окажется таким внимательным: он никуда не пускает меня одну, если не проводит. Утром провожает в институт и встречает около дверей после окончания лекций, чтобы пойти домой вместе.

Сегодня 9 мая. Весь мир празднует победу над фашизмом. Наши войска уже давно вошли в Берлин. Уже две недели, как закончилась война, но сегодня навсегда покончено с существованием фашизма. Мы с Валерием тоже присоединились к всеобщему празднику победы. Я открыла, нетронутый до сих пор отцовский бар с напитками, поставила две бутылки коньяка. Первый тост мы подняли за упокой души тех, кто отдал свои жизни в Великую Отечественную войну во главе с нашими родителями, и кто не дожил до дня победы, затем Валерий продолжил говорить тосты по порядку. Закончилась одна бутылка коньяка. Он заметно опьянел, поэтому не стал открывать вторую. Мы долго беседовали. Люблю беседу по душам. Валерий, когда выпьет, развязывает язык, начинает рассказывать обо всем, больше о собственном прошлом. Ничего плохого не слетит с его языка, только не нравится мне, что, опьянев, начинает плакать. Не знаю, может это привычка? Не выношу слез Валерия: начинаю плакать вместе с ним. Сегодня все повторилось: сначала он начал душевный разговор, потом вспомнил родителей, затем свою короткую жизнь, не удержавшись, заплакал. У меня тоже есть, что вспомнить, у меня тоже были родители, и слезы по ним всегда стоят в моих глазах. Плачет

Валерий, и я тоже плачу! Для человека слезы – это успокоительное средство. По- моему,никогда не надо стесняться пролитых слез, а Валерию стыдно, и он часто отворачивает лицо.

Слезы для человека были бы лицемерными в том случае, если бы он осмелился скрыть свои недостатки. Подвыпивший Валерии не лицемерит. Слезы, пролитые в таком состоянии, чище и правдивее слез женщин всего мира.

Правда, Валерию стыдно передо мной после сделанного неверного шага, но он уже искупил свою вину. Не существует таких людей, на голову которых не обрушился бы позор, и у них не было бы возможности восстановить потерянное имя или любовь. Валерий уже восстановил свою любовь, и с его уст ни разу не слетело имя той женщины, которую он любил сильнее меня.

... Слезы порядком успокоили нас обоих. Валерий практически протрезвел и открыл вторую бутылку. Первый стакан он поднял за заслуги в войне военкомандующего Сталина, отметив, что он является легендарным человеком, включившимся в юношеские годы в борьбу революционного движения за светлое будущее людей . Он является членом коммунистической партии с 1898 года. С 1912 года работает в составе Центрального Комитета, принимает участие в издании большевистских газет «Звезда» и «Правда».

Он написал целый ряд теоретических трудов. Его не раз арестовывали и ссылали, как профессионального революционера. С 1917 года он был избран в

Центральный Комитет партийного бюро и в редакцию «Правды». Он последовательно проводил тактику большевиков, курс свержения царизма.

После победы революции Сталин становится народным комиссаром первого советского правительства по национальному вопросу . В 1922 году его избрали генеральным секретарем Центрального Комитета партии. С 1941 года параллельно стоит во главе Совета Народных Комиссаров Советского союза. В огненные дни войны его, как талантливого военкомандующего избрали председателем Государственного Комитета Обороны и назначили высшим главнокомандующим. И сегодня он активным трудом претворяет в жизнь принципы марксизма-ленинизма и дело партии...

Если живет и дышит человек в этом мире, вот так он должен жить! Слава великому Сталину! Долгих лет жизни и побед! Валерий, закончив говорить тост, залпом выпил коньяк, чуть не проглотив стакан, а я наградила его аплодисментами за сказанный тост. Мы еще долго беседовали. Целую ночь в городе стрельба ракет, не уснешь. Мы широко распахнули окна, радуемся всеобщему празднику, вихрю ракет, раскрывающихся как букеты цветов на небосводе.

28 мая 1945 года, понедельник.

Мы с Валерием живем душа в душу, делим все невзгоды, учимся. А учиться приходится много: я должна закрыть четвертый курс и перейти на пятый, а Валерий заканчивает университет в этом году и

обещает остаться работать в нашем городе, пока я не окончу институт. Наверное, он уладит этот вопрос, иначе, как же он откажется от распределения? Хорошо, если останется работать в городе. Вот окончу институт, может, меня распределят тут же. Нет ничего лучше, чем жить в родном городе. Мне не придется искать квартиру и мебель, друзей и знакомых. Я выросла в этом городе и привыкла к нему, жить здесь мне дороже жизни в раю. По этой улочке гуляли мои мама и отец, не хочу потерять и позабыть места, где ступала нога моих родителей, смотрю на эти улочки и иногда мне кажется, что очень скоро появятся возвращающиеся с работы мама и отец. Я ведь всегда выглядывала из окна, ожидая их прихода! Стоило им появиться, я бежала по дороге им навстречу и вешалась на шею. Никогда не забыть мне этот город и улицы! Нет, не хочу в другое место, нет! И Валерия не отпущу, конечно же, если это будет зависеть от меня...

Сегодня мы с Валерием договорились, что, закрыв курс, я возьму отпуск в цирке, и мы поедем отдыхать в Гагры. Валерий убедил меня, что морской воздух хорошо подействует на мой организм, и ребенок родится здоровым. Мы вернемся в родной город со здоровым новорожденным!

Конечно же, морской воздух полезен. Даже если и не так, как я могу отказаться от решения главы семейства? Женщина не должна показывать мужу даже обиду, настолько она должна проявлять сдержанность. Сдержанность для женщины то же, что и украшение с дорогими камнями, которое она украшает своей красотой.

Во всяком случае, Валерий не такой уж, чтобы нельзя было бы с ним поспорить, наоборот, он всегда советуется со мной, спрашивает, как уладить то или иное дело. Сначала послушает меня, затем выскажет свое мнение, и мы делаем так, как лучше. Сегодня было то же самое, сперва он спросил меня:

- Будет ли это правильным, если мы в ожидании ребенка проведем время на море?

- Хорошо, только при условии, что ты будешь рядом со мной - ответила я.

- Может, ты боишься, моя птичка? – спросил он с улыбкой .

- Боюсь! - кивнула я головой, - но не смерти боюсь, мне жаль жизни. Не хочу умереть, не увидев того, из-за кого я, может быть, не выживу!

- Не бойся, ты не умрешь! Я буду рядом с тобой, и близость моя оградит тебя от любой опасности!

Валерий сказал еще что-то, но я не услышала его. Какое-то преждевременное чутье подсказало мне, что Валерий хочет убрать меня из этого города, чтобы свободно действовать. Не думаю, что предчувствие человека всегда сбывалось. И даже если это не так, Валерий же обещает быть рядом. Тогда, чего я боюсь? Я обнадеживала себя, однако то, что было подсказано мне моим сердцем, не стала скрывать от Валерия.

- Валерий, не хочешь ли ты убрать меня из города, чтобы потом свободно гулять с женщинами?

- О, Мери! Ты опять за свое? Ты же обещала мне не вспоминать прошлое?

- Нет, Валерий, не вспоминаю, не осуждаю и не благословляю твой путь. Просто предупреждаю:

слабовольные женщины разбили много семей, не смей делать этого...

- Мужчинам прощительно ходить по женщинам, да и женщины не должны быть обделены этим даром природы. Ты считаешь себя слишком порядочной, я знаю, что ты слишком порядочная, ты здорова и тверда духовно. Твоя порядочность – результат действия этих двух свойств характера., но временный, так как душевное здоровье ломкое, как хрусталь, так же, как и материальное. Тот, кто думает, что он свободен от силы страсти, может заболеть этим недугом так же, как здоровый человек – гриппом!

- Не понимаю, неужели ты болен таким недугом, и любовь к женщинам является целью всей твоей жизни?

- Да, но ведь я не отхожу от тебя ни на шаг. Почему же тогда ты считаешь меня дамским угодником? Правда, я люблю женщин, но люблю их настолько, насколько и ненавижу. Люблю, потому что люблю, а ненавижу, потому что все они не мои! Они не могут быть моими! Вот поэтому я с тобой, люблю тебя одну и не отхожу ни на шаг, моя певчая пташка!

16 июня 1945 года, суббота.

Вчера закончила сдавать экзамены, с отличием закрыла четвертый курс и с сегодняшнего дня считаюсь студенткой пятого курса.

А Валерий защитил дипломную работу три дня назад и на днях, наверное, получит диплом, затем работу, и начнется новая жизнь. Среди людей он

будет пользоваться большим влиянием и авторитетом, и, что главное, в семье будет больше денег. (Ох! Пусть будет проклят тот день, когда мы родились. Женщины думают только о деньгах.) Нет, я не заблуждаюсь, так как деньги для человека, как органы слуха и зрения. Человек, лишенный этого, не сможет увидеть жизнь такой, какая она есть на самом деле... И не сможет услышать пульс жизни острым слухом, каким он должен слышать!

На первых порах я жалела Валерия и после замужества радовалась своему первому успеху в жизни. Жалость к Валерию вскоре переросла в такой пожар, что в моем сердце для кокетства не осталось и следа. Женщина должна кокетничать до замужества, после же женское кокетство и частое заглядывание в зеркало порождает злые мысли по отношению к семье. Большинство женщин, конечно же не согласятся со мной, так как некоторые из них легче управляют страстью, чем кокетством. Но это не является показателем стойкости женского характера. Мне кажется, что надо быть стойкой не только к тем, кто тебе неприятен, нужно проявлять стойкость и по отношению к тому, кто нравится тебе, кого ты любишь, только он не принадлежит тебе! Зачем же женщине в сердце лишнее кокетство после любви мужа?

Сегодня суббота, я и Валерий сидим дома. Встав поздно, слоняемся без дела. Нами овладела какая-то грусть, отчасти в этом есть вина природы: небо с утра пасмурное и слегка моросит..., в такую погоду человек может пожелать разве что сон.

Валерий будто не слышит меня, ходит по комнате

взад и вперед, курит сигарету. Чувствую, что его не интересует мой разговор, он думает о чем-то своем, более важном. «Скоро приду, иду по важному делу!» - сказал он, накинул пиджак на плечи и ушел, не дождавшись ответа. Действительно, он вернулся через час радостный, протянул два билета на поезд и сказал: - Собирайся!

Я как-то растерялась, не ждала этого сегодня, удивилась, что Валерий не сказал мне об этом наперед. Этого было достаточно, чтобы засыпать его упреками. Он стал оправдываться, мол и не думал, что достанет билеты, поэтому не предупредил заранее. Сердце предчувствует беду, никуда не хочу ехать. Об этом я сказала Валерию:

- Мы еще не расписались, а ты уже билеты купил. Кто регистрирует ребенка в Гаграх без регистрации брака? Пойдем, распишемся, а потом подумаем о поездке!

-О! Моя безрассудная пташка! Ты ведь знаешь, что сегодня суббота! Дом бракосочетания закрыт на два дня! Я не заставляю тебя ехать, но почему мы должны сдавать билеты? Разве не сможем расписаться в Гаграх? А ребенка регистрируем здесь, когда вернемся!

- Все это так неожиданно, нам ведь необходимо подготовиться к отъезду!

- Не переживай, тебе нельзя волноваться: ребенок родится нервным. А мы, если успокоимся, то все успеем. До отхода поезда осталось еще много времени!

Валерий оказался прав, как всегда, и мы начали готовиться к поездке. И правда, вскоре все было

готово, к десяти часам вечера мы были готовы к поездке, а поезд отходил в одиннадцать ...

Валерий исчез на пять минут и появился с двумя железнодорожниками: взвалил на каждого по два чемодана. С богом! Я надежно закрыла дверь, повернув в замке ключом три раза.

Жалко оставлять дом. Его нельзя оставлять. Мебель в покинутом доме покрывается пылью, появляется плесень, червь. Появление червя в сердце вызывает распад семьи и разрушение дома. Именно его боится дом, являющийся живым существом, дышащим, всевидящим. Говорят, что дом беседует с главой семьи.

Дом любит своего ангела-хранителя, множество людей, смех детей и затененный деревьями двор, росу на траве. Рано утром, выйдя во двор и приминая босыми ногами траву, можно услышать, как стонет она под ногами. Как только солнечные лучи попадут на нее, выпрямится, примятая ногами, и заговорит с деревьями. Деревья зашумят, даже если не будет ни малейшего дуновения ветерка, и оповестят дом, что наступило утро. А дом, словно навалилось на него еще больше груза, вздрогнет стенами, ставшими еще старше на один день, и оповестит хозяина: - Тебя опередил восход солнца!

- Ух! Рассвело, а я еще лежу! – скажет глава семейства и бесшумно покинет комнату, чтобы не разбудить жену, но жена не пропустит звук тихих шагов главы семейства и встанет.

- Доброе утро ! – скажет она и улыбнется ему.

- Дай бог мира тебе! Раз встала, разбуди детей!

- Пусть поспят, пока приготовлю завтрак! – скажет женщина и начнет хлопотать у печки.

Я оставляю дом на несколько месяцев, закрывая дверь, слышу, как плачут стены дома. Просит дом: – Не уходи, Мери! Ты ведь единственная моя защитница! Не бросай меня одного! Я опустею без тебя, в сердце моем появится червь и мы умрем! Зачем ты забиваешь дверь? Ты ведь всегда просто закрывала ее! У наших предков был обычай забивать дверь комнаты умершего супруга. Вместе с комнатой умирала любовь. А ты забиваешь весь дом, убиваешь себя и меня! Интересно, что сделал я тебе плохого? Это плата за мою отеческую любовь? Это приказ родителей? Не уходи, Мери! Прошу тебя! – шепчут стены дома...

Я тоже шепчу:

- Что мне делать? Я должна ехать! Так решил глава семьи.

- Где он, глава семьи? Глава семьи сложил свою голову за то, чтобы в доме не погас очаг, чтобы вечно теплым и чистым были мой свод, основание и стены. А ты оставляешь меня! Знать бы, кого ты зовешь главой семьи? Куда ты идешь? К кому?...

Не могу больше слышать этого! Быстро закрываю дверь и бегу. В ушах стоит упрек...

Мы увидели стоящий у платформы поезд. Рабочие занесли чемоданы в купе, указанное Валерием. Валерий помог мне добраться до наших мест. Я еще никогда не видела столько женщин и детей вместе, не слышала такого шума и переполоха. Сердце содрогнулось еще больше, мне ничего не хотелось, кроме одного: хотя

бы поезд не тронулся с места, скорей бы возвратиться домой! Воротись! – призывает меня невидимая сила, но я не могу сделать это. Знаю, сделанный мною самовольный шаг приведет к потере Валерия. А это труднее всего, самое невыносимое из всех мучений на земле. Вместе с Валерием я все вынесу, лишь бы скорее уехать отсюда! Очень скоро мы вернемся назад втроем, обрадуем родной город и отчий дом. И правда, как обрадуется отчий дом, зашепчут и заворчат стены, отругают меня, а я, вернувшись, склоню голову и покраснею. Стены обрадуются; им будет приятно видеть мое смятение и они простят меня!

Поезд медленно отойдя от платформы, набирал ход. И я под ритмичный шум колес оцепенела, отдалась мыслям. Затем, устав от мыслей, положила голову на грудь Валерия, чтобы уснуть.

17 июня 1945 года, воскресенье.

Не хочется описывать вчерашний невыносимый шум в поезде... Проспав на груди Валерия всего несколько минут, утро я встретила опять в поезде!

У Валерия вид мужественного мужчины, он умеет постоять за себя. Чувствую, что благодаря ему никто в поезде не осмеливается смотреть в мою сторону. Так что ехать с Валерием мне не трудно, не то не переведутся на свете подонки. Вон на моих глазах оскорбляют женщин, девушек и даже мужчин...

Напротив меня сидит женщина, усадившая рядом с собой девочку 12-13 лет и обняв ее крепко. Женщина

словно боится, что девочку отнимут. На какой-то станции в наш вагон вошли двое молодых людей. Осмотревшись вокруг, они выбрали целью эту 12-13 летнюю девочку и начали балагурить.

Женщина,ехавшая с девочкой, не выдержала и стала защищаться, но один из них нагло прикрыл ладонью рот женщине и предупредил:

- Не обламывай, бабушка-джан! Выключи шарманку!

- Оставь нас в покое,сыннок! Мы были в госпитале, проведали раненого. У нас ничего нет, оставьте нас в покое! Вы, что? Не веруете в бога?

- Так вы, бабушка, говорите, что нуждаетесь? Если не наступишь ногой на нуждающегося, разве поймашь черта?

- Чего ты требуешь, сыннок? Не понимаю!

- Немногого, мамаша-джан. Вот эту девчонку заберем, не бойся не съедим!

Девочку схватили за плечи, чтобы увести силой. Тут Валерий не стерпел, наверное, и я не стерпела бы, если была бы одна, но теперь мне было стыдно забегать вперед Валерия.

Валерий встал на ноги в тот момент, когда хулиган, схватив девчурку за плечо, повернулся. Валерий развернулся и ударил его кулаком в лоб. Насильник, потеряв сознание,упал на пол. В руке второго хулигана блеснул нож, и он направил его в спину Валерия. Раздумывать было некогда, молнией сорвавшись с места, я ударила обеими ногами в челюсть хулигана со всей силой так неожиданно, что не только нож выпал из его рук, он выбил в вагонном окне двойное стекло.

Вскоре вокруг нас столпился любознательный народ. На шум пришли проводник и дежурный милиционер. Я хотела сдать хулиганов милиции, но Валерий не разрешил. После долгого допроса и просьб Валерий уплатил штраф и стоимость разбитого окна.

В два часа ночи мы въехали в Гагры. Сдав чемодан в багажное отделение, Валерий нашел в привокзальной гостинице места, чтобы мы, уставшие с дороги, могли отдохнуть. Несмотря на то, что в жизни я дралась впервые и очень разнервничалась, все равно уснула, как мертвая.

18 июня 1945 года, понедельник.

Выспавшись хорошо, я встала в отличном настроении. Валерий встал раньше меня и уже причесывается у зеркала. Увидев меня проснувшейся, улыбнулся и движением руки подал мне знак, дескать вставай, пора идти. Я встала, оделась и взяла Валерия под руку. Сперва мы зашли в привокзальную столовую, основательно подкрепились, а затем направились по тротуару и вышли на главную улицу.

Гагра оказалась маленьким городком, полностью утопающем в зелени. Главная улица – одна, делящая город напополам.

Город расположен на берегу моря и здесь, в основном, стоят частные жилые дома, большинство из которых – капитальные. Практически у всех домов есть небольшой одинаковый дворик, на калитках висит объявление: - «Сдам комнату.» Я и Валерий читаем объявления и продолжаем медленно идти. Хочется

снять комнату поближе к морю. И вот, показалось море! Впервые в жизни я увидела море. Приблизившись, я стала смотреть на его бездонный горизонт, на небо, покрытое свинцовыми тучами, предвестниками зла. Море волновалось, и с бездонного горизонта волны катились с такой силой, словно угрожали стране затоплением. Однако исполниться этому не суждено, они разбивались о берег, как хрусталь...

Долго стояли я и Валерий на берегу, смотрели на море, наслаждались его красотой и величием. Море несло нам успокоение, мысли рождались сами собой. До того как волны мыслей соединились с морскими волнами и увлекли б за собой, Валерий вывел меня из этого состояния:

- Пойдем, моя птичка, снимем комнату. Мы будем часто приходить сюда!

На этот раз Валерий взял меня под руку, я молча пошла с ним. Пройдя всего двадцать шагов, мы заметили на железной калитке традиционную надпись: - «Сдам комнату», - за калиткой стоял двухэтажный дом из красного кирпича., а перед домом цело огромное липовое дерево.

- Вот здесь лучше всего снять комнату! – сказал Валерий и без разрешения открыл калитку. Как только калитка приоткрылась, зазвенел прикрепленный где-то электрический звонок, и в ту же минуту из дома вышла пожилая женщина. Я стала разглядывать ее, чтобы узнать характер моей будущей хозяйки. Среднего роста, смуглая и чуть полноватая, очень кудрявые и полностью белые волосы покрыты платком в черно-белый горошек. Лицо доброе, глаза заплаканные и

печальные. «В таком человеке не может не гнездиться добрая душа», - подумала я и услышала голос Валерия:

- Тетя, вы сдаете комнату?

- Да, сынок, проходите! – на чуть ломанном грузинском ответила женщина и повела нас к дому.

Мы вошли в комнату, окна которой выходили на море. В комнате стояли две застеленные кровати, маленький столик и платяной шкаф.

- Вот здесь вы будете жить! – сказала женщина и улыбнулась.

- Какова месячная плата за комнату? – спросил Валерий.

- Ничего не надо, сынок! У меня хоть будет с кем поговорить. Живите, будьте столько, сколько захотите. Сейчас другое время. Чтобы жить, необходимо иметь деньги. Человек время от времени использует их. Зачем мне деньги? Брать у таких как вы и хранить? Нет, этого я не сделаю. Война закончилась, скоро вернутся мои мальчишки, и все будет: и деньги, и жизнь!

- Они на войне? – спросила я.

- Они на войне! Начали войну под Сталинградом, а неделю назад получила от них письмо из Берлина. С боями обошли они всю страну, а теперь пишут: «Война закончилась, и скоро мы приедем,» - оба брата находятся вместе, в одной части. Старший, Ашот, старший лейтенант, младший, Сурен, капитан. Мы – Киракосяны, если быть точнее, мой муж был Киракосян, а я – Вартамян, но сейчас значусь под фамилией мужа.

Муж, Лева Киракосян, сложил голову за дело

революции. Его убили в Мегрелии в 1924 году. Дети тогда были маленькими, и мы не смогли перевезти тело сюда. Ну, а потом уже не нашли его могилы, кто знает, может и не похоронен он, бедный, по христианскому обычаю.

- Очень терновая история у вас, тетя! Но скоро вернутся ваши мальчики, и все счастливо изменится! – сказал Валерий и представился:

- Я – Валерий Арабули, а это Мери Картвелишвили, моя супруга! Родители у обоих погибли на фронте, и решили мы, сироты, создать собственную хорошую семью.

- Я рада, сынок! Благослови вас, господь! Плодитесь и размножайтесь, пусть ваша нога будет счастливой везде, куда бы вы ни поехали и не пошли!

Меня зовут Мариам Варганян-Киракосян, зовите меня просто тетя Мариам или Мариам. Когда молодые зовут меня только по имени, мне кажется, что и я молодая, и мне радостно от этого! – со смехом произнесла Мариам и бросила на меня взгляд:

- Ты беременна, дочка? – спросила она.

- Да! – ответила я и покраснела до корней волос.

- Дай-то бог дожить мне до рождения моих внуков так, как доживу я до появления твоего малыша! Ты счастливая! Для матери не существует большего счастья, чем рождение ребенка, детка!

Ребенок для родителей – живой организм. Они чувствуют биение сердца и ток крови своего ребенка, как собственный организм!

Не волнуйся, дочка, роды пройдут блестяще. По специальности я фельдшер, и дай бог тебе десятую

часть детей, сколько новорожденных прошло через мои руки.

Мариам встала – вы наверное устали, отдохните,- сказала она и вышла.

- О лучшем месте мы и не мечтали ! – сказал Валерий и слегка коснулся губами моей щеки. Я тоже счастлива оттого, что попала в такую хорошую семью, чувствую себя так, словно в собственную семью привел меня Валерий, и в семье, в лице Мариам, встретила меня добрая свекровь.

Мы прилегли, немного отдохнув, вышли. Валерий стал наставлять меня, как ребенка:

- Не заходи в море, не простудись, для тебя достаточно и чистого морского воздуха. Знай, что ты не принадлежишь себе. Ты скоро станешь матерью нашего ребенка и только ради него ты должна отказаться от всего этого. Выбив нож из рук хулигана и спасая меня, ты рисковала жизнью ребенка. Больше не повторяй такого. Допустимо, если родитель жертвует жизнью ради ребенка.

- О чем ты говоришь, Валерий? А если бы они ударили тебя ножом и убили, я бы покончила с собой, и ребенок умер бы вместе со мной?

- Опять она за свое! Неужели ты не понимаешь, что мать должна все вынести и потерпеть ради ребенка?

- А отец?

- И отец!

- Меня интересует одно: если на весах окажется моя жизнь и жизнь нашего ребенка, кого бы ты спас: меня или еще ни разу не увиденного тобой ребенка?

- Я не стал бы раздумывать даже тогда, если бы

все женщины поумирали бы в этом мире, я все равно спас бы моего ребенка! – сказал он с улыбкой на лице. Слова его были настолько убедительны, что в правдивости сказанного я не сомневалась.

Мы вышли прогуляться на морской берег. Валерий решил поплавать. Мне так тяжело на сердце от разговора с Валерием, что даже соблазнительные морские волны не подняли мне настроения.

Через два часа мы вернулись домой. Тетя Мариам приготовила обед и ждала нас. Вкусно и с аппетитом пообедав, мы немного побеседовали, а затем наступил «мертвый час». Действительно, на чистом морском воздухе мы сладко выпались. Теперь я в хорошем настроении уже не помнила упреков Валерия. Смотрю на плавающего, как дельфин, в волнах Валерия и люблю его красотой. Но чем дальше он уплывает от меня, тем больше стона рвется из моей груди, и чувство страха гложет мое сердце. Так длится уже несколько дней. Неужели наше пребывание здесь будет таким грустным?

22 июня 1945 года, пятница.

Быстро пролетели веселые и радостные дни. Я считаю их самыми важными в моей жизни. Валерий очень внимателен ко мне, такого милого и вежливого собеседника я еще не видала.

Чувствуется, что тетя Мариам соскучилась по общению. Мы всегда вместе в беседах проводим время. Ей трудно говорить по-грузински, она часто извиняется.

Но сегодня, как только она в очередной раз извинилась за ломаный грузинский, я сказала ей по-армянски:

- Не утруждайте себя, говорите на армянском!

У тети Мариам расширились глаза, она огляделась по сторонам, наверное подумала, что кто-то другой говорит, и, убедившись, что автором армянских слов была я, обняла меня и поцеловала, как своего дитя. Я тоже улыбнулась ей, а она концами платка вытерла чистые жемчужины слез радости.

Наступила пора обедать, и тетя Мариам начала накрывать на стол. Именно в этот момент почтальон открыл калитку дома и звук электрического звонка достиг липы, под которой я сидела. Пришла новая почта: журналы, газеты и одно треугольное письмо. Тетя Мариам даже не взглянув на газеты и журналы, прижала к сердцу письмо и побежала за очками, вынесла их, тихо прочитала надпись на письме и сказала мне:

- Вы умеете говорить по-армянски, может, умеете читать и писать? Прочитайте, что здесь написано!

Я взяла письмо и прочитала оглушительную новость:

«Мамочка! Правда, война с фашистской Германией окончилась. Мы победили над захватчиками, но теперь появился новый враг – Япония, которая напала на нас с востока, и мы обязаны встретить врага по-вражески, а друга по-дружески! Мы идем бороться с Японией. Как вернулся с победой из Германии, так с победой возвращусь из Японии,мама!»

Прочитав это письмо, я была огорчена не меньше самой Мариам. Тетя Мариам опечалилась, загрустила

и я. Валерий не находит себе места: ходит взад и вперед, затем, хлопнув калиткой, вышел, наверное, чтобы развеять печаль. Тетя Мариам ушла в дом. Знаю, она плачет, но у меня нет сил успокоить ее, сижу под липой в кресле и думаю; интересно, когда же наступит облегчение народу? Неужели уставшей от войны стране нужна была еще одна война? Неизвестно, сколько еще жизней унесет война с Японией! Мы победим! Закончится война с Японией, но разве с этим прекратятся войны и кровопролития? Нет, еще отметится новая война! Не насыщаются кровью кровопийцы и не думают о том, что их крови проливается намного больше, чем крови труженика, защитника отечества.

Сижу под липой и смотрю на это вековое дерево, корни которого простираются до самого морского дна. Может оно чувствительнее и добрее, чем любой человек. Это статное растение, не умеющее говорить, но наверняка, умеющее слышать и чувствовать, поняло содержание письма и печалится больше нашего. И правда, не шелестят липовые листочки, и стоит липа, опустив ветви, как человек, засунув руки в карманы брюк и опустив плечи.

Я обняла дородный, покрытый мхом ствол липы и приласкала его. Мое прикосновение словно расчувствовало его, заставило содрогнуться целиком. Посмотрев на две огромные ветви, которые вытянулись в сторону моря, я увидела перед собой руки сказочного дэва. Руки эти машут Ашоту и Сорену, будто шепчет липа: «Скорее возвращайтесь к нам, мальчики, пока печаль не погубила мою единственную собеседницу Мариам!»

Не знаю, липа ли напомнила мне о Мариам, или какой-то сверхъестественный шепот донесся до моих ушей, но подскочив на ноги и осторожно отворив дверь в спальню, с заплетающимися ногами приблизилась к лежащей навзничь и плачущей навзрыд Мариам и позвала ее тихонько. Она услышала шум шагов, повернулась набок, взглянула на меня заплаканными глазами и, застыдившись собственных слез, отвернулась к стене. Я какое-то время не могла сдвинуться с места, чувствуя себя неловко. Постепенно, выйдя из замешательства, присела на кровать тети Мариам и стала гладить ее по волосам.

- Подожди, детка. Меня всегда успокаивают слезы!
– сказала, не поворачиваясь, Мариам.

- Где это видано, плакать по живому человеку? Успокойся, не дай бог, чтобы что-то случилось!

- Где он, бог, детка? Если бы бог был, разве он начал бы новую войну? Разве не хватит того, сколько жизней загублено? Мы произносим имя бога с почтением, но это не является большим уважением, однако иногда великое имя его восхваляем больше, чем нашу собственную честь. Мы не забываем имени его и поминаем в молитвах, а он забывает о нас и даже не говорит «спасибо» за молитву. Если бы у вас был такой друг, разве вы не махнули бы рукой на такую дружбу?

- Нет, тетя Мариам, у человека должно быть что-то такое, за что можно ухватиться, должна гореть искра надежды. Вера – это неплохая выдумка, и не надо стыдиться веры в честь. Не переживай, тетя Мариам, у Японии нет возможности вести войну. Она долго не

продлится, очень скоро вернутся к тебе твои сыновья!

- Когда же, дочка? Не могу больше ждать! Съел меня червь тоски и печали. Мне вечно кажется, что я не доживу до их возвращения. Иногда думаю, вот надену мужскую одежду и пойду, буду воевать бок о бок с ними. Разве не водила в бой мать девятерых братьев Херхеулидзе? Зачем мне оружие? Я зубами порву того, кто выстрелит в моего сына, а сыновья мои, увидев меня погибшей, предадут тело мое земле, и будут сражаться еще сильнее. Никому не простят кровь матери мои львы!

Говорила тетя Мариам и плакала. Я тоже не выдержала, сердце зашлось. Упав на грудь тети Мариам, заплакала. Не знаю, сколько времени я плакала, в конце концов электрический звонок оповестил нас, что кто-то открыл калитку. Мы одновременно вытерли слезы и вышли во двор. Вернулся Валерий, опять он печален и без настроения, так же как и уходил.

Ходим по двору, молчим, чувствуем себя неловко. Ни один из нас не решается заговорить. Кажется, что нарушится тишина от наших голосов, и случится что-то плохое. Так продолжалось какое-то время, и наконец, Валерий немного громко, или мне показалось в этой тишине, сказал:

- Вечером я должен уехать!

- Куда? – я удивленно уставилась на него.

- У меня небольшое дело в университете, необходимо уладить. Может меня оставят на месте!

- Ты сейчас вспомнил об этом? Где ты был до сих пор?

- Нет, Мери, это было решено. Сегодня я должен

был сказать тебе об этом без всяких причин. А что тут такого? Сделаю свое дело и скоро вернусь!

- И все-таки, когда вернешься?

- Как только закончу свои дела, в тот же день. Я думаю, за неделю, а может еще раньше.

- Ты же видишь, в каком я положении? С каждым днем мне все труднее ходить, не опаздывай, неизвестно, увижу ли тебя вновь, не оставляй меня одну! – сказала я, и слезы брызнули из моих глаз.

- Не плачь, моя птичка! Я же сказал, что скоро вернусь, а до моего возвращения тетя Мариам во всем поможет тебе!

- Поезжай, сынок, поезжай! Не переживай за нас. За неделю я не умру, даже если меня будут бить камнем по голове. Дождусь твоего возвращения. Дай бог дожждаться мне так и моих львов! – сказала Мариам, и на ее глазах тоже заблестели слезы.

Вечером Валерий положил в чемодан только одну рубашку и попрощался с нами. Он отказался от моего провожания, чмокнул меня в щеку и заставил вернуться от калитки...

28 июня 1945 года, четверг.

Тетя Мариам переселилась в мою комнату. Мы ни на миг не расстаемся, и правда, так полюбили друг друга, что даже не можем представить себе нашу разлуку. Не знаю, заносить в дневник сказочное приключение тети Мариам, хотя не то, что в дневник, о нем надо писать отдельную книгу. О таком полном опасностей

приключении человек может прочитать только в приключенческих или фантастических книгах.

Посмотрим, если останусь жива, может занесу в дневник немного из жизни тети Мариам. Сегодня я проснулась в хорошем настроении. Погода необыкновенная: солнечная и тихая. Очень захотелось прогуляться по берегу моря, и я сказала тете Мариам:

- Пойду, прогуляюсь по берегу. Если вам что-нибудь понадобится или я опоздаю, вы выйдете к берегу. Я буду сидеть на моем любимом месте!

- Иди, дочка, подыши свежим морским воздухом. Море – мудро, прислушайся к его шепоту, и если оно ничего не прибавит, то ничего и не отнимет!

Надев спортивную одежду и взяв подушку, я ушла. Море переливается слегка, нежится под солнечными лучами, словно дремлет. Сначала я пошла вдоль берега, осмелев, так близко подошла к воде, что тихие волны трутся о босую ногу, и стоит убрать ногу, в тот же миг смывают мои следы...

Я устала от ходьбы, да и надоело к тому же, захотелось присесть в каком-нибудь укромном уголке посмотреть на бескрайний морской горизонт и побеседовать с ним.

И правда, я далеко отошла от песчаного берега. Отыскав у скалы огромный валун, с трудом взобралась на него, положила подушку и села. Смотрю на море, люблюсь его красотой и шепчу про себя:

- Ты красиво и могуче, море, но коварно и вероломно, поверхность твоя переливается, как рассыпанные на лугу маки, но, как мак не выносит прикосновения руки человеческой и умирает, так

же и ты, гордое, не выносишь прикосновения руки человека и не умираешь само, а убиваешь других! Неизвестно, сколько людей стали твоими жертвами, кто посчитает, сколько человеческих грехов вынесло ты этой старой кучерявой шейей.

Волна достигла до моего каменного кресла и рассыпалась множеством жемчужин, затем, вернувшись назад, стала уносить песок, словно шепча при этом:

- Я убиваю только таких как ты, необразованных, которые не знают мне цену, Убиваю потому, чтобы другие знали и учились. Правда, не выношу прикосновений рук, не привыкло к рабству. У меня - мое гнездо, я никогда не разоряю ваших гнезд. Почему же вы считаете себя вправе резать по сердцу и отнимать мои сокровища, начиная с рыбы и заканчивая водорослями. Неужели вам не хватает суши, чтобы не использовать для борьбы моего сердца? Не вонзайте в меня меча, не травите меня и не будоражьте тысячью минами!

- О, море! Человек – властелин природы, он должен изменить тебя и использовать во благо людям!

- Хорошо, если используете на благо,я тоже помогу. Разве я мало делаю? Я даю 160 тысяч рыб и водорослей, мои филофлора и цитозира дороже золота. Только я создало на земле для пользы человека всех домашних и диких животных, хищников и птиц. А чем платит мне за это человек: взрывами и отравлением? Это не я, а вы,люди, коварны и ненадежны!

- Нет, море, так не будет вечно. Вот закончится война, и тебя никто не будет трогать!

- Интересно, ради чего вы воюете, чего вы хотите, чего вам не хватает? Вы извели столько народу, уничтожили столько техники и потратили столько сил, если бы все это было б использовано на благо людей, расцвел бы ваш мир, и люди больше не беспокоили б меня и были бы обеспечены всем! Вас, людей, с самого начала преследуют вражда и раздор. Вы ненавидите сытого человека, убиваете его, чтобы присвоить нажитое им и обвиняете меня во зле, если я наказываю убийцу смертью. Ты разве не убийца? Если не ради имущества, то ради своего счастья разве не убила человека? Будь у тебя сердце, похожее на мое, ты затопила б весь мир и оставила б в живых одного человека – Валерия. И вот не знаю, хватило бы вам двоим всего мира?

- Ты и вправду мудрое, море! Но я не такая уж бессердечная, как кажется. Я могу пожертвовать собой ради блага людей! Не выношу измены и унижений, и в этом мой недостаток. Ты по-своему мстишь плохим людям, я – по-своему!

- Ну-ка, загляни в себя. Ведь в тебе есть любовь к славе, страх позора, желание счастливой и радостной жизни, стремление к богатству, желание дальновзоркости, однако ты не замечаешь собственной близорукости и не знаешь, неразумная, что не станешь дальновзоркой и хозяйкой той славы, о которой мечтаешь!

- То, что ты перечислило, море, эти мечты есть не только у меня, но ты ошибаешься, у меня никогда не было желания разбогатеть, лишь одного не хотелось, чтобы кто-нибудь унижал меня. Это чувство гордости

было во мне изначально. Гордость не остается в долгу перед кем-то также, как себялюбивый человек не может не возратить долг!

Почему ты осуждаешь человеческий род? Разве ты не говорило, что на земле все создано тобою? Может, человек тоже создан тобою? Не знаю, может это ты научило людей поедать друг друга? Ведь в твоём сердце рыбы и другие фауны живут по закону насилия и поедают друг друга. Правда, ты свидетель и очевидец многого, но мне кажется, что будет большим невежеством постоянно восхвалять себя, чтобы выглядеть умнее других и прятать свой недостаток за выявлением чужого...

Не знаю, сколько еще говорила бы я с морем, если бы не появилась тетя Мариам.

- Где ты, девочка? Я обошла все побережье. Интересно, о чем ты думаешь, неужели тебе не хочется есть?

- Иду, тетя Мариам, сейчас же иду! – крикнула я и скатилась с валуна.

- Ой, что видят мои глаза! Что ты скачешь, как коза? Не камень же у тебя в животе, благословленная! Разве нельзя поберечь себя немного? – каскад упреков обрушила на меня тетя Мариам, но меня не обидело ее родительское наставление. Я подбежала и, повиснув у нее на шее, стала целовать. Такое поведение, не знаю, то ли успокоило, то ли взволновало тетю Мариам. Она уставилась на меня удивленно, затем улыбнулась и сказала:

- Что случилось, дочка? Что тебя так обрадовало? Не поймала ли ты, случайно, золотую рыбку? Или что такого радостного сказало тебе море?

- Что сказало: Ашот и Сорен добрые люди и они скоро вернутся!

- Море тоже доброе, дочка. Когда я была такой, как ты, море спасло мне жизнь. Часто я выходила и садилась в укромном местечке. Море беседовало со мной, наставляло, как я должна была выдержать все сплетни, бранило за плохие мысли, приходившие мне в голову. И вот так я дожила до сегодняшнего дня!

- Море и вправду разговаривает, тетя Мариам?

- Не знаю, детка, мне кажется, что оно не разговаривает. Только, когда человек пристально смотрит на море, у него появляются мысли. Человек начинает думать о том, что его беспокоит, разговаривает с самим собою языком моря, сам осуждает злые и восхваляет добрые замыслы.

Море похоже на человека: скрывает свое плохое, как злой и скрытный человек, так как кажется ему, что никто не знает о его злом поступке. Иногда оно добродушное, тихое, притягивающе кокетливое, как женщина. И ты готов обнять его, но стоит прикоснуться к нему, немного покачает, понежит и приласкает тебя, а потом понесет. И также трудно вернуться назад, как расстаться с красивой женщиной. Волны тянут тебя назад, не дают возможности вернуться на берег, и если ты неопытен – оставят у себя навечно.

Речь Мариам, ее сравнение моря с женщиной, напомнило мне о Лонде и Валерии. Какое точное сравнение привела она. Действительно, трудно освободиться от чар красивой женщины. Наверное, Валерий и сегодня был бы у Лонды, если не этот несчастный случай...

С трудом освободившись от вихря навязчивых мыслей, я сменила тему разговора:

- Тетя Мариам, никто не приходил?

- Нет, детка, никого не было! – вздохнув, ответила Мариам и замолчала. Наверное, ее тоже захватили мысли. Я не стала ей мешать, незаметно подошла к калитке и открыла ее. Зазвенел звонок, и только сейчас опомнилась Мариам :

- О, мы уже пришли? Благослови тебя, господь! Если б не ты, я и дома не нашла бы. Сильно разбила меня тоска!

- Не думай и не печалься ни о чем, тетя Мариам!

- Не хочу печалиться, дочка, но сердцу не прикажешь. Только дурак ни о чем не думает и не печалиться. Я рада, что думаю и горюю, значит пока не сошла с ума, сама удивляюсь, как еще жива. Черта не существует. Человек сам черт, а женщина, наверное, чертова мать. То, что перенесла я, было бы тяжело перенести чертовой матери!

- Что поделаешь, тетя Мариам, если каждый из нас расскажет о своем несчастье, слушатель позабудет о своем горе. Время наступило такое, люди стали выносливее сатаны, и, кажется, что сатана ошибается, если думает, что сделает людей хуже, чем они есть на самом деле!

Со всем смиряется человек. Мы тоже люди и должны смириться со всем!

- Со всем смирился человек, смирилась со всем и я, но знаю, что не вынесу разлуки с тобой, дочка. Подумай, может останешься со мной, хотя бы до приезда мальчиков? Бедная я, дочка, бедная, боюсь

сойти с ума! Прошел час, и я соскучилась по тебе, и если б не увидела тебя, наверное сошла бы с ума и бросилась бы в воду. Нет, не то, что люблю, я надеюсь на тебя, думаю, что умру, не хочу умирать в одиночестве. Ты – мое утешение. Забываю о смерти, когда смотрю на тебя!

- Не печалься, тетя Мариам! Я никуда не денусь до возвращения твоих детей. Если они не вернуться до сентября, тогда поедем ко мне !

- Куда я поеду, детка? Мне нельзя оставлять без присмотра родной кров !

Мы еще долго говорили, я и Мариам, хотя это и не удивительно: у женщин всегда найдется о чем поговорить. Правду сказала Мариам: «Женщина – мать черта» .И откуда мы берем столько историй, не могу понять. Даже черту трудно было бы запомнить то, о чем мы беседуем, а мы этого никогда не забудем.

Стемнело, и мы направились в мою спальню. Открыв двери, я не удержалась от возгласа удивления. Волнение охватило меня, когда я увидела рядом с моей кроватью детскую люльку. Уставившись на Мариам, я заплакала. Плакала очень долго. Мариам не успокаивала меня. Когда я наплакалась вволю, она приблизилась ко мне, погладила по волосам и ласково сказала:

- Это колыбель нашего рода, она вырастила храбрых мужей и достойных женщин. Надеюсь, что и теперь не предаст нас эта благословленная сосна, а ты будешь хорошей матерью. Эта маленькая постелька – новая, дочка, я купила ее семь лет назад. Мой внук

должен был вырасти в ней, но, тебе же известно, что случилось тогда. Моя невестка не заслужила такой любви, какую я люблю тебя, и не будет ей прощения. Я отдам тебе вещи и частичку сердца, пропитанную любовью, которая должна была принадлежать ей. Желаю тебе быть хорошей матерью, дочка! Пожелай и мне прибавления. Пусть ангел, похожий на тебя, залетит в мой дом!

- Благослови тебя господь, тетя Мариам! Благослови, господи! Пусть даст он нам возможность отплатить вам за ваше добро. И если мы забудем вас, пускай бог забудет нас!

1 июля 1945 года, воскресенье.

Сегодня с утра стоит такая жара, что трудно дышать, ни с одной стороны не чувствуется дуновения ветерка, чтобы хоть немного охладить воздух. Море тоже такое спокойное, похоже на воду, искусственно налитую в огромную вазу.

Мы с тетей Мариам часто заходим в ванную, чтобы освежиться прохладной водой, и беседуем под кроной липы. Наш разговор касается в основном Ашота, Сорена и Валерия.

Валерий задерживается. Неужели с ним что-то стряслось? Я задумалась, и в тот же миг мне так сильно захотелось увидеться с Валерием, что мне стало тесно во дворе и я загрустила.

Войдя в спальню, я прилегла на кровать и заплакала. Тетя Мариам, заметив мое настроение, тихонько

вошла в мою комнату. Увидев меня, заплаканную, очень удивилась и стала успокаивать:

- Не плачь, дочка! Правда, слезы успокаивают человека, но портят его внешне. В слезах, пролитых мною, Гитлер может захлебнуться, но разве злодеи могут захлебнуться в непорочных слезах? Их уничтожит только зло...

Вчера ночью я видела сон, так что сегодня обязательно придет твой Валерий, и очень скоро ты станешь мамой девочки!

- Все-таки, что ты такое увидела, тетя Мариам? – взглянула я на нее мокрыми от слез глазами.

- Ничего такого, но все будет так, как я сказала! А сейчас вставай, одевайся, пойдем прогуляемся до железнодорожного вокзала. Немного развеешься, и кто знает, может еще устроим встречу твоему Валерию!

Я встала, оделась, и мы медленно пошли по улице, ведущей к железнодорожному вокзалу.

На вокзале толпился разный народ: много военнослужащих, большая часть которых – калеки.

- Господи, дай мне сил дождаться возвращения моих богатырей, даже если они вернуться такими калеками, как вот он! – произнесла, крестясь, тетя Мариам и протянула руку в сторону идущего нам навстречу с помощью костылей молодого человека.

Человек на костылях приблизился к нам, и словно приказывая, спросил нас:

- Не подскажите, где находится улица Ленина, 13?

- Конечно, вот свернете сюда, затем пойдете прямо и, когда окажетесь на самой широкой улице, это и

будет улица Ленина! – сказала тетя Мариам и немного проводила его.

- Бедный, у него контузия, и он уже не может здраво мыслить! – сказала тетя Мариам и утерла слезы концом платка.

На перроне мы нашли свободное кресло и устроились в нем вдвоем. Оглядываем перрон со множеством людей, и при появлении очередного калеки тетя Мариам стонет.

Перед нами прошла светловолосая девушка в военном мундире. Мариам, как парень, охотящийся на девушек, посмотрела ей вслед и сказала тихо:

- Во всем мире самыми лучшими считаются русские девушки: и телом, и красотой, и смелостью. Не исключено, что и война развязана из-за любви к русским женщинам. Но Гитлер сдох, так и не осуществив своих желанных целей.

- Вы бы обрадовались, если б ваши сыновья привели русских жен?

- Дожить бы до их возвращения, и пусть приводят, кого захотят!

... Остановился пассажирский поезд. Началась суматоха: одни поднимаются, другие спускаются, третьи складывают вещи. Я не обращаю внимания на людскую возню, так как никого не жду с этой стороны. Мое внимание привлек поезд, подошедший с противоположной стороны. Не веря своим глазам, я показала тете Мариам Валерия, спускавшегося с поезда, прибывшего с противоположной стороны. Она не поняла, чему я удивляюсь, и, улыбаясь, сказала:

- Я же говорила, что он приедет сегодня!

Валерий, не заметив нас, (наверное, он и не ждал нас здесь увидеть), пересек перрон быстрым шагом. Мы встали и пошли в ту же сторону, что и Валерий.

Валерий, расстегнув ворот рубашки, сидел в кресле, стоящем под липой. Он вскочил на ноги, увидев нас, обнял и расцеловал. Затем стал рассказывать о том, как трудно ему было упротить комиссию остаться на работе в родном городе.

Говорит обо всем правильно и правдоподобно, но мне все-таки сомнительно, хотя ни о чем не говорю, он не замечает моей ревности. Когда он кончил говорить, я спросила:

- Мы сейчас были на вокзале. Я видела, как ты приехал поездом из России. Где ты был, Валерий?

- И не спрашивай. Уставший я так крепко заснул вчера в поезде, что ничего не слышал и очутился в Туапсе.

Я только улыбнулась в ответ на этот будто заранее придуманный ответ, хотя чувствую, что и это – обман, кто знает, может ответ подготовлен заранее, чтобы обмануть меня. Я не обижаюсь на это. Бог тоже прощает говорящему ложь, если она не несет зла человеку. Даже если и не так, жена может увидеть в подобной лжи любовь мужа, прочитать во лжи уважение, скромность и любовь, и, что самое главное, попытку не причинить боль. Истинно благородный супруг и человек тот, кто скрывает то, что надобно скрыть, и говорит то, что можно сказать.

Проговорили до поздней ночи, теперь наш разговор стал оживленнее, и, представьте себе, тетя Мариам

радуется вместе с нами: так ласкова с Валерием, словно с фронта вернулся ее родной сын. Никто не знает, что подсказывает материнское сердце, может и правда видит оно в Валерии своего сына, может поэтому так часто обнимает его, целует в шею и перебирает пальцами его кудри.

Перед тем, как лечь спать, тетя Мариам перебралась в свою комнату. Мне и Валерию постелила отдельно, а это значит, что нам нельзя ложиться вместе.

Пожелав нам, наконец, доброй ночи, тетя Мариам вышла и закрыла за собой двери. Я и Валерий еще долго беседовали, я заметила, что Валерия что-то беспокоит. Комната наполнилась сигаретным дымом, а пепельница окурками. Я упрекнула его: «Что случилось, почему ты так много куришь? Может покупаешь уже зажженные сигареты?» - он не ответил, затушил сигарету, вздохнул и отвернулся к стене.

15 июля 1945 года, воскресенье.

Сегодня впервые прокукарекал красный петух со шпорами в курятнике тети Мариам. С криком петуха началась такая боль, что я схватилась за волосы. Сильно болел живот. Такую боль я не испытывала ни разу, словно полоснули ножом и разрезали все внутренности. Чувствую, что умираю, и я закричала. Злой спросонья Валерий подскочил на ноги и не мог понять, что случилось, или, что ему надо делать.

Боль отпустила через две-три минуты, и я попросила Валерия позвать тетю Мариам. Однако ее

не пришлось звать: она услышала мой крик. Я еще не кончила говорить, как она уже открыла дверь и вошла в комнату в одной ночной рубашке. Увидев ее, (это поймет только женщина, мать детей), я успокоилась, в сердце моем поселилась надежда. Это была не тетя Мариам, она больше походила на святую Мариам, спасительницу, оберегающую от всяких бед.

Тетя Мариам выгнала Валерия из комнаты и приказала не оставаться во дворе. «Иди на берег, прогуляйся!» - сказала она и закрыла дверь.

У меня ничего не болит, но эта двухминутная боль настолько ослабила меня, что я и не заметила, как тетя Мариам приблизилась к моей кровати. Я уснула, словно нарочно, чтобы увидеть сон. Я увидела, как наяву, как тетя Мариам покрыла голову Валерия белым в черный горошек платком. Мой сон длился минуту. Боль опять разбудила меня, но я не кричала больше. Обняв за шею тетю Мариам, я оставалась в таком положении до тех пор, пока боль не отпустила. В пять часов утра, когда в окне забрезжил бледный рассвет, и легкий ветерок принес в комнату незнакомый морской аромат, крик мой, как этот ветерок, облетел море, и ты родилась...

Ты плакала, и впервые за всю мою жизнь мне было приятно слышать «чужой плач»... Я почувствовала, как забилося маленькое сердечко, как потекла по венам кровь, видела, как разомкнулись твои бледные губки, затем постепенно окрасились в персиковый цвет и скривились в плаче.

Сильная боль принесла мне большую радость. Никогда не испытывает мать больше радости, чем

рождение ребенка. Ее захватывает чувство зарождения нового существа, развивающегося в собственном организме ...

Тетя Мариам достала рубашку Валерия, разорвала ее напополам, завернула тебя в нее осторожно и пробормотала так, чтобы я слышала:

- Говорят, в чью рубашку завернешь ребенка впервые, того он будет любить больше всех. Ты мать, матери достаточно и любви ребенка, а для ребенка необязательна чересчур сильная материнская любовь. Она будет тебя достаточно любить, родным чувством, как мать, как родительницу и как воспитателя. Разве тебе мало этой любви? – тетя Мариам приблизилась ко мне и осторожно положила мне на грудь завернутого младенца. Она продолжала разговор, в котором чувствовалось тепло, любовь и радость.

- Девочка, детка, девочка у тебя! Пусть бог поможет тебе вырастить ее. Почему у меня не родилась девочка? И, все же, спасибо богу за то, что я увидела рождение ангела в моей семье! Растить не трудно, если сохранить в ребенке врожденную нежность и добродетель. С ребенком надо быть всегда вежливой. Нежные чувства ребенка не выносятся, когда над ними царят. Всегда надо считать ребенка взрослым человеком, необходимо спрашивать у него совета, это ему пригодится в жизни: не пожелает он унижить другого и править им. Мать для ребенка не только воспитатель, но и пример для подражания. Не бывает так, чтобы ребенок не повторил привычек родителей. Поэтому с ним необходимо быть более сдержанным, чем с другими, даже с супругом...

- Тетя Мариам, позови Валерия! Слышу, как ходит он безостановочно во дворе и не решается войти к нам!

Тетя Мариам открыла дверь. Валерий и правда стоял во дворе. Увидев улыбающуюся тетю Мариам, он, не дожидаясь разрешения, взбежал по ступенькам лестницы и хотел было войти, но в дверях путь ему преградила тетя Мариам. Она схватила его за уши и сильно потянула. «Помогите!» - крикнул Валерий, а я и Мариам начали сильно смеяться. Прикрывая уши руками Валерий вошел в комнату и удивленно уставился на меня. Затем с улыбкой произнес:

- Это, что с тобой случилось, женщина? Ты похожа на сдувшийся бурдюк!

- Да, конечно, вот наше вино! - с улыбкой на лице ответила я и подала ему новорожденную. Он очень осторожно взял ее у меня, отвернул лицо, чтобы выдыхаемый воздух не попал на лицо, и вытаращив глаза, стал разглядывать ее со всех сторон. Лицо осветилось радостной улыбкой. Прижав ребенка к сердцу, Валерий поцеловал крошечную ножку. Затем, положив малютку, на прежнее место, на мою грудь, сам присел на кровать возле моих ног. Смеется и заглядывает мне в глаза, не находя слов благодарности. Все мысли читаю я в его глазах. Несколько волшебных минут провели мы в таком состоянии, в безмолвии, затем Валерий нарушил молчание, наверное, чтобы выйти из неловкой ситуации, и сказал громко, так, чтобы его услышала Мариам:

- Пришел ко мне непрошенный гость, доселе не гостивший у меня ни разу. Ему мы подали два не

подаваемых на стол кушанья. Кто отгадает загадку, получит угощение! – и достал из кармана плитки шоколада.

- Кто это? Да, вот непрощенный гость! – ответила я, положив руку на новорожденную.

- Правильно, но еще два два не подаваемых кушанья, что это может быть?

- Этого я не знаю! – солгала я с тем умыслом, чтобы тетя Мариам догадалась, и подарок достался бы и ей.

- Это, дочка, твоя грудь, не подаваемая на стол! – сказала тетя Мариам.

Валерий крикнул:

- Bravo, тетя Мариам! Не забыл я, что ты оторвала мне уши, однако награда все равно тебе положена! - затем он обнял ее, поцеловал нежно и опустил голову, чтобы она благословила его. Мариам не заставила себя ждать и произнесла столько молитв, что мне тоже захотелось прикоснуться к ней, чтобы получить половину благословлений.

Пообедав, Валерий исчез куда-то и после двухчасового отсутствия вернулся, груженный молочной смесью и кашей для новорожденных.

- Ребенка с рождения надо приучать к искусственному питанию. Козье молоко богато витаминами, и ребенок вырастет здоровым! – сказал Валерий и положил принесенные продукты в детский шкаф.

- Ты что говоришь, Валерий? Как может быть козье молоко лучше материнского? – я слегка обиделась.

- Нет, оно не лучше, но где у тебя столько молока, чтобы на каждое всхлипывание ребенка давать грудь?

- Есть! Почему нет! Грузинские матери вскармли-

вают десять-двенадцать детей собственной грудью. А я, что одного не выкормлю?

- Да, но может я захочу прогуляться с ребенком, захочу уединиться с ним и пошептаться о чем-то тайном. Что же мне тогда делать? Как забрать с собой твою грудь?

- Что может понимать младенец?

- Если и не поймет, то запомнит. Поэтому и хочу пошептаться с дочкой, а то и тебе бы рассказал. Ты когда-нибудь беседовала с морем? Разве оно слышит и понимает тебя? Однако мы, люди, все равно разговариваем с ним, понимаем его и верим, что и оно понимает нас!

Что-то подсказывает мне, что Валерий замышляет нехорошее дело, но разгадать тайну его сердца мне не удастся. Женщина родилась раньше черта. Женщина знает, о чем думает черт, но черту и в голову не придет, что делает или сделает женщина. А Валерий, наверное, не только хуже черта, он хуже женского коварства! Поэтому не только мне, но и любой другой женщине трудно разгадать его тайные мысли...

Вечером на нашем семейном совете присутствовала и тетя Мариам. Необходимо было решить один –единственный вопрос: как назвать малышку. Валерий молчит, решение этого вопроса он предоставил мне и тете Мариам. Вы – женщины, выбирайте сами имя девочке. Тетя Мариам повернулась ко мне: -Ты, мать, и тебе называть! – я немного задумалась. Мне хотелось назвать девочку именем моей матери, но я передумала в тот же миг. Пусть господь не сделает мою дочь такой же

несчастной, как моя мать. Затем подумала о матери Валерия, но и этот вариант я быстро отвергла. Заглянув в глаза тети Мариам, решила назвать дочку ее именем, но и это имя отвергла. Тетя Мариам тоже несчастная мать. Перебирая в уме всех знакомых, их имена, фигуры, здоровье, я, наконец, остановилась на человеке без всяких недостатков: на счастливой и прекрасной заслуженной цирковой артистке и произнесла уже не ее, а имя моей дочери:

- «Хатуна»

Валерию и тете Мариам имя понравилось, наверное, и Хатуне понравилось бы ее имя, если бы она не спала и слушала нас.

29 июля 1945 года, воскресенье.

В полдень Валерий заставил меня одеть Хатуну в принесенную им новую одежду и пеленки, наполнил бутылочку молоком, надел на нее соску, и понес Хатуну к морю на прогулку. Отец и дочь вернулись домой тогда, когда стемнело и улицы осветились светом от фонарей.

- У меня чуть не лопнуло терпение, ожидая вас! – я упрекнула Валерия.

- Интересно, чего ты переживала? Мы погуляли, побеседовали и вернулись, - с улыбкой сказал он и протянул мне Хатуну.

Взяв малышку на руки, я прижала ее к груди и начала расспрашивать, словно давно не видела ее:

- Что, Хатуна? О чем это ты так долго говорила с

папочкой? Почему вы задержались до ночи?

Валерий склонил голову к головке Хатуны и ответил вместо нее:

- Что ты знаешь, мамочка, о чем говорят отец с дочкой? Чуть-чуть поволочились за палнями, и я совсем не плакала. Я же халошая девочка?

Валерий лепетал детским голосом, и я не смогла удержаться от смеха. От всей души смеялись я и Валерий, Хатуна кривила маленькие губки, кажется, она тоже присоединилась к нашему веселью. На наш смех пришла тетя Мариам, она казалась печальной. Мы тут же прервали смех, однако тетя Мариам сама вывела нас из неловкой ситуации: она взяла у меня малышку и стала смешно напевать. У нас от смеха болели бока.

Эти дни тетя Мариам ходит печальная, она давно не получала писем от сыновей и очень переживает из-за этого. Однако своей печалью она не отравляет настроения другим, наоборот, всегда подключается к всеобщему веселью, шутит и смеется, хотя по выражению лица я замечаяю, что сердце ее думает о другом. Она – удивительный человек. Обыкновенный человек не сможет так скрывать боль сердца и всякую неприятность за видимым весельем.

Я уложила малышку и не оставляю ее одну. Думаю, что долгая прогулка плохо подействовала на организм девочки, но Хатуна даже не вспоминает о еде, она спит глубоким сном труженика.

3 августа 1945 года, пятница.

После завтрака Валерий попросил одеть ребенка и подготовить для прогулки.

- Я пойду с вами! – попросила я, но он не согласился.

- Не надо оставлять тетю Мариам одну, она очень переживает! – сказал он. Я не стала противиться и начала одевать Хатуну. Тем временем Валерий оделся, но не в домашнюю одежду, а в парадную: брюки, кипельно белую рубашку и новомодные туфли. Я удивленно осмотрела его, хотела спросить, к чему такая церемонность из-за простой прогулки, однако воздержалась, поправила ворот рубашки и убрала белую нитку с брюк. Затем сама налила молока в бутылочку, надела соску и завернула бутылочку в одеяльце вместе с Хатуной.

- Проводи нас немного! – сказал он и пропустил меня вперед.

Я, прижав Хатуну к груди, сбегала по ступенькам лестницы и услышала, как захлопнулась дверь. Валерий спустился вслед за мной. Мы медленно пошли вдоль берега моря. Когда дом тети Мариам скрылся из виду, Валерий обнял меня, поцеловал в глаза и сказал:

- Возвращайся! – какое-то незнакомое доселе чувство овладело мною. До сих пор мне не было трудно расставаться с отцом и дочкой. Долго стояла я, не двигаясь с места, и смотрела на удалявшегося быстрым шагом Валерия, любовалась каждым сделанным им шагом, пока он не присел на огромный валун. Я еще раз помахала рукой и, не спеша, направилась к дому.

Тетя Мариам сидела под липой и вязала для Хатуны маленькие носочки. Увидев меня, она улыбку улыбнулась и подвинулась в сторону, чтобы присесть рядом. Мы долго говорили, обед вынесли сюда же, под липу, пообедали и вместе пошли в комнату, чтобы прилечь отдохнуть. Войдя в комнату, я заметила оставленное на краешке стола письмо. Взяв письмо, стала читать. Не дочитав страницы, почувствовала, как в глазах потемнело, буквы сначала уменьшились, а затем, превратившись в маленькие точки, стали прыгать. Я хотела сесть на стул, но успела только ухватиться за его спинку и упала со стулом на пол, потеряв сознание. Придя в себя, я увидела, что лежу на кровати и тетя Мариам протягивает мне валерьянку. Рукой отведя от носа стеклянный пузырек, попробовала встать, но тело мое отяжелело настолько, что я не смогла подчинить его и обессиленная облокотилась на изголовье.

Тетя Мариам сделала мне укол, от которого я вскоре успокоилась и стала думать. В данный момент у меня ничего не болит, и я могу здраво рассуждать. Вот только не могу понять, почему мне трудно встать. Слышу разговор тети Мариам, но лень ответить, лень слушать, и я ушла в потолок. В таком состоянии я пробыла до вечера. Вечером, когда тетя Мариам зажгла свет, мне стало неприятно и я знаком указала, чтобы она выключила свет. Так, в темноте, с открытыми глазами я провела всю ночь, плавая в водовороте мыслей. В голову приходили тысячи разных мыслей: добрых и злых, но наутро я уже не помнила ни одной из них. Тетя Мариам не оставила меня одну ни на одну минуту, всю ночь провела она

у моего изголовья. Утренний свет и солнечные лучи прибавили сил. Я ясно слышу вопрос тети Мариам:

- Что случилось, дочка? Скажи мне, как родной матери, открой тайну! Этим ты облегчишь свою печаль...

- Нет, тетя Мариам! Печаль мою облегчит лишь смерть и больше ничего. Я потеряла и мужа, и дочь! Они никогда не вернуться ко мне...

- Наверное, у тебя температура, доченька! Так море испытывает новичков. Успокойся, и пройдут твои видения!

- Нет, это не видения, тетя Мариам! Подай мне то письмо, которое я читала вчера! Я прочту его вслух. А ты внимательно послушай и скажи потом, вернуться они ко мне или нет! – тетя Мариам поправила подушки, положила меня повыше и подала письмо.

От автора:

(Здесь в дневник вложены листки, исписанные другим почерком).

Для Мери!

Мери, я всегда жалел тебя, непорочную девочку – сироту, о которой я обязался заботиться. Мне хотелось всю жизнь нести этот груз на своих плечах. Сегодня мне еще больше жаль тебя, после того, как ты прочтешь это письмо, хотя я не могу вести себя иначе. Ты, однако, оказалась не такою уж невинной, какую показалась мне вначале. Оказывается, черт селится в таком человеке, как ты, чтобы этим кажущимся

добрым поведением вырвать душу у порядочного человека, а тело его сбросить со скалы.

Труднее любви, оказывается, ненависть любимого человека. Я не то, что ненавижу, я боюсь тебя! Вечно видишься мне с кровавыми руками, и не могу смириться с тем, что нахожусь рядом с убийцей, целую и ласкаю его!

Случайно наткнулся на твой дневник, об остальном догадаешься сама. Не могу понять только одного: неужели придумав такое зло, ты допускаешь такую простую ошибку, что пишешь об этом в дневнике? Неужели без записи в дневнике ты позабыла бы это мерзкое преступление и день, когда совершила его? Может, ты задумала еще более жестокое убийство и боишься запутаться? Может ты по природе своей садистка и тебе приятно читать о совершенном тобою, наслаждаешься видом не просто убитого тобою человека, а размазанными по стене мозгами и разбросанными по полу окровавленными кусками человеческого тела. Поэтому ты никого не пожалеешь. Я вынужден оставить тебя и уйти очень далеко с моим ребенком, жить в таком месте, чтобы ты не нашла нас! Долго раздумывал по поводу ребенка. Не хочу, чтобы в крови Хатуны текла твоя бешеная кровь. Думаю об этом, но оставлять с тобой ребенка нельзя. Я забираю ее и ухожу с надеждой на то, что ты не станешь нас искать. Бойся совершенного тобою убийства! Если в поисках ребенка ты обратишься в соответствующие органы, я буду вынужден заявить о совершенном тобою преступлении. И так как совесть моя вне всяких подозрений, после твоего ареста ребенка отдадут

мне. Поэтому, давай я стану соучастником, и только мы вдвоем будем знать о том жестоком убийстве, о котором никто не узнает, если ты будешь действовать с умом! Даю слово, ребенок не испытает недостаток в материнской заботе, так как его ждет мать, лучшая, чем ты!

Мери! Конечно, я тоже не безгрешен перед тобою, ты многого не знаешь, но прошу господу, чтобы он не заставил меня взять такой грех на душу, какой есть у тебя. Вيني во всем только себя, дорогая! Мудрость мудрецов проявляется в том, что свое душевное смятение и тревогу они скрывают в глубине сердца, а не в дневнике. Ты должна была знать и понимать, что совершив преступление, не приобрела бы столько врагов и преследователей, если бы была осторожна сама с собой. Неужели ты не понимаешь, что преступление разговаривает на всех языках? Ты всегда читала о злодеяниях Гитлера, хотя совершенно не знала немецкого языка. А сегодня о совершенном тобой преступлении заговорит немец, если приоткрыть перед ним завесу и вывести тебя на чистую воду! Слышу биение твоего сердца. Правда, как ты можешь требовать сохранения тайны, если сама не смогла сохранить ее? Но клянусь, что сохраню ее, я ведь тоже преступник перед правосудием из-за кражи ребенка и сокрытия преступления.

Мери! Не думай, что я обвиняю тебя во всем, знаю и понимаю, что ты никогда не совершила бы преступления, если бы не была источником зла. Понимаю, ты совершила это, чтобы сохранить семью и, в конце концов, в тебе проявилась та сильная любовь, существование которой я

не замечал. Она спряталась где-то там, в глубине души, непонятная для меня и незаметная для тебя.

Осуждаю тебя, так как ты не достойна похвалы, и, осуждая тебя еще больше, я чувствую облегчение на сердце. Не существует человека, который не был бы разочарован в любви, который не вспомнит с ненавистью о прошедшей любви. Я не могу скрывать под лицемерием ту огромную ненависть, возникшую у меня, так как трудно скрывать ненависть под любовью, а любовь под ненавистью.

До сегодняшнего дня женщины казались мне добродетельными и беспомощными, я мог назвать только мужчин, стоящих во главе зла среди человечества. Мы же, не останавливаясь, ищем повод, чтобы возненавидеть большую любовь, или совершить огромное зло. Только меньшая часть мужчин думает построить, создать, умереть самому и оставить человечеству свой труд! А большинство желает разрушить, уничтожить, чтобы в развалинах найти собственное счастье! Не думай, что я заразился болезнью Лонды и говорю об этом. Я знал это и раньше, Лонда только углубила мои знания.

Убив Лонду, ты убила и тех, кто думал также, как она, ты уничтожила всех, так как Лонда была нашим агитатором, и никто, кроме нее самой не мог так убедительно говорить. Наверное, ты уже догадалась, здесь нет никакой тайны, что Лонда поддерживала связь с иностранным агентом. Разве за это можно ее осуждать? Ведь эта связь была источником ее существования!

Ты помнишь, в нашем городе подорвали арсенал боеприпасов и оружия? Знаешь, сколько миллионов

заработали я и Лонда на том взрыве? А ты одним махом уничтожила такого блестяще мыслящего человека, миллионера. Может, ты убила ее из-за того, что она жила легкомысленной жизнью, удовлетворяя природные потребности? Но только Лонда была такой, остальные женщины вылеплены из особой глины: душу в вас вложил бог, а в Лонду – черт. Лицемерьте, сколько хотите, но не пейте из стакана мужчины, чтобы казаться добропорядочными. Ведь нам все равно будет известно о существовании такой женщины, которая ни разу не испытала мужской ласки, и очень мало таких, которые убеждены только в любви одного мужчины. Ты тоже похожа на Лонду, только между вами существует одно различие: Лонда действовала открыто, а ты – скрытно. Правда, я не должен был оставлять тебя и уходить к Лонде. Но, неужели существует такой брак, какой был у нас?

По-моему, это был брак бедных, вызванный звериной похотью, это сумасшествие и больше ничего. Женитьба должна быть выгодной, и большая любовь тут не обязательна! Там, где много денег, любовь приходит сама. У тех, кого зовем мы богатыми любовью и считаем их счастливыми, очень скоро разрушается счастливая семья и разбивается большая любовь, потому что в их счастливой семье зародилась бедность, и заметили ее тогда, когда прошло сумасшествие. В то время дурость моя тоже прошла, и я променял твою бедную любовь на выгодную любовь Лонды!

Наверное, мне не следовало писать столько. Все равно ты не поймешь меня, ты ведь воспитана совсем другими идеями, и нет сомнений, что ты не согласишься

со мной! Что же касается огласки преступления, то это не имеет смысла, так как Лонда мертва, а мы с тобой повязаны одной веревочкой. Нам не стоит встречаться, это принесет новые неприятности. Я надеюсь, что ты оставишь все так, как есть!

Желаю блестящего будущего тебе, богатой душою, безмерно порядочной, патриотке Родины, голодной и обнищавшей!

Валерий.
03.08.1945 г.

- Ничего не поняла! – сказала тетя Мариам, когда я закончила читать письмо.

- И я тоже ничего не поняла, тетя Мариам! Ясно только одно: он отнял у меня ребенка, ушел и никогда не вернется!

- Давай заявим в милицию! Ведь можно восстановить справедливость. С этого разбойника спросят ответ, и если сам не вернется, ребенка все равно вернут. Если тебе не нужен ребенок, то отдай его мне, дочка! Я выращу его так, как вырастила бы ребенка моего Сорена...

- Нет, тетя Мариам, сегодня я не добьюсь справедливости в этой стране, не то у меня была бы хоть малая надежда укрыться от дождя печали. Я не могу заявить в милицию. Моя дочь, Хатуна, останется полной сиротой, так как нас посадят обоих!

- За что, дочка? Ты, правда, убила кого-то?

- Да, любовницу моего мужа, и, как сейчас выяснилось, иностранного агента!

- Что ты такое говоришь, дочка? Подельник врага нашего народа и нашей страны укрывался в моем доме? Может, моих детей уже нет в живых благодаря им? А ты знала обо всем и молчала?

- Нет, тетя Мариам, клянусь Хатуной, я ничего не знала, если бы знала, что Валерий замешан в таком деле, если он приложил свою руку к гибели моих и его родителей, а также миллионов уничтоженных людей, я бы придумала ему более жестокое наказание прежде, чем убить Лонду!

Тетя Мариам, пойду пройду по морскому побережью, подумаю и ты подумай, как нам поступить! Тетя Мариам, оторопев, смотрела на меня и не издавала ни звука. Я оделась, вышла к берегу и направилась к тому валуну, на котором вчера сидел Валерий, держа в руках Хатуну.

Почему я не узнала об этом раньше? Человек, который не убивал предателя своего народа и страны, не поймет меня. Сколько сил прибавила мне концовка этого письма! До сих пор я испытывала угрызения совести, так как считала, что убила человека из-за личного оскорбления и за счастье собственной семьи. Теперь, когда открылась правда, я горжусь за тот маленький вклад, внесенный в мировую войну, в результате которой люди должны были стать рабами. Смотрю на калек, и мне кажется, что все они искалечены Лондой и Валерием, а все здоровые, свободно идущие по улице, спасены мною, и я с гордостью смотрю им в глаза. Знай об этом раньше, я возненавидела бы Валерия и боролась против обоих. Кто знает, какую огромную пользу принесла бы я людям. Понятия не

имею. может в эту минуту свирепствует банда Лонды, возглавляемая ее отцом после смерти Лонды?

Интересно, что заставило Валерия броситься в этот омут? Неужели жажда богатства? Неужели его запугали? Может, любовь Лонды? Мне говорит: «У тебя руки в крови», - а на свои не смотрит, не смотрит на руки, испачканные кровью родителей и соотечественников. Спасибо, Валерий, за твое последнее письмо, которое не то, что взволновало, а сделало меня непобедимой, с большой верой в отечество и с людской верой. С сегодняшнего дня я буду думать только о том, как уничтожить тебя, дабы ты не совершил нового преступления, разгромив страну и оказавшись перед людской мстостью, и как случайно не проговориться о моем преступлении. Нет, я не боюсь ответственности, но наши с тобой злодеяния очернят Хатуна. Поэтому ты должен умереть тихо, как порядочный человек, чтобы дочь твоя носила честное имя отца, а не предателя Родины!

Не знаю, что придумать, как освободить дочь из клещей Валерия. Нельзя допускать, чтобы он растил ее. В семье Валерия Хатуна вырастет с той же верой, в какую верит он сам. (Почему я не замечала, каким он был? С каким восхищением говорил он тост о Сталине, а на самом деле он думал иначе. Тот его тост слышится мне сегодня, как шипенье змеи, и меня тошнит от этого. Ох! Как трудна ненависть к любимому человеку!)

Вчера на этом камне сидел Валерий с ребенком на руках и ждал моего ухода. Я ушла и...

Неужели тот судьбоносный шаг навсегда лишил

меня и моего ребенка? Сегодня я сижу на том же самом камне и ласкаю тень дочурки. Слышится мне ее плач, а я не могу успокоить ее. Плачет моя Хатуна, ее истерический плач постоянно стоит в ушах и не дает мне покоя. Знаю, это будет длиться годами. Я не вынесу такого мучения. Мои родители пожертвовали собой ради моего счастья. Я тоже должна пожертвовать собой ради счастья Хатуны. Вырастет она и, может быть, когда-нибудь узнает правду.

- С миром, дочка! – кажется сказала я эти два слова и прыгнула вниз. Набрала морских камней и опять встала на валун. Глаза горят грозным огнем, я не замечаю переливающегося синим моря, которое огненным языком облизывает тот валун, на котором я гордо стою, как непреклонный советский воин перед виселицей, возведенной гитлеровцами. Еще немного, и эта огромная виселица прервет биенье моего сердца и поглотит мечту о будущем...

Вдали, на синем горизонте, выплыла тень Хатуны, и я отчетливее услышала ее плач. Закрыв уши руками, зажмурился глаза, я хотела сделать в воздухе сальто, чтобы быть ближе к Хатуне. Перехватила дыхание, уже собралась прыгнуть, но, боже мой, что это? Я не могу оторвать ног от валуна. Попыталась еще раз, но все напрасно. Раскрыла глаза и грозно посмотрела на ноги, чтобы оторвать то, что мешало мне исполнить задуманное.

Обхватив мои ноги, стояла вся растрепанная и бледная тетя Мариам. Правда я не слышу ее рыданий, но мне хорошо видны катившиеся из ее глаз слезы.

Плачет и просит меня о чем-то. Только теперь я

вспомнила, что закрыла уши руками и не удивилась, что не услышала ее просьбы. Отняв руки, сразу услышала то ли угрозу, то ли просьбу, то ли приказ:

- Приди в себя, дочка! Ты, что не понимаешь, что делаешь? Ты же моя послушная девочка, неужели будешь так мучить меня? Прошу уже полчаса, а до тебя так и не дозвалась. Если тебе не жаль себя пожалей хоть меня!

Я совсем позабыла о существовании тети Мариам в этом мире. Кроме Хатуны я никого не видела, все мысли мои принадлежали ей.

Увидев обнимавшую меня за ноги старую женщину, я вздрогнула и соскользнула вниз. Она обняла меня, вытряхнула из-за пазухи камни и ударила по лицу. Мол, что это ты делаешь, нехристь бессовестная? От скольких смертей я убереглась, ты должна убить меня? Что ты скажешь моим детям или богу, или иконе, или людям? Путанно бормотала тетя Мариам, плакала и целовала меня в глаза. Тут мне стало ясно, что я натворила, стало стыдно, и я заплакала. Обнимаю единственную мою защитницу, целую и плачу...

Море разбушевалось и зашумело, будто упрекает тетю Мариам, что увела из под носа его жертву, и мстит тем, что языком лижет валун и мочит нашу одежду.

Слезы успокоили нас, мокрая одежда и прохладная вода вывели нас из этого состояния и вернули нам мужество.

- Пойдем, дочка, домой! Пропади ты пропадом! – сказала тетя Мариам, и в этом проклятии было столько тепла, любви и нежности, что я взяла ее за руку, подняла на ноги и повела домой.

Переодевшись, мы, как всегда, сели под липой. Я посмотрела на тетю Мариам, на лице ее не заметно волнение, только кажется еще более состарившейся. Она, догадавшись, погладила меня по голове и сказала:

- Тебя не удивляет, дочка, что сегодня на моем лице прибавилось морщин, а на голове седых волос? Что ты делаешь, девочка? Неужели тебе не понятно, что жизнь твоя тебе не принадлежит? Ты хочешь умереть, а что ты сделала для своей страны и народа? Задумывалась ли ты когда-нибудь над этим? Твои ровесники отдали свои жизни за родину и людей, погибли мужественно, а ты - трусиха, бежишь от трудностей, бросаешься в море, губишь себя. Не задумывалась ли ты над тем, что море не примет тебя вместе с теми воинами, которые храбро сражались, но подводный взрыв потопил их танкер. Не стыдно, что море должно потопить тебя так же, как их? Придумай что-нибудь другое, эти приемы устарели. Герои не ходят по чужому следу. Не ищи легкую, протоптанную другими дорогу, знай, все трусы, пугливые и робкие, кончают жизнь самоубийством. Люди борются с жизнью, закаляются в трудностях и оставляют память о себе не как о самоубийцах, а как - герои. Что скажешь, дочка, жизни скольких отцов и сыновей унесла война? Не лучше ль было умереть им в своих семьях, чтобы их оплакали по-христиански, и мы бы знали, где находятся их могилы? Тогда бы и враг не лишился своих сил и многочисленной техники, свободно завоевал бы весь мир. И нам ничего, жили бы в рабстве!

Разве Зоя Рухадзе не была твоей ровесницей? Ты лучше меня знаешь, какой подвиг совершила она.

Разве она не могла броситься в море? Но нет, Зоя выбрала мученическую смерть, чтобы принести другим свободу и счастье, а себе – бессмертие!

Конечно, я старая, но почему ты считаешь, что я не догадалась бы, для чего ты направилась к морю? Думай обо мне, что хочешь, только постарайся больше не обманывать. Пусть лучше обманут тебя, нежели ты сама обманешь себя. Это легче перенести, чем обман совести!

Сегодня больше не буду разговаривать с тобой. Ты ведь образованная девочка, надеюсь, все поняла. Давай забудем сегодняшний день, который никогда не повторится!

- Клянусь твоей отеческой любовью, тетя Мариам, что такую дурость больше не повторю. Я обязана жизнью лично вам. Спасибо за то, что спасли! На это толкнуло меня мое необдуманное решение.

- Не надо благодарить, дочка! Я не сделала ничего такого, чтобы благодарить меня. Просто не упустила случая и исполнила человеческий долг, а тебе в жизни может встретиться такая неприятность и беда, что ты проклятьями вспомнишь меня из-за сегодняшнего твоего спасения. Знай и помни главное, что ты – человек, и тобой управляет непреклонная сила борьбы против тех невидимых врагов, которые притворяются твоими близкими людьми!

- Тетя Мариам! Как мне понять, кто друг мой, а кто – враг?

- Каким бы добрым другом не был бы человек, он не будет для тебя дороже собственной головы, когда ты не жалеешь себя и покушаешься на собственную

жизнь. Неужели тебе трудно быть для других строгой и беспощадной? Именно в беспощадности найдешь ты порядочного человека, хотя редко кто доверится предателю собственной головы. В жизни все повторяется. Не существует такого человека, который, свив петлю для себя, рано или поздно не закончил бы свою жизнь висельной петлей...

- Клянусь, тетя Мариам, какое бы испытание не встретилось бы мне, я мужественно перенесу его!

- Это хорошее обязательство, дочка, но его надо выполнять! Хотя данные обязательства выполняются редко, но я верю тебе и благодарю тебя...

- Тетя Мариам, не думала ли ты, как мне вернуть ребенка?

- Нет, дочка, у меня не было времени подумать над этим. По-моему, лучше тебе самой решить этот вопрос!

- Правильно, тетя Мариам, я сама должна решать вопросы собственной семьи. Если вдруг ошибусь, то некого будет винить, и буду всегда права перед своей совестью.

И тут оказалась права тетя Мариам. Интересно, что посеяла я, что мне так ненавистна жизнь. И правда, что я натворила, не могу простить себя за то, что так огорчила тетю Мариам. Да, Валерий обманул меня, прикрывшись добрым отношением ко мне, но разве можно казнить себя вместо него?

Я прошла такой путь, что должна быть умнее. Необходимо было знать природу Валерия и похожих на него людей. Я должна была знать, что люди, похожие на Валерия, делают добро ради возможности

выплеснуться злу и избежать наказания за содеянное преступление. Валерий был для меня всем в этом мире, я любила его, доверяла ему всем сердцем и никогда не обманывала. Именно чувство любви застило мне глаза, и я обманулась. Теперь, когда я пишу об этом в дневнике, не стоит вспоминать, так как господь помиловал меня и уберег от неверного шага. Оставшись в живых, могу еще многое сделать. С сегодняшнего дня решила умереть только от старости, которая еще далеко. Посмотрим, что я смогу еще сделать, буду бороться с несправедливостью по-своему. Стану преступницей! Преступление – это тоже подвиг, не хуже любого другого подвига! Я стану маленькой песней жизни, какое-то время люди будут петь ее, произносить имя мое, и вскоре все забудется...

8 августа 1945 года, среда.

Нет, я должна умереть, я – очень плохой человек. Вместо того, чтобы моя нога была счастливой, чтобы приносить счастье и радость повсюду, за мною ходят слезы и несчастье. Кто знает, может моя смерть принесла бы людям больше счастья. Смерти не боюсь, так как хорошо знаю ее, много раз глядела ей в глаза и ни разу не вздрогнула. По-моему, люди умирают только потому, что боятся и не могут спастись от смерти. Смерть сама бежит от меня, заставляет жить прошлыми несчастьями, хочет столкнуть с новыми, более ужасными и беспощадными. Ничего не боюсь, наверное потому, что все и всякое меня боится. Нужно

бояться смерти-бессмертия, смертным – смерти, некоторым она открывает глаза, и именно после смерти они становятся бессмертными, глаза других наполняются смертью, и исчезают их имена...

Ты смерть, ты – ничто,
С тобою светлое не меркнет,
Ты всем являешься для нас.
И после тебя прославляемся мы.

Хорошо, не бойся ничего. Все и все отступит от тебя, ты – счастливая. Тому, кто родился счастливым, судьба будет помогать на протяжении всей жизни. Почему я такая несчастная и несчастливая? С самого моего рождения ни у меня и ни у моего ангела-хранителя не просыхали слезы . И, если кто-нибудь рискнул и помог мне, он оказался в той же ситуации, что и я, или еще хуже.

Что я пишу сегодня, сама не знаю, наверное, я кажусь вам сумасшедшей, и это неудивительно. Человек, посягнувший на собственную жизнь, не может быть в здравом уме!

Для меня наступил самый тяжелый день. Утром тетя Мариам не встала так рано, как она вставала всегда. Меня удивило, что рассвет она встретила в постели. Присев у ее изголовья, я спросила, что, дескать, с тобой. Она посмотрела на меня покрасневшими от слез глазами и ничего не ответила. Затем, заплакав, сказала:

- Пока ничего. Но чувствую приближение большой беды. Намочи тряпку в холодной воде и положи мне на грудь. Грудь болит у такой пожилой женщины.

Наверное, с детьми что-то случилось. Грудь матери все чувствует: когда соски матери розовые, значит дети ее радуются чему-то, и радуется сердце матери. Когда грудь болит, знай, что дети в беде. Беда детей ничего не значит, если голова покоится на коленях у матери. Тогда мать и дитя легко перенесут беду. Но горе той матери, если ребенок обожжет руку, а матери не окажется рядом, и она не сможет помочь ему.

Горе мне! Может сын мой ранен, а я не могу перевязать ему рану! Вот, что значит «Ах!» и «Ох!».

Тетя Мариам привстала и отложила в сторону постеленную на грудь мокрую ткань, затем вперила в меня взгляд, подбородок ее задрожал и покатались слезы...

- Что с тобой происходит, тетя Мариам? – подбежала я к ней и стала гладить рукой по ее волосам, чтобы она успокоилась.

Она и правда успокоилась, только это было кажущееся спокойствие. Было понятно, что душевная боль пройдет нескоро.

- Сядь и послушай меня! – сказала она после минутного молчания. Не понятно, что это: приказ или просьба. А может, ни то и ни другое, может все вместе. Я внимательно слушала ее. Тетя Мариам не медлила, тут же начала:

- Благословляю, детка, тот день, когда ты вошла в мою семью! Благодарна всем силам, что перед смертью со мной рядом человек, которому я могу доверить любую тайну и мою душу. Может ты оттого мне полюбила так сильно, что мы одни и надеемся только друг на друга. Эта любовь проявилась теперь

еще сильнее, и я верю, что она чиста и невинна, она спряталась где-то глубоко в сердце и была незаметна до поры до времени.

Оказывается, перед смертью задействована каждая клетка мозга. Неудивительно, что он превращается в мудреца и проповедника., хотя сердце не выносит проповедь разума. Ошибается тот, кто сравнивает сердце и разум. Могу признать, что то, что приписывают сердцу,на самом деле является результатом очевидности разума. Все-таки хвалить собственный разум не такое уж легкое дело,но перед смертью мне простительно...

- Что ты говоришь? Что ты, тетя Мариам!- я прервала ее, слезы одолевали меня.- Какое время тебе умирать! Кому оставляешь дом, хозяйство, свой очаг? Кто вместо тебя встретит твоих детей в семье? Война закончилась. Скоро они вернутся. Даже если у тебя нет сил, ты все равно должна бороться и победить смерть, чтобы подготовить встречу с детьми. Ты добрая, добрая! Это я должна умереть, так как нога моя оказалась для этой семьи такой несчастливой! У меня доброе сердце, но я несчастлива! Я должна умереть, а ты – жить, ты должна жить хотя бы ради твоих детей, и сама смерть будет бессильна перед тобой! Ты не любишь падать духом, интересно, что с тобою сегодня?!

Тетя Мариам с такой силой схватилась за мою руку, что на ней отпечатались красным все пять пальцев. Вскоре красные пятна посинели.

- Не мешай мне, послушай! - теперь уже приказала она, и, чтобы я ничего больше не говорила, сама начала:

- Имей терпение, дочка! Говорю с тобой, послушай внимательно! Ты уже не маленькая, будь умницей! Пусть случай никогда не сделает тебя мудрой и умной. Понимай без случая, что такое ум, и всегда радуйся ему. Ты моя последняя надежда, будь разумной и исполни, не колеблясь, то, о чем попрошу тебя.

Умру, - говоришь? Ты пока ничего не сделала для того, чтобы умереть достойно. Если ты человек, смерть должна возвысить тебя, должна оценить твою жизнь и сделать ее красивой. Я посеяла это величие перед смертью, поэтому его у меня никто не отнимет. Ты пока молода и должна бороться беспощадно для того, чтобы смерть увенчала тебя ореолом славы.

Устала, нет больше сил бороться, устала я от жизни, которую люблю и радуюсь ей. Смерть, которую мы так боимся, проклинаем и ругаем, всегда относилась ко мне с холодком. А теперь сама посуди, что страшнее: жизнь или смерть?

Жизнь – это иногда вкрадчивая смерть, и никто не замечает этого. Все восхваляют жизнь, и никто не осмеливается хвалить смерть. А в жизни все должно быть наоборот: жизнь не может играть роль смерти, а смерть и жизнь заставит играть роль смерти. Тем более, что мир полон такими мертвецами, как ты. Не обижайся, мы, люди, не скупимся на щедрые наставления и часто забываем дать полезный совет самим себе. Когда мы понимаем это, дряхлые от старости, то замечаем, что и разум становится дряхлым. Поэтому, так как сердце не стареет, в старости обмануть самого себя так же легко, как трудно использовать обман другого для своей

пользы. Постарев, я разными уловками обманывала и обнадеживала себя. А теперь, пора моей совести не прощать моего обмана, и за все отплатить сполна...

Говорят, что если лежачий больной произнесет завещание, ему никогда уже не подняться. Не знаю, почему, но мне все-таки жаль расставаться с этой мученической жизнью. Возьми меня за руку, сяду в кресло под липой, и там продолжим наш разговор...

Я тотчас же исполнила ее просьбу: одев потеплее и обмотав бедра шалью, вывела ее под руку, чтобы довести до указанного места. Она не облокотившись на меня, сама шла к липе, но ради осторожности я не выпускала ее руки из моих рук. Дойдя, я посадила ее в кресло. Тетя Мариам помотрела на калитку, и ее охватили мысли. Она несколько минут, затаив дыхание, смотрела на дорогу. Я не мешала ее мыслям, тихо сидела рядом, не произнося ни слова. Вскоре тетя Мариам пересилила свои воспоминания и вернулась в прежнее состояние.

- Дочка, Мери! Так как ты моя единственная утешительница, дай мне клятву, что исполнишь мою просьбу...

- Клянусь, тетя Мариам! Даже если меня принесут в жертву ради твоего здоровья, я не издам ни звука, клянусь! Клянусь всеми святыми, что выполню любой твой приказ или просьбу! Не сомневайся во мне!

- Дочка! Люди, независимо от того, какой они веры и национальности, не любят ломать клятву. Помни и ты о клятве, данной мне... Постарайся умереть естественной смертью. Пусть нужда не вынудит тебя пойти на смерть... Не насмешь людей своим

недостойным поведением. Основная причина твоей смерти будет всегда скрыта от других, ты будешь выглядеть смешной, пока похожий случай не изменит сделанный тобой шаг, а затем все это канет в небытие...

Бог не очень-то разбирается, кто старше, а кто младше, но спасибо ему за то, что так хорошо исполняет божий закон. Ты должна находиться со мной при моей кончине, дочка! Я должна принести еще одну боль твоему сердцу, надеюсь, ты все выдержишь и бросишь на мою могилу горсть земли своими теплыми руками, и я на какое-то время почувствую тепло твоих рук. Громко не кричи, нет надобности в излишнем проявлении чувств, но и без слез не провожай! В шкафу для этого дня приготовлена новая одежда. После омовения надень на меня все чистое и красивое. Деньги в сундуке, они понадобятся тебе для гроба и для других нужд. Думаю, их хватит. На моей могиле не нужны памятник из гранита и большое ограждение. Просто ухаживай за могилой, держи в чистоте, чтобы не стерлось с лица земли мое последнее пристанище. Кто знает, может один из моих сыновей вернется, пусть знает он могилу матери. Это необходимо не для меня, а для него. Постарайся не затушить очага. Моя маленькая семья наделена большой честью: этот двор и дом всегда были красивыми и изящными и могли принять друга и недруга, а у живущих здесь вечно была возможность помочь. Поэтому будет жаль, если после моего ухода все застынет...

- Тетя Мариам! Нет надобности учить меня, да и не стоит вам. Напомню вам ваши слова, может тогда вы успокоите сердце свое. Вы обязаны собраться с силами

и достойно перенести обрушившееся на вашу голову несчастье. Дума о том, что на голову может обрушиться какая-нибудь беда, не должна тебя беспокоить, ты же всегда отличалась твердостью духа, крепкой, непрístupной, как скала, и непобедимой. Куда делась твои твердость духа, сила воли? Вы знаете, что ваше волнение страшнее настолько, насколько страх от отжидания горя, которое произойдет когда-нибудь, но может и не произойти. Вы подарили мне родительскую любовь, и я обязана вынести от вас даже физическое оскорбление, хотя вы сегодня принесли мне такую сердечную боль, что было бы намного лучше, если бы вы отхлестали бы меня, так как для здоровья это полезно, а сердечная рана не затягивается, при воспоминаниях она увеличится и начнет сдавливать мою душу, как сказочное чудовище...

- Эх, дочка! Эта жизнь уже давно превратилась для меня в чудовище, а для тебя она скоро превратится в него. Мне уже трудно находиться в пасти чудовища, для меня не будет оскорблением, если я не окажусь для него лакомым куском и оно выплюнет меня с презрением...

Тут тетя Мариам прервала рассказ. К калитке подошли трое мужчин в военном обмундировании. Сначала они хотели позвать, но, увидев нас во дворе, не спрашивая разрешения, открыли калитку и вошли вовнутрь. Они шли медленным шагом, опустив головы. Я посмотрела на тетю Мариам: она вся бледная с широко раскрытыми глазами смотрела на военных. Встать на ноги мы не смогли. Один военный в форме майора встал перед тетей Мариам с опущенной головой и на чистом армянском языке сказал:

- Ты, мать, крепись!

- Который?! – процедила сквозь зубы тетя Мариам и потеряла сознание.

- Сорен! – ответил майор, но тетя Мариам уже не услышала его.

Человек похож на день и ночь. Помню, когда я в первый раз увидела тетю Мариам, глаза ее искрились теплым солнечным, по-утреннему светящимся счастьем.

Спасая меня от самоубийства, она была такой хмурой, как небо со свинцовыми тучами в ожидании урагана. И в сердце ее поднялся ураган, и она обрушила вихрь проклятий на мою голову.

Сегодня с рассветом наступил тяжелый день. Уже полдень, а солнце пока не взошло. Со стороны моря на западе нависла тяжелая туча, предвещающая что-то плохое. Стало душно. Такой день, наверное, для мудрости и предсказаний. С утра тетя Мариам превратилась в проповедницу. Стало темно. Сначала в дневной свет проникло белое облако, затем потихоньку потемнело, и темнота поглотила все вокруг. Обессиленная тетя Мариам склонила голову на грудь. В тот же миг я подбежала к ней и спомощью одного из офицеров уложила ее на тахту и оказала ей, потерявшей сознание, первую помощь. Но все было напрасно. Свинцовая туча нависла над ее лицом. После различных массажей синева появилась под ее ногтями и на губах, затем глаза потемнели, и вскоре весь организм погрузился во мрак. Будто издалека был слышен мой крик. Но кто обходился без слез и крика во время такого испытания?

Майор привел врача, но было уже поздно. Появление

врача обнадежило меня и я перестала кричать. Врач осмотрел бездыханное тело тети Мариам и закрыл ей глаза. Затем произнес, утешая:

- Даже если б я застал ее в живых, все равно ничем бы не помог.

Перевозить тело в больницу было излишним. Я должна была приступить к исполнению завещания тети Мариам.

На мой крик собрались соседи, все высказывали сочувствие и обещали всякую помощь. Майор в знак уважения покойной оставил при входе трех офицеров, которые менялись каждые два часа и стояли в карауле до самых похорон.

Вечаром с помощью соседней тетю Мариам омыли и, как она завещала, облачили в новую одежду. Мне говорят не участвовать в этом деле, но я никого не слушаю. Делаю все собственными руками. Я решила находиться возле покойной до похорон. Соседи не оставили меня в беде. Не знаю, жаль им меня, или они делают это из-за уважения к тете Мариам? Горит свеча у изголовья тети Мариам, помимо меня здесь находятся еще шестеро женщин.

14 августа 1945 года, вторник.

Настал угрюмый день похорон, день прощания, день последнего выражения тепла и ласки. Я в траурной одежде сижу у изголовья и не принимаю ни в чем участия, по лицу льются чистые слезы, извергнутые из самого сердца.

После двенадцати часов на похороны пришло море людей. У всего есть свои правила: люди хотят выразить уважение, соседи и военные с честью исполняют любое поручение. Нет надобности описывать всю траурную церемонию и все последующие за нею дни до сегодняшнего дня. Это знают все. Дни смерти и похорон везде одинаковы. Так что они не требуют описания.

Вечером в 5 часов вынесли гроб с телом тети Мариам и установили под липой, именно там, где она любила отдыхать. С прощальным словом выступили знакомые и незнакомые люди. Я склонилась к гробу тети Мариам, плакала и что-то невнятно бормотала. Мне дали немного времени проститься, затем оторвали от тела так, что я не успела хорошо проститься. Четверо военнослужащих подняли гроб на плечи и понесли, идя строевым шагом. Я первая пошла за гробом, соседи и здесь не бросили меня, женщины с обеих сторон подхватили под руки.

Могила была вырыта под огромным липовым деревом. Несколько корней у дерева были срезаны. Могилу выложили кирпичом и красиво отштукатурили, там же лежали бетонные плиты для наложения сверху. Гроб с телом тети Мариам опустили в яму на веревках, затем покрыли плитами, и я первая бросила горсть земли. Согласно завещанию, я выпрямилась и поклялась, что никогда не оставлю ее могилу, пока буду жива.

Потихоньку все стали расходиться, и осталась, украшенная цветами и букетами, маленькая горка земли. Майор, взяв меня под руку, проводил до дому,

утешая по дороге и обещая оказать помощь, на случай, если мне что-нибудь понадобится.

- Из-за которого из сыновей умерла тетя Мариам? – неожиданно спросила я. Мой вопрос немного ошарашил майора,.. Помедлив, он ответил мне:

- Из-за обоих!

Услышав это, я чуть не упала, но майор своевременно поддержал меня и твердым военным голосом приказал: -Крепись! Ты молода и обязана все вынести!

Вечером поднялась температура. Тысячи разных видений мучили меня всю ночь, я бредила. Утром пришла в себя и увидела, что обмотана мокрыми полотенцами. В комнате было полно соседей, врачей, здесь находился и майор. Всех обрадовало мое возвращение в этот мир: одни поздравляли меня с возвращением, другие даже ругали за то, что я так близко к сердцу воспринимаю горе. В конце ко мне приблизился майор и молча подал полный стакан с настоем шиповника, разведенный коньяком.

Мне очень хотелось пить, поэтому тоже молча взяв из его рук стакан, опорожнила его не переводя духа. По телу разлилось приятное тепло, и мне показалось, что я выздоровела, но попробовав встать, почувствовала головокружение, пришлось прислониться к изголовью. Измученная, я заснула сладким сном.

16 августа 1945 года, четверг.

Утром встала рано, здоровешенька: ничего не болит, словно и не была больна. Только вот тень тети

Мариам стоит перед глазами днем и ночью, ходит за мной следом. Постоянно слышу ее наставления. Я настолько привыкла к ее голосу, будто это не тень вовсе, а сама тетя Мариам – живая, разговаривает со мной, как и два дня тому назад, наставляет меня.

... Не знаю, как оказалась я на кладбище, упала на еще свежую могилу тети Мариам и стала плакать. Удивительно, слезы успокоили меня, видения исчезли, до высшего предела раскрылась возможность силы мышления. С покрасневшими глазами, умиротворенная, я зашла в кладбищенскую мастерскую и заказала железную изгородь самой лучшей формы. Половину стоимости заплатила вперед и договорилась насчет срока установки на 18 августа. Это дело было уже решенным. Я вышла из мастерской по изготовлению надгробных камней. Здесь все мастера по изготовлению узоров, по надписям и художники – греки. Сначала я поздоровалась с ними по-русски, но когда по разговору я поняла, что все они греки, стала говорить по-гречески. Вскоре я оказалась в центре внимания их главного начальника. Так как я знала их язык, они посчитали меня землячкой и стали расспрашивать о моей беде. Я обо всем рассказала, только тетю Мариам представила собственной матерью. После долгой беседы сделала заказ, чтобы из гранита мастера высекли дерево с надломленными ветвями, на котором была бы надпись:

Мать, сильная духом!

Ради нас принявшая мучения.

Почему обломаны твои сильные ветви?

Ты, к счастью, идешь к нам,

Но все равно лежишь в одиночестве!

Матери от погибших в отечественной войне
сыновей

*Ашота и Сорена.
1945 год.*

Мне хотелось, чтобы надпись на камне была бы выполнена в такой форме, как если бы дети, играющие на дереве, высекали бы на нем свои имена, и эта надпись осталась бы навечно отпечатанной на древесине этого дерева.

- О таком я никогда не слышал и не изготавливал, но мы обязательно сделаем камень и установим его к двадцатому числу. – сказал начальник мастерской. Взять денег наперед отказался, а договориться мы договорились за полцены. Я ушла, успокоившись полностью, но мысли мои вновь возвращались к кладбищу, к тому месту, где похоронена тетя Мариам. Сколько хороших людей похоронено здесь, сколько плохих, сколько таких, которые заслуживают смерти, сколько таких, которые просят бога сохранить им жизнь, а он не слушает их! Сколько людей, полных сил уходит, а сколько калек остается, сколько человек живут в мучениях и, чтобы улучшить свою жизнь завершают ее в молитвах у креста. Сколько таких, живущих в богатстве, увидев на кладбище крест, думают, что это знак «плюс».

Благословленно имя твое, Господи! Но мне почему-то кажется, что кто-то другой распоряжается судьбами людей.

Было бы хорошо, если бы выдумали такие часы, стрелки которых показывали бы нам, как жить.

Тогда, наверное, все люди жили бы одинаково, если бы какой-нибудь эгоист не приобрел бы всех часов, выпущенных на свете .

О, человек! Почему я не верю потерянными людям? Интересно, есть ли у меня право на это? Ведь все не похоже на Валерия, чтобы силой грабить людей? Может, некоторые страшнее Валерия, они угрожают нам пальцем, лежащим на спусковом крючке оружия, и заставляют делать все, что пожелают. Не смогу перечислить все те способы, с помощью которых одни люди властвуют над другими для того, чтобы единицы были бы всевластны. Но разве они удовлетворяются этим? Постепенно наделенный властью становится ненасытным, благодаря тем правам, которыми он наделен. Человек – удивительное создание. Если перед виселицей вывести некоторых для выбора веревки, они выберут шелковую, самую красивую. Верю в возможности человека, в его достижения и успехи. Верю в то, что может он создать искусственного металлического человека, но не дай бог самому превратиться в него...

Есть на земле и добрые люди, которые не оставляют меня одну и даже ночью остаются со мной. Но одним костром не разгонишь тьму! Наверное, во всем виноват Валерий, из-за которого я потеряла веру в людей. Не думаю, чтобы человек пожертвовал бы всем ради своего благополучия, и даже людьми...

15 августа 1945 года, среда.

Каждый день в моей жизни необычен, и если бывает день, когда ничего необыкновенного не происходит, именно этот день я назвала бы необычным. Сегодня утром из милиции пришла повестка: «Срочно явитесь во второе отделение милиции к инспектору Чадунели». Этого еще не хватало! Интересно, что случилось? Неужели Валерий выдал меня? Убежать?! Нет! Объявлюсь! Но пока я шла к Чадунели, тысячи мыслей пронеслись в моей голове. Будь, что будет! Я открыла дверь здания милиции.

- Вы будете Чадунели?

- Да. Проходите! Садитесь!

Прежде чем сесть, я протянула повестку. Он взял ее, и я заметила уважение ко мне в его взгляде. Его почтительность зародила во мне надежду.

- Присаживайтесь! – повторил просьбу инспектор. В его голосе помимо почтительности, мне послышались нотки нежности. Сев в кресло поглубже, я замерла в ожидании.

- Вы знаете, почему я вызвал вас? – спросил меня инспектор.

- Не знаю, поэтому явилась тотчас, как получила повестку. Я ничего не совершала, и мне интересно, почему милиция заинтересовалась моей личностью?

Инспектор выдвинул ящик письменного стола и протянул мне завещание тети Мариам, отпечатанное на пишущей машинке и заверенное нотариусом.

Я внимательно прочитала завещание.

- Ни в коем случае! – крикнула я.

Инспектор улыбнулся. В комнате воцарилось

минутное молчание, затем он, нарушив молчание, вывел меня из неловкого положения.

- Мери! Она не передавала вам навсегда своего имущества. Здесь ясно написано «до возвращения сыновей». Еще здесь написано: «Чтобы не остыл очаг предков и, чтобы кто-нибудь ждал бы моих детей после моей смерти,» -, продолжила я. – «После возвращения сыновей, если не уживутся вместе, Мери будет выделена спальная комната, гостиная и кухня. Согласно моему завещанию, все это остается ее собственностью. На случай, если ни один из моих сыновей не вернется, все перейдет в собственность Мери. Прошу ее, пусть каждый день ждет моих детей, не бросает и не остужает мой дом!»

Ее дети не вернутся. Я не хочу, чтобы обед льва проглотил недостойный! – по выражению лица инспектора я поняла, что он ничего не знал о гибели сыновей тети Мариам, но не показал вида и стал меня обнадеживать:

- Так тоже иногда бывает, сначала приходит извещение о смерти, а затем «умерший» возвращается целым и невредимым. Твой долг – исполнить завещание покойной тети Мариам...

- После моего отказа, вы обязаны найти близкого родственника тети Мариам и переоформить ему завещание. – я не дала договорить инспектору.

- Тетя Мариам лучше нас знала своих родственников, но в завещании не упоминается ни один из них, поэтому ты должна радоваться!

- Чему? Бесплатно доставшемуся имуществу? – опять разошлась я.

- Нет! – твердо отрезал Чадунели и продолжил, - «Не бесплатно приобретенному наследству», а тому доверию, которое оказала тебе тетя Мариам, и твоей любви,заставившей ее забыть своих родственников. Я скажу вам только одно, вы пока молоды, и кто знает, может когда-нибудь вам пригодится мой совет: со всеми общайтесь на равных, с образованными - поученному, с дураками притворитесь дурочкой, знайте, со всеми нужно быть наравне.

- Спасибо, господин инспектор! Вы говорите правильно, но по-моему, каждый человек должен знать, что если он просыпается в постели, в которой никогда не лежал, и она ему не принадлежит, то он должен посмотреть на себя в зеркало совести, действительно это он или нет. Некоторые не заглядывают в зеркало, и их не беспокоят угрызения совести. А я? В течение всей моей жизни это будет волновать меня...

- Вы понимаете, о чем говорите? – на лице Чадунели было заметно волнение, - бесчестное исполнение завещания, мотовство завещанного имущества наказывается законом. Но, что с тобой говорить: некоторые не то, что мертвых,но и живых не уважают. Знай, мертвого нужно уважать еще больше, чем живого. Ты надела траурные одежды не из-за уважения к тете Мариам, а для отвода людских глаз. Притворяешься, что уважаешь и скорбишь по умершей. Прости, если своей правдой обидел тебя. Будь на моем месте рыба, она плеснула бы тебе в лицо водой, заговорила бы,глядя на тебя,и осудила бы тебя.

Тебе не понять, что такое красота души. Уставилась на нарисованный на холсте гриб с ароматом цветов и

прелестью леса. Это потому, что ты никогда не чувствовала и не испытывала того счастья, каким обладает и доволен народ, ты никогда не испытаешь счастья от выполнения просьбы или задания человеку человеком, которые когда-нибудь молча встретятся друг с другом. И ты никогда не испытывала и не поймешь взгляда этих четырех улыбающихся глаз, из глубины которых извергается чувство молчаливого удовольствия...

Теперь можете идти. Я не желаю больше разговаривать с вами. Поступайте так, как подсказывает вам ваша совесть...

Инспектор всучил завещание мне в руки и встал. Это был знак тому, чтобы я покинула кабинет. Оскорбленная выше меры и ошарашенная, я молча покинула кабинет инспектора Чадунели и быстрым шагом направилась к кладбищу, чтобы обо всем рассказать тете Мариам и излить слезы, подступившие к глазам...

21 августа 1945 года, вторник.

Вчера и сегодня безостановочно работают на могиле тети Мариам. Огородили и поставили гранитный камень. Роспись дерева с надломленными ветвями, правда, получилась фантастической, - единственный неповторимый памятник в истории человечества ради бессмертия тети Мариам. Под конец мы присыпали землю морским песком. Я повела всех домой. Здесь, позвав нескольких соседей, мы помянули место вечного покоя тети Мариам.

Вечером, когда все ушли, и я осталась одна, на

сердце навалился камень печали, но я решила одолеть его делом: вынесла посуду во двор к крану для мытья.

Увлеченную делом, меня охватили мысли. Я даже не заметила, как во двор зашел одетый в милицкий мундир с погонами начальника и с выпяченным из-за брюк животом, округлившийся мужчина.

Видение или явь появилось так неожиданно, что я растерялась, словно меня застали на месте совершения преступления.

Обратив на незванного гостя ледяной непонимающий взгляд, я удивленно спросила:

- Чего вам надобно?

- Познакомиться поближе, дорогая!

- Закройте за собой калитку и забудьте дорогу в этот дом, не то я не пугаю, но твоя судьба не обещает тебе ничего хорошего.

- Ходить сюда – это моя обязанность и работа. Я – участковый на этой улице, Аслан Ашба. Мне не нужно спрашивать разрешения у такой, как ты, грязной и испорченной! – этот Аслан Ашба говорил так громко, что собрались соседи. А он продолжил:

- Что?! Чтобы я так опустил, проводить время с тобой? Ты должна говорить мне «нет»? Понятно, ты наверное, потому отказываешь мне, что я не позволю тебе, как другие, продать ребенка!

Обида придала мне сил, я кинулась на него и расцарапала ему лицо.

- Противное существо, убирайся отсюда! – крикнула я и кинула в него посуду, вынесенную для мытья.

Он, ругаясь, выскочил за калитку:

- Завтра придешь в отделение! Там я спрошу с тебя, куда делся ребенок, появившийся в этой семье, продала? Убила? Куда дела? Почему не зарегистрировано рождение ребенка?

Перед моими глазами возник образ Хатуны, и я потихоньку начала оседать. Придя в себя, я увидела нескольких соседей, хлопотавших надо мной. Они успокаивали меня: одни говорили, что Аслан – очень плохой человек, от него можно ожидать только плохое и больше ничего! Некоторые советовали не обижать Аслана, чтобы он не привязывался и др...

Я не слушаю разговора соседей, думаю только о том, как отплатить Аслану Ашбе за свое оскорбление! Вот еще один человек, из-за которого я возненавидела мужское племя, который заставил меня с львиной отвагой мстить всем мужчинам, у которых не все в порядке с головой!

В его обязанности входит безопасность государственного дела и порядок, а он сам совершает такие невероятные и непредвиденные поступки. Я уничтожу тебя !

25 августа 1945 года, суббота.

Как посмела я не стать наложницей Аслана Ашбы?! Рыщет, как волк, и вынюхивает мой след, доискивается до моего прошлого и собирает обвинительные материалы. Однако, вот она –я! До сих пор я переживала за убийство Лонды, но как только выяснилось о ее предательстве Родине,

перестала бояться и чувствовать угрызения совести. Наоборот, я горжусь, что внесла свой маленький вклад в победу Отечественной и Второй мировой войны! Пусть бегают и собирают на меня обвинительные материалы, это не страшно. Я одержу победу над Асланом, уничтожу его! Страшен тот человек, кто кажется добрым, а сам совершает зло, действуя скрытно, и ты не можешь распознать его. Вот, кто страшен! Ашба не меня вывел на чистую воду, он раскрыл себя самого, опутав людей паутиной зла, уверенный в собственной непобедимости!

Я – сильная! Действую скрытно. Аслан преследует меня, а я – его. Он действует открыто, я – незаметно...

Приближается первое сентября. Мне нужно ехать, продолжать учебу, но не хочется оставлять здесь нерешенными дела.

Первым делом я должна убрать дом и двор тети Мариам, и положить на место каждую вещь. Мне необходимо часто приезжать сюда, чтобы не дать пыли съесть мебель и стены дома. Пригласила мастера, чтобы он изготовил железные решетки на окна и стены. Так что, дом защищен от грабителей.

Вторым пунктом в моем плане является физическое уничтожение Аслана Ашбы. Я должна отомстить не только за свое оскорбление, но и для защиты людей от его зла.

Начала убирать дом, и разложила по местам каждую мелочь. В этом доме люди живут уже три века. На что только не натолкнешься, убирая дом, будь то запрещенное или разрешенное, коммунистическое

или религиозное... И вот, убрав первый и второй этажи, я залезла на чердак и стала прибирать хлам. Вдруг я наткнулась на книги, бережно заернутые в тряпку, и не поверила своим глазам; вместе с множеством запрещенных книг, я обнаружила написанную на телячьей коже «черную и белую магию». Стала читать. Боже мой! Человек может сойти с ума от этого! Неужели правда то, что написано в книге прошлых веков? Оказывается, чудеса возможны, но интереснее всего описанное в книге колдовство. Дело не терпит отлагательства, я решила сегодня же совершить одно чудо: вызвать дух покойного, и стала действовать так, как было написано в черной магии. Как только время перевалило за полночь, я отправилась на кладбище, встала под колокольной церкви, воздела обе руки так, чтобы ладони были направлены вверх к небу, затем оперлась обеими руками наземь. Так повторила несколько раз и почувствовала, что установила связь между небом и землей...

Я больше не принадлежала ни земле, ни небу, словно какая-то сила по-своему запрограммировала меня. Затем я, как было написано в «черной магии» подождала, пока в небе сорвется звезда, проследила за ней взглядом и сказала: «Повелитель душ, прошу вызвать Мариам Киракосян – Вартанову!» (Конечно, я могла бы вызвать дух любого покойного, который был похоронен на этом кладбище, но мне хотелось повидаться и поговорить только с тетей Мариам.)

Не прошло и минуты после вызова, я почувствовала, что превратилась в дух, будто душа моя вылетела из тела и разумом моим правила какая-то сверхъестественная

сила. Еще одна минута, и с восточной стороны показалась тетя Мариам. Она была освещена каким-то необыкновенным светом. Скромно одетая в ту одежду, в какую я нарядила ее собственными руками, она остановилась в нескольких метрах от меня. Хочу крикнуть, но у меня не получается, смотрю на нее, взволнованная от такого зрелища. Тетя Мариам не стоит на земле, а словно парит в воздухе на расстоянии десяти сантиметров от нее. Не знаю, сколько мы молчали и сколько времени я находилась в таком недоумении, если бы не услышала бархатный голос тети Мариам:

- Что побеспокоило тебя, дочка Мери?

Я ничего не ответила, мне захотелось обнять ее и расцеловать после долгой разлуки, но я не смогла сделать и шага. Мариам поняла о моем намерении и предупредила: «Не приближайся ко мне! Спрашивай о том, зачем побеспокоила!»

- Я увижу Хатуну? – инстинктивно вырвалось у меня.

- Хатуну растить будешь ты! – после небольшого раздумья ответила она.

- Я увижу Валерия?

- Ты воздашь ему по заслугам!

- У тебя все есть?

- Благодаря тебе все!

- Видишься ли ты с Ашотом и Сореном?

-Нет, их нет здесь!

- Ты их никогда не увидишь?

-Я – нет, но может они повидаются со мной!

- Можно я пойду с тобой?

- Что, тебе мало этого мира?

- Нет, но мне хочется быть с тобой!

- Не то, что тебя, меня саму сюда еле приняли. Ты пока не знаешь, что готовиться к смерти и заботиться о ней надо больше, чем о жизни. Это в жизни не существует огромной заповеди, есть только углубление знаний и подготовка к смерти.

- Ты же в раю, тетя Мариам?

- Не существует двух заповедей. Здесь говорят только «рай», «адам» называют жизнь на земле!

- Вы, родитесь еще раз?

- По прошествию какого-то времени мы умираем и также рождаемся.

- Ты, сейчас, родилась?

- Для этого мира я родилась, для противоположного – умерла. Когда умру в этом мире, для того – появлюсь на свет!

- Через сколько лет ты вернешься в эту жизнь?

- Не знаю, об этом мы не знаем.

- Как там рождаются те, кто грешит на земле?

- Человек-осел ослом, человек-змея змеей и так далее. Запоздала я, надо идти. По всем скучаю, вышли мне альбом с фотографиями!

- Как выслать?

- Когда приготовишь мне обед, положи вместе с ним альбом на стол и зажги свечу.

- И все?

- Все!

- Дай мне какой-нибудь совет!

- Тебе этого не нужно. Ты сама все хорошо знаешь, что делать. Если станет трудно, скажу во сне. А теперь пора, я опаздываю. Живи ради моей надежды... – сказала и направилась в сторону кладбища. Я

видела, как шла она, не касаясь земли, словно стояла на каком-то движущемся предмете, и этот предмет нес ее. Находясь на расстоянии нескольких сантиметров от земли, она плыла, не делая шагов...

Все это я видела собственными глазами. Вот, что значит «черная магия»...

Она ушла. С плеч моих словно груз свалился, и ко мне вернулись мысли. Мне стало страшно! Не знаю, чего я испугалась, но к дому не шла, а бежала.

Пришла, закрыла за собой двери, окна занавесила шторами. Страх все равно не проходил. Мне казалось, будто духи или какая-то сила поселились во мне, и я нахожусь под их влиянием.

Раскрыв «белую магию», нашла ту молитву, в которой написано: «Пусть души вернуться в свои усыпальницы», и прочитала три раза, сказав при этом «аминь». Все прошло. Так спокойно мне еще никогда не спалось. Может, вы думаете, что это – сказка, видение, вымысел то, что я здесь описала. Нет, это правда!

30 августа 1945 года, четверг.

Оставшиеся дни не пропали даром: я убрала огромный дом, нашла свое место каждой вещи и, что самое главное, изучила всю подноготную Аслана Ашбы.

Аслан Ашба, как и все другие участковые инспекторы, приходил на совещание в отделение органов милиции в восемь часов утра. Мне не

интересно, какие вопросы они решают, или, чем занимаются другие участковые после совещания. Меня интересует и я знаю, что Аслан Ашба, нигде не останавливаясь, напрямик направляется в столовую. Так что в восемь часов тридцать минут он находится в столовой. Выпивает, не переводя дыхания, 100 граммов водки, заедает куском колбасы и начинает бродить по нашей улице. С подозрением смотрит на взрослых и детей. Бывало, он останавливал незнакомого прохожего, находил причину и не отставал до тех пор, пока насильно не забирал денег.

На днях, не так легко, конечно же тайно, я нашла цианид калия. Взяв точно такой же стакан, как в столовой, стоящий в буфете рядом с бутылкой водки у работающего здесь круглого мужчины, я несколько раз ополоснула его в ядовитом растворе и высушила. Даже невооруженным глазом было видно, изнутри стакан покрыт тонким слоем кристаллов. Положив стакан в сумку, я направилась в столовую. Здесь, спрятавшись за углом, я стала ждать появления Аслана. Вскоре он появился, я быстро вошла в столовую и попросила продавца дать одну банку сгущенки. Когда он повернулся, чтобы подать мне банку, я незаметно подменила стакан, заплатила деньги за покупку, и в это время в двери вошел Аслан. Увидев меня, он стал крыть матом в адрес проституток и подошел к буфетчику, которому было не очень-то приятно видеть его. Налив собственной рукой водки в стакан, Аслан залпом осушил его. Вдруг, подняв глаза вверх и широко открыв рот, он схватился за горло и так, не сказав ни слова, рухнул на пол.

Поднялся шум и крик, собрались люди. Будто бы не зная, что произошло, я вернулась полюбопытствовать, а на самом деле, мне хотелось собственными глазами увидеть мертвого Аслана. Он, скрючившись, валялся на полу, вытаращив глаза и широко раскрыв рот. Видя такое, одни искали скорую, а другие звали милицию, так что в столовой царил полный хаос. Воспользовавшись всеобщей неразберихой и суматохой, я незаметно подменила стакан, и довольная моим поступком, умиротворенная, пошла к железнодорожному вокзалу.

В кассе я приобрела билет в купированном вагоне. Отправление поезда в 21ч 55 мин, у меня еще много времени, успею поговорить с тетей Мариами и успокоить душу. Но я ошиблась. Вернувшись домой, я увидела, как всю улицу заполонили люди. У всех на устах только одно – смерть Аслана, все поминали его проклятиями. Не знала я, что у него было столько врагов, мне было удивительно, как дали ему возможность жить до сих пор. Прислушиваясь к разговору людей, я поняла, что убийство полностью исключалось. Большинство говорило о том, что Аслана погубило чревоугодие: он ел все подряд, и сердце больше не выдержало.

Притворившись перед соседями, что меня не интересует случившееся, я вернулась домой и начала готовиться к отъезду. Так, в суматохе пришло время идти на вокзал. Я закрыла оконные ставни и двери и попросила соседей присмотреть за домом...

Сев в купе на свое место, я стала думать о том, как утром буду в родном городе. Не могу понять радостно мне или грустно от встречи с родным городом. Как

встретят меня соседи? Они ждут моего возвращения с мужем и ребенком, а я одна –одиношенька открою подъездную дверь. Женщина мудростью своей похожа на змею, а способностью перевоплощаться - на фею. Я тоже женщина, придумаю что-нибудь, а соседи все равно не пожалеют, буду плакать горькими слезами...

Нас четверо в купе: три женщины и один мужчина, но женщины упросили мужчину поменяться с женщиной из соседнего купе. Мы познакомились, я оказалась скупее всех на слова. Меня не интересуют новые знакомые. Если спрашивают – отвечаю, если нет, сижу тихо, уставившись в потолок. Несмотря на мой возраст, я разочарована жизнью. Думаю о том, как вырвать из сердца сострадание к людям, а второе, как перестроить себя, чтобы сердце никогда не болело от этого чувства. Смогу ли? Думаю, что смогу. Ведь все рождаются обыкновенными людьми, а уже с помощью тренировок становятся спартанцами, человеком-йогой, каратистами, и даже артистами цирка, как я. С сегодняшнего дня я начинаю перевоплощаться.

Что? Что сказала тетя Мариам?

«Воспитывать Хатуну будешь ты!» - по-моему не все так, но мысль была такой. Когда тетя Мариам была жива, она никогда не обманывала, а теперь тем более.

Я должна жить, а если буду жить, должна перестроиться себе на пользу.

Человек, думающий о жизни, должен обладать тремя качествами: мудростью, любовью и верой. На сегодня я не владею ни одним из них, и мне кажется мысль о жизни бессмысленной. Признаюсь, что не владея этими качествами, не могу быть совершенной,

так как если в человеке нет хотя бы одного из них, сделанное им добро никогда не будет совершенным. Любовь без мудрости – фанатизм, а мудрость без любви – зло. Если любовь и мудрость едины, в человеке зарождается вера. Такими силами строится жизненная закономерность во всей вселенной. Закономерность жизни – это не желание. Мы не познаем вечность, не превращая желание в быль. Наши желания и их исполнение подвластны временному миру, который мы сегодня возносим до небес, а завтра он проходит мимо вместе с людьми, так как в природе не существует бессмертия...

Я убедилась в действии «черной и белой магии». Завернув книги по-прежнему в тряпицу, положила их на то же место, где хранила их тетя Мариам. «Надо было забрать их,» - думала я. Владеть магией, значит властвовать над обоими мирами. Умирая, человек забирает с собой из этого мира истинное богатство, необходимое для будущего явления и для развития души, и переходит из объективного состояния в субъективное существо.

Вера, мудрость и любовь развиваются внутри любого человека, если этого не происходит, то начинается душевное бессилие. Чтобы родиться без недостатков и душевного бессилия, мы обязаны знать, что рождение - это покаяние грехов в прежней жизни. Ради этого мы появляемся заново. Почему же так переживаем из-за приближения смерти, если это только переход из старой жизни в новую? Если бы смерть была хороша, она хоть один раз да умерла бы сама! А переживаем мы потому, что не готовы и не очищены духовно для новой жизни...

Человек, покаявшийся в грехах, сам призывает смерть и не боится, наоборот, принимает ее как явление для успокоения души. Не существует бессмертия смерти! Сколько людей, столько и смертей! Смерть умирает и рождается вместе с человеком!

Смерти тоже хочется, чтобы человек был добрым, и не умирать вместе с ним. Смерть не желает слышать такие слова: «Ему нужно было раньше умереть!» Она знает, что с плохим человеком ее тоже быстро забудут!

На свете много жадных, ненасытных, честолюбивых, жаждущих славы, не выносящих стыда, счастливых, поклонников приятной жизни, мечтателей о богатстве, организаторов унижения других, не ценящих добра, и достойных спорщиков. Такие люди и смерти ненавистны, поэтому она покидает их, а мы говорим: «Он нехороший, поэтому не стареет.» Но это не так: смерть обходит его стороной, так как знает, что умрет с ним и больше никогда не родится. Те люди, которых так мало, готовые помочь другим, зажмурить глаза и представить себя на месте другого, понять его мысли, принять близко к сердцу его горе и радости, осознать сущность его жизни, могут не волноваться насчет своего будущего. Их смерти гарантировано бессмертие. Тогда, кто я? Смогу ли замолить грехи свои? Несмотря на то, что не существует человека, который признался бы в своих грехах и считал бы себя виновным, я твердо скажу: «Я не грешница, а патриотка, верный господу богу ангел, борющийся со злом».

Вот, если взять сатану с мечом и огнем, в обличьи фашизма, решившего уничтожить мудрость, добро и любовь. Если бы ему не преградила путь моя

честность, то зло праздновало бы победу каждую весну, так как у фашизма был человеческий облик, и трудно было отличить добро от сатаны. Не считается грехом уничтожение людей, в чьих душах зародился сатана... Уничтожение таких людей не считалось бы грехом, если бы зло не пришло к нам в виде чудовища или змеи, каким был фашизм? Почему же тогда должно считаться грехом уничтожение сатаны в облики человека? Мы не боремся за уничтожение или за добро, мы боремся за бессмертие души и за сеяние добра!

Сегодня думы мои превратили меня в настоящего философа. Всю ночь не сомкнула я глаз, но спать не хочется.

Уже утро, подъезжаю к моему родному городу, сильно бьется сердце. Как он встретит меня? Рассвело... С востока небо озарилось огнем. Доброе утро, мой родной город!

Пешком иду по дороге, ведущей к дому, с любовью осматриваю окрестность, тропинку, каждое деревце, все знакомые места. Подойдя к подъездной двери моего дома, погладила ее рукой и огляделась вокруг: «смотрит ли на меня кто-нибудь из жителей?» - и стала целовать дверную ручку. Вот остановилась у двери моей квартиры и нажала на электрический звонок так, словно мама и папа открыли бы мне двери, а я, соскучившаяся, повисла бы у них на шее. Я обняла и приласкала дверь, затем осторожно вставила ключ и повернула. Открыв, вошла вовнутрь и, бог мой, что это?! Вся квартира перевернута: все ценное забрали. Даже ковры снимали со стен, и фотографии

моих бедных родителей валяются на полу в рамках с разбитыми стеклами. Дверь не взломана, вещи вынесены не из окна. Ключи были только у меня и у Валерия.

Нет, господи! Достаточно ему и нравственного падения, не вешай на него и этот грех! Отведи от меня эти грешные мысли!

Я думала, что мой приход никто не заметил, но ошиблась. Не прошло и пяти минут, как моя квартира заполнилась соседями. Увидев разграбленный и перевернутый дом, они позабыли спросить, как мои дела, все удивленно смотрели то на опустошенную квартиру, то на меня. Наконец, заговорила соседка по площадке, она стала успокаивать меня:

- Пусть тот, кто ограбил тебя, дочка, унесет с собой все твое горе и неприятности! Пусть та семья, в которую забрали добро, никогда не сможет нажить большего. Не думай и не печалься об этом! Пусть душа у человека будет в порядке. Ты молода, дочка, все еще купишь и приобретешь...

- Что ж я куплю, тетя Кетеван? Нажитое родителями за всю жизнь унесли за один раз. Разве я смогу сделать столько, сколько смогли они? – с выступившими на глаза слезами ответила я.

- Нет, дочка! Война закончилась, скоро начнется радостная жизнь. Вот увидишь!

- Мою радость в жизни забрали родители. Я больше не верю в милость судьбы и ничего не жду от нее!

- Судьба, дочка, всегда благосклонна к тому, кому покровительствует. Ей не сделаешь подарка за ее благосклонность и не дашь пинка, чтобы прогнать.

За бедой всегда следует счастье, говорят, или в начале, или в конце. Только надо дожидаться его, а прийти, оно обязательно придет!

Кетеван старше моей матери на десяток лет, мы любим друг друга, как дочь и мать. Ее муж и сын - на войне, они пока не вернулись. После сорок третьего, когда перестали идти письма, Кетеван не получала никаких известий. Хорошо это верить и надеяться...

Кетеван – моя соседка по площадке, она относится ко мне с большим вниманием, хотя ей самой требуется помощь.

Никто из соседей не спрашивает меня, почему я вернулась без мужа и ребенка, просто справились о здоровье, посочувствовали в связи с ограблением квартиры, немного поговорили и ушли. Со мной осталась только тетя Кетеван, и мы стали прибирать комнату. Несколько минут мы молча делали дело, но, как видно, Кетеван не выдержала тишины и вздохнула:

- Почему ты так вздыхаешь, тетя Кетеван? Кажется, будто сердце выскакивает из груди? – спросила я.

- Как ты думаешь, разве у меня нет на то причины? Уже два года, как я ничего не знаю о моих муже и сыне. С наступлением ночи боюсь выглянуть на улицу. Во мне поселился страх. Одиночеству присущ страх: разве я не должна была услышать шум, когда грабили твою квартиру? А если бы и услышала, наверное, не вышла бы! Дверь не сломана, не замешан ли в этом деле враг семьи?

- И все-таки, кого ты имеешь в виду, тетя Кетеван?

- Никого, дочка. Но не надо слишком уважать даже себя, не то, не найдя недостатков, противно

будет смотреться в зеркало, и не говори, что «была недостойна его уважения».

На что-то намекает госпожа Кетеван, но я делаю вид, что не понимаю и спрашиваю ее:

- Делать всем добро – это хорошее дело? Одна благодарность возмещает двадцать прегрешений, тетя Кетеван.

- Нет, дочка, злодеяние в отношении людей не так-то страшно, как сделанное им добро. Правда, руку помощи необходимо протянуть и сироте, и негодяю. Бог не забудет об этом. Но страшно то, когда насытившийся сирота совершит плохой поступок.

- Что ты хочешь этим сказать, тетя Кетеван? Скажи прямо, я привыкла ко всему, ты не испугаешь и не удивишь меня!

- Я говорю о Валерии, дочка. Ты ведь пришла одна. Сердцем чувствую, что он не прав перед тобой!

Помню, как приняла ты его, голодного и голого. Отъелся, поднялся на ноги и превратился в негодяя...

- Если по природе своей человек не рожден негодяем, то уважение не сделает его таковым!

- Правда, но как понять, какое лицо у негодяя? Об этом мы не догадываемся до тех пор, пока негодяй сам не проявит себя. И, когда это произойдет? Когда надоест ему уважение, когда тебе понадобится его помощь. Доброе дело – протянуть руку помощи даже негодяю, но не принимай помощи от него, даже если это обыкновенное точило, не то с точилом выкинешь нож, наточенный с его помощью. Вот так и в душе Валерия проявилось зло из-за твоего чрезмерного уважения к нему, или же тебе понадобилась его помощь.

- Приходил ли он сюда, пока меня не было?

- Не видела, хотя чувствовала, что ходил по ночам. Один раз прислушалась у дверей, это был он. Кто-то был с ним, они о чем-то совещались. Хотела сообщить в милицию, но не посмела, да и перед тобой было неудобно. Наверное, у него был ключ и разрешение от тебя, не то не посмел бы он так свободно войти в чужой дом!

... Неужели Валерий превратил мою квартиру в убежище для диверсантов? Затем, ограбив ее, они укрылись в какой-нибудь стране. Но Валерий нигде не спрячется от меня. Теперь он ответит не только за предательство. Может, руки его обгарены кровью моих родителей? Он ответит перед всеми людьми.

Долго беседовали я и тетя Кетеван. За это время мы убрали комнаты и проголодались к тому же. Сегодня я гостя тети Кетеван, она не позволила мне ничего делать, и, измученная одиночеством, в первый раз обедала с аппетитом.

Спасибо, господа, что не спрашивает меня насчет ребенка, может, ничего не знает о его существовании. А может, и знает, но не хочет причинить мне боль, и поэтому молчит. Но факт остается фактом, в обоих случаях вода льется на мою мельницу...

3 сентября 1945 года, понедельник.

Я должна была явиться в институт первого сентября, чтобы продолжить учебу, но первое и второе были выходными, и я целых два дня не выходила

на улицу. В оставленном на долгое время доме дел невпроворот: подметаю, чищу, убираю, стираю и кладу на место каждую вещь, которую не забрали воры. Господи, хватит Валерию и той безнравственности, что есть в нем! Сегодня 3 сентября, понедельник. Я пришла в институт раньше всех. После моего прихода стали собираться друзья, они были рады встрече со мной также, как и я. Начались лекции. Мы, студенты четвертого курса, с нас и спрос, поэтому нам уделяют больше внимания. В первую очередь, нас поздравили с победой над фашистской Германией, затем, с победой над Японией, с которой вчера был подписан мирный договор. Декан нашего факультета, Амаглобели, произнес возвышенную речь, проникшую в наши сердца:

- В Отечественной войне фашистские захватчики нанесли огромный материальный ущерб нашей стране! Стоимость ущерба составляет 679 млрд. Долларов!

Были разрушены и уничтожены 1710 городов, более 70 тыс. деревень, более 6 млн. зданий, без крова остались приблизительно 25 млн. человек! Самым трагическим и невосполнимым ущербом является то, что война унесла более 20 млн. жизней советских людей. Грузия стоит на первом месте в процентном отношении к населению, так как 700 тыс. воинов сражались на передовой против фашистов! Среди них было 23 тыс. офицеров, 46 генералов, адмирал и генералиссимус, гордость нашей страны. Такого полководца у нас не было с 1799 года после Суворова. 16 тыс. женщин из Грузии защищали родину, 244 700

рядовых и офицеров были награждены различными орденами и медалями, 164 присвоено звание героя, 300 тыс. жизней грузинских воинов унесла эта война, но грузины не пали духом. Советские воины продолжили войну с империалистической Японией, которая вскоре признала нашу силу. Война закончилась вчера полной капитуляцией. Так, в историю нашей страны золотыми буквами вписаны две даты легендарной победы – 9 мая и 2 сентября!

Амаглобели с такой эмоцией и чувством рассказывал об ужасах войны, что перед моими глазами вставал каждый погибший или раненый боец, и мне так сильно захотелось увидеть моих родителей. Наверное, я сойду с ума, если не увижу их хотя бы во сне!

Вспомнилось прочитанное в «Черной магии» видение снов, и, вернувшись домой, я с нетерпением стала дожидаться ночи, чтобы во сне увидеть родителей и дать отдых уставшему организму. Я всегда любила дневной свет, ночь длилась долго, и я мечтала о рассвете. А сегодня не могу найти себе места, мечтаю о наступлении ночи, но время замерло, растянулось, как июльский день.

Мы бессильны над временем и должны понимать, что всему свое время. Даже у времени есть свое время, свой конец. Наконец-то стемнело. Вечером ко мне зашла тетя Кетеван побеседовать, но мне сейчас не до нее. Я притворилась уставшей и приготовилась лечь. Кетеван ушла. Разобрав постель, я села в кровати, воздела руки кверху и обратилась к властелину снов:

-«Вторник дружит со средой, четверг с пятницей,

суббота с воскресеньем. Ты, понедельник, одинок. Останься со мной и покажи во сне моих родителей! Аминь! Аминь! Аминь! – Эту просьбу я произнесла три раза, затем натянула на голову одеяло и стала ждать. Вскоре я уснула, и включился «кинокадр» сна. Сначала мне привиделось какое-то ужасное существо в немецком обмундировании, у которого вместо головы был один-единственный глаз, росший прямо из плеч, и в этом огромном глазу вращалось глазное яблоко так, что он мог, не поворачиваясь, видеть все вокруг.

Под глазом, где у человека должна находиться грудь, у него была щель, похожая на пещеру, в которой сверкали зубы, росшие вплотную друг к другу.

По сторонам пещеры извивались руки без суставов, на пальцах которых вместо ногтей росли змеиные головы. Змеи высовывали языки и проливали из пастей яд... Его член обвивался вокруг талии и был привязан у хвоста... Короткие ноги, когти, как у орла, повернутые к спине. Все это описанное мною безобразие было покрыто пестрыми волосами, как одежда пограничника, на котором надет рваный мундир немецкого офицера. Этот наряд не скрывал полностью его голого тела.

Увидев меня, он так ужасно заорал, что у меня чуть не разорвалось сердце, я хотела убежать, но ноги не слушались меня. Чудовище выдернуло один зуб, взяло его в руку, как кинжал и медленно приблизилось ко мне. Поднеся зуб-кинжал к моему горлу и схватив пальцами – змеями второй руки мой язык, он стал вырывать его. Еще одно мгновение, и я останусь без

языка. В это время показался мой отец, он был такой же, каким я проводила его из дому, только на нем был накинута белый халат, и в руке он держал скальпель. Увидев меня в опасности, он закричал: «Дочка!» - и набросился на чудовище. Схватил свободной рукой руку с зубом-кинжалом, и как только хотел воткнуть скальпель в живот, чудовище опередило его и схватило за запястье. Завязалась борьба. В это время появилась мама, за которой шли несколько инвалидов с костылями. Увидев отца, боровшегося с чудовищем, она, не обращая на меня внимания, выхватила костыль у одного из инвалидов и ударила со всей силой по голове чудовища. Голова в тот же миг раскололась на две части, из нее вытекла какая-то тошнотворная жидкость, тело не успокоилось еще несколько минут, оно содрогалось, руки-змеи что-то искали. Вскоре чудовище замерло и стало превращаться в пепел горящей серы.

Мои родители вытерли руки о халат и вдвоем приблизились ко мне. Они стали обнимать и ласкать меня.

- Как ты, дочка? Я очень переживаю за тебя! - сказала мама, а отец отвернул лицо. И я увидела, как он утер слезы.

- У меня все хорошо, мама! А вы, как? - и мы замолчали, у нас иссякли слова для дальнейшего разговора.

Без слов, мы с любовью смотрели дру на друга. Эти минуты были лучшими на свете. Ни один мудрец не вложил бы в слова столько мудрости и любви, сколько читалось в эту минуту в наших молчаливых взглядах. Отец первым нарушил молчание:

- Видели? Чудовище сгорело, от него остались три мусорные кучи пепла, но оно восстанет вновь и поглотит человечество! – я обернулась, позади возвышались три кучи пепла сгоревшего чудовища. Я пробормотала:

- Пусть враг мой восстанет так, как восстанет оно!

Отец не пропустил моих слов, продолжил:

-Да, восстанет, и из этого пепла надо ожидать новой войны!

Война между двумя классами в отношении к социально–политическому существованию неизбежна с целью утверждения господства класса эксплуататоров и их обогащения, чтобы не произошло уничтожение нашей планеты и и для появления нового поколения!

- Почему произойдет уничтожение нашей планеты? Разве наш мир настолько отяжелел от грехов, что ожидается его гибель?

- Это природная закономерность, но не принцип человечества или его желание. Вот, это чудовище победит! Не потому, что оно право, а потому, что правдиво управление духовного существования нашей планеты!

- Хорошо, не мучь ребенка! -мама вмешалась в разговор.

- Спасибо, господи! Я не вымолвила ни единого слова, которое измучает или заставит растеряться нашего ребенка. Мы всегда учили ее любви к людям и к Родине, уважению к родителям так, как желали Родина и мы, а не так, как хотела эта куча пепла.

Сейчас у нас есть возможность остаться

бессмертными в сердцах наших потомков. Пусть наши дети и внуки не привыкают к рабству, пусть враг не думает, что мы рождены рабами! А, что касается нашей планеты, хотим мы того или так желают другие, она все равно погибнет. Да и теперь человечество просто чудом спаслось от гибели. Между покровительствующими Земле планетами разгорелась война насчет того, быть или не быть Земле. Планета Марс 20 апреля 1889 года вложила в Гитлера и еще в нескольких лиц, последователей фашизма, дух борьбы и наделила кровавой властью, по инициативе которых миру грозила неизбежная катастрофа. Но творец не смог пожертвовать сотворенным миром, и 21 декабря 1879 года планета Юпитер, девятый знак зодиака, дала человечеству Сталина, 30 ноября 1874 года та же планета, под тем же знаком дала миру Черчиля, а 9 декабря 1881 года – Рузвельта для того, чтобы эти три гиганта предотвратили мировую катастрофу...

Я никогда не видела отца таким многословным, почему-то мне был неприятен этот философско-астрономический разговор, который был для меня непонятен и недосыгаем. Поэтому я обняла маму и стала ее ласкать.

- Дочка, ты кажешься мне похудевшей! У тебя ничего не болит? Еда то хоть есть у тебя, моя дорогая? – сказала она и утерла слезы платком.

- Не волнуйся,мама, у меня все есть. Пойдемте ко мне, вы с дороги, наверное, голодные!

- Нет, дочка, у нас нет времени. В другой раз,может быть, да мы и не голодны вовсе, но когда будешь есть, положи и для нас воду и хлеб.

Мама целовала меня, отец гладил по голове и ласкал так, словно прощался. Затем, как всегда, обрушил на меня вихрь нравочений. Родители ушли. Я не плачу, смотрю удивленно на их освещенную ярким светом дорогу, сама стою в темноте, не понимаю, где я. Вдруг меня обуял страх. В это время пепел чудовища соединился, смешался, все здание задрожало, и из пепла восстало, нет не чудовище, а что-то огромное, похожее на робота, который, не заметив меня, наступил на мою грудь своей огромной, похожей на утюг, ногой, раздавил меня и ушел медленными шагами.

... Я проснулась. Хорошо, что оставила свет включенным, не то, действительно, сошла бы с ума. Открыла глаза, уставилась на потолок, не могу понять, жива я или нет, ощупываю рукой свое избитое, раздавленное тело. Чувствую, что душа далека от тела. В таком состоянии я находилась до тех пор, пока не услышала стук в дверь. Слышу, но не могу найти в себе сил, чтобы подняться. На счастье, дверь оказалась не запертой, и я услышала, как кто-то тихо отворил ее и вошел в дом. Нет сил крикнуть: « Кто там?» Какая-то тень приблизилась ко мне. Ой, спасибо, господи! Это же тетя Кетеван, моя соседка, которая для меня была и бабушкой, и мамой, разделяющей все мои беды и радости.

- Почему не встаешь, дочка? Ты не больна ли? Так долго ты никогда не спала. Смотри, не опоздай, дочка!

Хочу ответить тете Кетеван, но не получается, а мозг работает ясно: все понимаю и осмысливаю, только тело не подчиняется мне, нет силы. Кетеван, подойдя близко, вскрикнула:

- Что с тобой произошло, девочка? Что, увидела плохой сон? Почему ты вся синяя? Может кто-то напал на тебя, дочка... – спросила она и стала читать молитву против страха. Затем принесла холодную воду, помассировала мне грудь, шею и уши.

Потихоньку силы вернулись ко мне, и я пошевелилась, руки заработали. О, господи, убей меня! Что это произошло со мной? Я обмочилась, обмочилась к тому же. Вот тебе и «Черная магия» .

- Не остановишься? – спросила я себя громко.

У Кетеван глаза полезли на лоб. Наверное, она думает, что я сошла с ума.

Я села в постели, чувствую, что силы вернулись ко мне. Мне надо встать. Чтобы Кетеван не видела моего тела, я попросила ее пойти в ванную и посмотреть, идет ли вода. Мне хотелось принять душ. Кетеван вышла, из ванной она крикнула мне, что вода идет.

- Наполни ванну, и я сейчас же приду! – крикнула я с кровати.

Кетеван стала наполнять ванну, а я быстро оделась, сняла постельное и бросила его в корзину, постелила чистое и поменяла нижнее белье. Затем бросилась в ванную.

Холодный душ отрезвил меня и придал сил. Я посмотрелась в зеркало. Боже мой! Грудь, горло и плечи – все синие. Значит, вчера меня избили не во сне, а наяву.

Искупалась, обсушилась и опять легла в постель. Тетя Кетеван принесла чаю, я не отказалась, выпила, и после ночной борьбы уснула сладко. Выспавшись и обсохнув, я проснулась, посмотрела на часы: было

уже три. Тетя Кетеван сидит у моего изголовья. Увидев меня с открытыми глазами, спросила:

-Проснулась, дочка? Крепко же ты спала, даже ни разу не шевельнулась во сне. Очень тебя мучал тот, чтобы правая рука его отсохла! Ты узнала его?

Улыбнувшись, я села в постели; плечи, грудь и горло горят. Стала осматривать свое тело, помню, что, когда принимала душ, тело было красным, немного переходящим в синеву. А теперь, это ожог первой стадии, весь в волдырях. Поправив подушку, я навалилась на нее спиной и чуть позже ответила Кетеван:

-Нет, тетя Кетеван, не смотри на честь мою ревнивым взглядом. Никто не беспокоил меня, это все произошло во сне.

- Эх, дочка, зачем тебе хитрить? Я же женщина и блестяще знаю женскую природу. Если мужчина не может жить без женщины, то и женщина не может существовать без мужчины. Различие между ними только в том, что женщина хранит тайну всегда, а мужчина – редко. Женщина, дочка, настолько является женщиной, насколько в ней женских черт. В чем же проявляются эти женские признаки? Конечно же, в тепле, отдающем женщиной, и принимающей ласки мужчины перед сном. Многие называют это слабой силой воли, но мой взгляд совершенно противоположен по поводу расцвета и бессмертия организма...

- Ох, Всевышний! Еще одна Лонда. Наверное, в молодости она была похожа на Лонду, теперь со мной чешет язык и развлекается, вспоминая свою молодую жизнь. – подумала я, но вслух ничего не сказала.

Она продолжала разговор:

- Если перечитаем библию, а в библии написана правда, так как то, что создал бог, человек описал и оставил нам. Бог на шестой день создал из земной пыли похожего на себя человека Адама (по-еврейски Адам – это земная пыль). Так что в родстве человека и бога существуют два признака: «икона» и «сходство». Первое, это внешнее явление, а второе – внутреннее.

Человек своей сущностью является лицом Всевышнего, отражение его величия, безграничной духовной потенции, что же касается внедрения творческого навыка в похожее на бога существо, оно предугадывает духовную связь между человеком и богом.

Первое бог безвозмездно присваивает человеку, а второго он должен достичь сам. Бог поселил Адама в сад Эдема садовником и хранителем. Адам ухаживал за садом в одиночестве, и у него не было достойного помощника. Бог заметил печаль Адама и сказал: «Не гоже быть Адаму одному, создам ему помощника!»

Во время сна Бог вынул у спящего Адама одно ребро, создал из него женщину и отправил к Адаму. Адам очень обрадовался и сказал: «Это кости из костей моих, это мясо из мяса моего!» Поэтому мужчина оставляет родителей и воссоединяется с женщиной, чтобы быть с нею единым целым.

Нам неизвестно, сколько времени жили первые люди в раю, но точно известно, пока Адам и его помощница были в раю, во вселенной царили мир и вечное блаженство.

- Тетя Кетеван, я хоть и слушаю тебя внимательно,

но не принимаю в свой адрес тех упреков, которых не заслужила. Жизнь первых людей очень интересна, но было бы лучше, если б они не нарушили приказ Бога и не съели б запретного плода.

Скажите лучше, может вам известно какое-нибудь лекарство от ожога во сне?

-А ну-ка, покажи твой ожог, - мне показалось, что она не верит, и я услышала в ее голосе насмешку, все-таки откинула одеяло и сняла рубашку. Увидев мое обожженное тело и отпечатанный на груди след от утюга, тетя Кетеван вскрикнула, от удивления глаза ее поползли вверх.

- Что с тобой произошло, дочка? У кого поднялась рука сжечь твоё прекрасное тело? – шепотом произнесла Кетеван и вышла к себе, чтобы приготовить лекарство от ожога.

Через пятнадцать минут она вернулась и принесла лекарство от ожога, «воск и подсолнечное масло, соединенные вместе». Я намазала мазь, которая успокоила боль, и попросила Кетеван рассказать еще что-нибудь.

Кетеван чересчур многословна. Надо отметить, что помимо увиденного собственными глазами, она прочитала много разрешенных и запрещенных книг, поэтому справедливо называет себя образованным человеком.

- Да! Я говорила о женской хитрости, о которой вспомнила, засомневавшись в твоей порядочности, из-за чего прошу простить меня, - так, извиняясь, начала Кетеван. – Мы уже знаем, что Бог-отец и творец мира усыпил Адама, достал у него ребро и создал

женщину, но мы не знаем точно, я не говорила, что из человеческого ребра не получилось бы женщины, и что он решил добавить. Да, задумался бог, но вскоре нашел выход. Человеческому ребру добавил бог немного лунного света и округлость, запутанность вьющегося растения, трепыхание травы, стройность тростника, слезы облаков, мимолетность ветра, страх зайца, кокетливость павлина, прозрачность алмаза, мягкость пера, сладость меда, жар огня, холод снега, чириканье птахи, стрекот сороки, свирепость тигра, рык льва, яд змеи, хитрость лисицы, таинственность обезьяны, ласковость кошки, разнузданность свиньи, красоту и нежность розы. Все это бог соединил воедино, вдохнул в женщину душу, и подарил ее мужчине. Мужчина очень обрадовался такому подарку, но по прошествии восьми дней вернул женщину богу со словами: «Это, что за существо ты подарил мне? Она отравляет мне жизнь. Я не могу больше выносить ее присутствия!»

Творец вернул женщину, но через неделю мужчина опять вернулся к нему с просьбой: «Жизнь моя опустела после того, как я вернул ее тебе... Умоляю, верни ее!» Бог исполнил и эту просьбу, но не прошло и трех дней, как мужчина вновь возвратил женщину всевышнему. Рассерженный бог воскликнул: «Отстань от меня, человек! Живи так, как пожелаешь!»

- Я не могу жить вместе с женщиной! – сказал человек.

- Но, ты не можешь и без нее! – был ответ бога.

Так что, моя девочка, в женщине заложено все, и пусть тебя никогда не удивляет то, что тот, кто знает

женскую природу, посмотрит на тебя с подозрением.

Еще Аристотель считал рождение женщины ошибкой.

А Платон каждый день благодарил бога за две милости: что родился свободным, а не рабом, и, что родился мужчиной, а не женщиной. А поэтические строки Шекспира, наверное, читала и ты: «Ничтожество, тебя должны звать женщиной!»

« Если хочешь, чтобы тебя не посчитали дураком, не ищи в женщине того, чего не сможешь найти!» - говорит Кабус –Нама.

Но главное говорит Ревер: « Ты должен обходить стороной любую женщину, и в первую очередь, ту, которая несет с собой успех. Разве в такой женщине есть добро, наоборот, предательство ее всегда следует за большим успехом.»

Но не всегда у женщины найдутся хулители. Вот что говорит Дидро: « Когда ты желаешь говорить о женщине, обмакни перо в радуге и стряхни на крылышки бабочки!»

Больше всех радуется существованию женщины Буаст. Он говорит: «Без женщины рассвет и сумерки человеческой жизни были бы несостоятельны, а полдень – безрадостным!»

-Я все равно не поняла, кто из этих мудрецов прав? – спросила я Кетеван.

- Что ты не поняла, девочка?! – обиделась Кетеван.
- Все люди правы: кто ругает – прав, и, кто восхваляет - тоже. Разве бог бездарно соединил все признаки живых? Некоторые в женщине видят ничтожество, и это тоже правильно, некоторые – коварство, и это тоже верно,

некоторые – нежность, и конечно же, все правы. Все дело в том, что ты увидишь в женщине, у нее есть все.

- Молодец, тетя Кетеван, такую лекцию мне еще не приходилось слушать. Разве это не грех, что ты сидишь дома, а некоторые необразованные читают лекции в институте. – Эти слова действительно были сказаны мною от всего сердца. Тете Кетеван стало приятно от доброго ласкового слова. Она тотчас же принялась готовить обед.

- Да! Кетеван занята готовкой обеда, а у меня перед глазами стоит весь ужас, увиденный во сне, и печальные лица родителей. Я всегда буду делать так, как просила мама: поставлю стул, хлеб, воду и налью обед, какой будет у меня.

Я так обожжена, что не смогла сегодня пойти в институт. Может, смогу завтра, но не думаю, чтобы этот ожог прошел бы так быстро. Даже, если и выйду на улицу, все равно не выдержу боли. Лучше лечиться дома в постели.

7 сентября 1945 года, пятница.

Эту неделю я лежала, никуда не ходила, ни в институт, ни в цирк. Лекарство, приготовленное Кетеван, подошло, ожог практически не виден. Сегодня можно было бы пойти в институт, но Кетеван привела врача, так что я свободна до понедельника. Врач написал мне справку и сказал, что этот документ пробьет даже каменную стену.

Эти дни я решила провести дома. Не подозревая

о такой начитанности Кетеван, убедившись в ее образованности, я решила углубить свои знания, а также записать пару слов в дневнике. Я лежу. Убедившись в моей правдивости, тетя Кетеван ухаживает за мной, как мать. Вчера она спросила:

- А что же тебе приснилось? Отчего ты была такая обожженная?

Конечно же я укрыла от нее молитву из «Черной магии», но об остальном рассказала очень подробно.

- Вот бы мне увидеть во сне моих мужа и сына, я бы вынесла и не такой ожог, даже если б утром нашли меня, превращенную в пепел.- со вздохом произнесла тетя Кетеван и прибавила:

- Это чудовище Германия сначала превратится в кучу пепла, но, в конце концов, все равно поднимет голову, и случится все так, как тебе привиделось, если нас не спасет Всевышний. Пусть останется это между нами, но я не видела таких снов. Я – одинокий, оставленный богом человек живу снами, но такого не видела. Сон – это ключ клеток мозга спящего человека, которые предчувствуют ожидающую опасность или счастье.

Люблю страшные сны. Ты себе представить не можешь, какая это радость проснуться утром после страшного сна, где ты борешься, побеждаешь, проигрываешь, и вновь ранят тебя, целой и невредимой. Наверное, невозможно описать радость того утра. Разве эта огромная радость не стоит беспокойной ночи? Иногда мне так хочется увидеть страшные сны, что укладываясь в постель, представляю себе, что надеваю доспехи и готовлюсь к бою, или же куда-то уезжаю, чтобы найти новые приключения.

Кетеван неожиданно прервала разговор, словно ее захватила какая-то мысль и она затихла, затем глубоко вздохнула и сказала:

- Я родилась в плохое время, все испытания выпали на мое поколение, позавчера ты сказала, что я очень начитанна! Зачем читать, когда я видела все своими глазами. Какое сердце или книга вместит все это!

- И все-таки, что ты видела тетя Кетеван?

- Видела такое, что скажешь не при всех, дочка.

- А мне?

- Наверное, и ни тебе, ну все равно скажу. Я ведь одна, надоело жить, устала от ожидания и одиночества! Война закончилась, а мужа и сына не видно, что-то стряслось с ними. Боюсь узнать о них плохое, наверное сойду с ума, и стыдно мне, все же не поймут, от чего я сошла с ума. А смерть есть смерть, благословенно будет имя ее! О чем еще мечтать, если человека похоронят в земле? Разве сравнишь смерть того, кого разорвала граната, а чуб утатило воронье для гнезда, со смертью тех, кто достойно покоится в родной земле? Не думай, дочка, что я оскорбляю твою образованность, но многим не понять силы движения моего сердца и похожих на него сердец, которых заставляют биться три основных чувства, где находится их жизненная сущность и душевное волнение. Это любовь и ненависть, радость и печаль, надежда и страх!

Коммунисты знают об этом блестяще, знают даже то, что у них нет этих чувств, и не вооружены они мыслями и знаниями Всевышнего. Поэтому они не выходят за природные рамки, и так как большинство

из них обладает сознательностью, которая возвышает их над остальной толпой, они дорожат своим преимуществом. Вот почему обладатели величия не выносят презрения и насмешки, и не прощают позора, являющегося неистовой страстью.

Большая часть коммунистов, обладая небесным даром, стоит выше обыкновенного смертного. Коммунисты знают, что отнять, а что оставить толпе. Поэтому у людей отняли три основных чувства: радость, любовь и надежду. Что же им осталось? Ненависть, скорбь и страх.

Кто сможет доказать мне, что «счастью», добытому во время революции не сопутствуют ненависть, скорбь и страх? Тогда, как мы назовем тюрьму и то наказание-мучения миллионов людей, которые принесла нам эта «счастливая» революция? Любовь молодежи к социализму – это пережиток прошлого, так как нельзя сказать: «Телесная мука – это блаженство души.» Это бездоказательный парадокс, так что, ваша любовь, сегодняшняя учеба и жизненное блаженство перемешаны с тысячью горестей, или скажем точнее, это бесконечное переплетение горестей, и дорога, по которой мы идем к социализму вымощена горем.

Я чувствую силу образованности Кетеван и понимаю ее мудрость, продвигу свое поражение, но все равно решаю поспорить, так как больше нет сил молчать, не хочется, чтобы она посчитала меня необразованной.

- Калбатано* Кетеван, - сказала я, - вы оскорбляете

* Калбатано – госпожа (уважительное обращение к женщине)

здоровый взгляд коммунистов, хотя сами отметили, что большинство из них награждены божьим даром. Значит, мы пока не стоим на их высоте, мы должны поверить написанному ими закону, принять его и считать своим.

Люди полюбили новую жизнь и признали «отцом» того, кто вселил в них дух этой жизни. А я считаю его несчастным «отцом» в руках людей с гимназическим образованием, старого пережитка, которые и сегодня живут устаревшими идеями социализма и оскорбляют его создателя. Несмотря на это, «отец» любит детей, не жалеет для них достойного воспитания, но плачевно то, когда он видит в них прониру, обманщика и человека, идущего на крайности. Может «отец» утешит себя, изменив судьбу, время лечит и развеивает все, скорбь уменьшается. Но где найти лекарство, излечивающее горе, принесенное детьми своим недостойным поведением?

-Эх ты, глупый ребенок! – сказала Кетеван. – Неужели вы никогда не увидите благоразумие собственными глазами? Вы, может, ответите, что условие сегодняшней жизни – благоразумие, что в жизни, добытой с помощью революции, не встречаются тираны, не существует пыток на кресте, что страна полна только доброжелательными людьми, а в действительности ничего не изменилось, все осталось по-прежнему: и сущность людской жизни, и закономерность, которую вы никогда не увидите.

Не знаю, правильно ли рассуждает Кетеван, но одно - правда, она очень образованна, чего я не замечала до сегодняшнего дня.

Если мы не поняли друг друга, то это не значит. Что Кетеван рассуждает неверно. Она со своим гимназическим образованием поклонница того духа. Который помог ей получить образование и культуру. А я выросла во время правления социалистического класса, учу и читаю вопросы современности. Меня никогда не интересовало копаться в прошлом, но это, однако, является самым необходимым в первую очередь, чтобы узнать и понять, «откуда ты идешь» и «кто ты». Учусь в институте, считаю себя образованной, но оказывается я невежа в трех вопросах, (как об этом говорит Кетеван).

Первое невежество это то, что я ничего не знаю.

Второе, что знаю плохо то, что знаю.

А третье, что знаю не то, что должна знать.

10 сентября 1945 года, понедельник.

Прошедшие события влияют на человека так же, как и время. И правда, тот, кто прожил долгое время на белом свете, является свидетелем многих интересных событий. История, как люди, чем богаче она важными событиями той или иной нации, тем в большей степени отливает цветом старины. Ну, как по-другому объяснить те великие традиции и обычаи, которые достойно отразились в летописи Грузии. Когда мы глазами разума смотрим на прошедшие дни истории Грузии, этот период кажется нам далеким и туманным, так как произошедшие в жизни тысячи изменений, навалившиеся воспоминания, относят нас к далекому

прошлому, к истокам истории нации, и кажется, что она утопает во тьме прошлого. А в действительности, вполне достаточна средняя продолжительность жизни двух поколений, чтобы устно пересказать все, что было сделано цивилизованными людьми в Грузинской республике.

Пусть бог осудит тех, кто внес «достойный» вклад в попытку предать Родину и уничтожить нацию.

Я никогда не верила в существование бога, потому что росла иначе, да и мои родители не сдирали кожи с коленей во время молитвы, но то, что я совершила с помощью «Черной магии», заставило меня поверить в чудеса природы и в их божью сверхъестественную силу.

Мне кажется это смешным, и я даже приписала авторской фантазии паука Циклосмия, на спине которого изображено человеческое лицо с щитом, форма рыбы «Клариус» полностью повторяет картину распятия Христа на кресте Сфинкс, на спине изображен человеческий череп со скрещенными костями, рыба «Холавантус» с человеческой головой, на хвосте которой четко написано на древнем арабском языке: «ла илла ил алла» (не существует иного бога, чем бог Аллах), и «шани алла» (бойся Аллаха). Таких чудес можно пересчитать множество, от раскрытия которых пока воздерживаются естествоведы. Нет! Да простит меня господь, если я согрешила из-за незнания. Теперь, я уверена, что на нашей планете действует огромная божья сила, под воздействием которой мы находимся. Для нас божья сила остается чем-то удивительным и чудодейственным, неразгаданным и недостижимым, в

ее правдивости засомневается человек. Самая близкая звезда отдалена от нашей планеты на расстоянии нескольких световых лет. Как может небесная планета исполнить задумку человека в какие-то доли секунды? Не знаю, я сама творю чудеса и еще сомневаюсь в воздействии небесной планеты.

В институт я пришла с опозданием, некоторые из моих однокурсников знали о моей болезни, они стали расспрашивать, как идут мои дела. Всем отвечаю: «Хорошо!» И правда, если иметь в виду личную жизнь и здоровье по отношению ко времени, я действительно не чувствую себя плохо. Учусь и работаю, получаю в цирке солидную зарплату, на которую мои коллеги содержат целые семьи. Надеюсь быстро пополнить своими средствами мою разграбленную семью.

Домой я вернулась поздно из цирка. Тетя Кетеван улышалась, как я пришла и открыла ключом входную дверь. Она, уставшая от одиночества, ждала собеседницу. Тетя Кетеван ухаживает за мной, за своей единственной надеждой, как любящая свекровь. Несмотря на экономические трудности она приготовила хороший ужин. Мы поужинали вместе, и, чтобы остановить словесный поток тети Кетеван, я спрашиваю ее:

- Тетя Кетеван, какого вы мнения о рождении человека? Неужели в нашем рождении замешан бог?

- Как не замешан, дочка? – ответила она.- Так, как бог сотворил и родил этот мир и человека, не смог бы сегодня сделать лучше этого сам бог. Пусть не кажется тебе, что мир полон только злом, сеется в нем также много добра, и зерно добра никогда не погибнет. Если

б бог населил землю только хорошими людьми, то в жизни не было бы радости. А также земля не должна быть населена только злыми людьми, не то зло поглотит себя, и земля останется безлюдной.

На сегодня цель жизни заключается в борьбе. Говорю «борьба», но не путай борьбу с войной. Жизнь – это борьба! Каждый из нас борется в жизни за кусок хлеба и, когда добивается цели, радость становится безграничной. Иногда желание приобрести больше богатства возрастает во время войны. Немало войн выпало на долю человечества в период его существования. Швейцарец Жан Жак Бебель безошибочно высчитал количество войн и оценил ущерб, вызванный ими. В результате вычислений великого ученого в течение 5 000 лет человечество перенесло 14 500 войн, в которых погибло 5 640 млн. Человек, а материальный ущерб составил 500 млрд. швейцарских франков. Если эту сумму превратить в золото и обнести им экватор, то получится обруч толщиной 10 м и длиной 8 км. Теперь, представь себе, если эта сумма использовалась бы в мирных целях, какой была бы жизнь? Но, что случилось бы тогда если бы остались живы 5 640 млн. И их потомство? Так что мы не можем упрекать бога, он знает лучше, как управлять сотворенным им миром и людьми.

- Вы правы, тетя Кетеван. Но, если бог знает, кого посылает в этот мир, то родитель тоже должен знать, каким вырастет его дитя? Как я скажу, что в моем рождении замешан бог? Знай родители о моей судьбе, не родили б меня для мучений.

- Нет, дочка, не упрекай ни бога, ни родителей.

Все должно быть так, как узаконено в этой жизни. Человеку не надо знать ни о смерти, ни о жизненной судьбе. Хочешь верь, хочешь не верь, тогда я была маленькой девочкой. Как-то принесла я радостную весть одному человеку, что у него родился четвертый ребенок и третий сын. Он подшивал сапоги. Мой неожиданный возглас: «Поздравляю с рождением сына!» - заставил его вздрогнуть, шило впилося ему в руку. «Тьфу!» - плюнул он, кинул шило, высосал из раны кровь, опять плюнул, и не поблагодарив меня, задумался. Кто знает, о чем тогда думал Бессарион, может о трудностях воспитания четверых детей, или о длинной незнакомой человеческой жизни, только не знал он, что был отцом Сталина, не то не пожалел бы для меня подарка за такую радостную весть.

- Что вы говорите, тетя Кетеван? Вы знали Сталина лично?

- Не только знала, дочка, мы выросли вместе. Всю молодость провели вместе, и корью переболели, спаслись чудом. Тогда была сильно распространена корь, и кто заболел ею, редко выздоравливал от этой неизлечимой болезни. В деревнях, где вспыхивали очаги болезни, все здоровое население покидало насиженные места. Корь унесла жизни двух братьев и сестры, и, как я уже сказала тебе, меня и Сосо спасло божье провиденье.

- С ума ты сведешь меня, тетя Кетеван! Теперь, когда Сталин занимает такое положение, почему не напомнишь ему о юношеской дружбе?

- Сталину не надобно напоминать, он все прекрасно помнит. И о чем я попрошу его, когда все население

находится в одинаковой бедности, и даже сам Сталин.

- Если бы ты попросила Сталина не призывать на войну твоих мужа и сына...

- Что ты говоришь, дочка? Эта война войдет в историю как спасение трудового народа. Как я могла укрывать дома моих мужа и сына, когда стране и самому Сталину было трудно? Твоих родителей тоже не призывали, но им диктовала человеческая совесть, они отправились туда, куда звала их Родина. Как я могла просить Сталина не забирать моих родных, когда собственного сына он отправил на передовую защищать Родину?

Тяжелораненого Якова взяли в плен. Была создана специальная разведывательная группа для спасения Якова из плена, но Сталин не поддержал этого: « Не считаю верным принимать исключение ради одного военнопленного!» - сказал Сталин. Чрезвычайная операция была отменена. Прошло время, Сталину рассказали про пытки над Яковом и предложили обменять его на фельдмаршала Паулюса, но Сталин, после недолгого молчания, ответил:

- Мы не меняем солдата на фельдмаршала! – Затем, задумавшись и представив себе невыносимые душевные и физические пытки, добавил: - Верю, что Яков останется преданным сыном в моем сердце и в сердцах людей.

Якова в плену сильно пытали, затем убили, но он остался «верным сыном своего отца и народа Сталин, как и сын его, выдержал все пытки и муки, и кто знает, сколько раз в ожидании своего отрока на глазах его застывала непролившаяся слеза!

Нам не всегда удается здраво, без боли, взглянуть на общее дело, а Сталин всегда здраво смотрит на это... – вздохнув глубоко, закончила разговор тетя Кетеван.

Сегодня восхитительный день. Я нашла человека, который провел со Сталиным всю молодость. Спасибо тебе, боже, за такое добро. Не всем выпадает на долю такое огромное счастье.

7 ноября 1945 года, среда.

Сегодня праздник в честь Октябрьской революции. Люди сильнее поюбили его после войны и победы, так как лидеры революции внесли большой вклад в победу над фашизмом ... Комсомольская организация нашего курса заложила традицию, и сегодня мы едем на экскурсию в Гелати. Основательно подготовившись к поездке, сегодня утром мы отправились в Гелати.

В Гелати мыслящий критически, честный человек благоговейно содрогается и осторожно переступает по камням, где захоронены останки большого мыслителя, останки того титана, который находился недостижимо далеко, над облаками, как представлял себе человек. Мысль рассеяна оттого, что я и подобные мне, ходим по земле, а Давид покоится в земле. Это делает Давида великим, велика его заслуга перед Грузией. Кажется, в том, что я хожу по земле, заслуга этого титана. Действительно, это так. История Грузии гласит, что читать ее необходимо на грузинском языке, мы обязаны этим Иванэ Мачабели. Благодарные ему навеки, мы можем освоить мудрость Давида на родном языке, сделать бессмертным его вклад и насладиться

неиссякаемым богатством грузинского языка.

Давид – это такая вершина человеческого разума, после которого невозможно никаким чудом удивить человечество, отличающееся мудростью и отвагой борьбы ради родины. Смотрю на камень, на который должна наступить и войти в монастырь. И вспоминаю невольно надпись, сделанную на мраморном камне на могиле Ньютона, и произношу громко, заменяя в своем изречении имя Исаака Ньютона на Давида Агмашенебели: «Этот мраморный камень признает Давида Агмашенебели смертным, а время, природа и небо подтверждают его бессмертие» .

Сказанные мною слова вызвали восхищение у моих друзей, и каждый из них с благоговением наступил на надгробный камень. Я тоже, наступив с уважением, вошла в монастырь. Мы знакомимся с одним из самых старых культурных центров Грузии, фундаментом духовной академии и душой христианской веры. Уставшие от восьмичасового осмотра чуда, мы покидаем окрестности Гелати.

Дома все нормально, если только можно так назвать мою жизнь, тогда весь мир живет нормально. Что значит нормальная жизнь: наестся и лечь? Да, значит я чувствую себя нормально, но что делать, ведь я человек и думы, присущие людям, не дают мне права не думать о моей Хатуне и о предательском поведении Валерия. Посмотрим, что принесет мне время, думаю, что встречу Валерия и оплачу ему сполна. Если понадобится, использую «Черную магию», не остановлюсь даже перед страхом своего уничтожения, лишь бы имя его бесследно стерлось с земли.

1 мая 1946 год, среда.

Однажды Александр Македонский решил повидать великого мыслителя и философа Диогена и побеседовать с ним. С блистающей свитой подъехал он к месту, где жил Диоген, которому была ненавистна роскошь; жил он в бочке, и наготу его прикрывал рваный плащ. «Если человек хочет быть счастливым, он должен довольствоваться малым,» - говорил он. Когда великий полководец приблизился к месту проживания Диогена, тот лежал перед своей бочкой и грелся на солнце. Македонский долго беседовал с Диогеном и, очарованный философским мышлением сказал:

- Глубокоуважаемый, нет ли у тебя какой-нибудь просьбы? Скажи, мы с удовольствием исполним ее.»

- У меня одна просьба, исполни ее: отойди, не загораживай мне солнца! – ответил Диоген.

Задумался полководец, затем громко произнес :

- «Если б я не был Македонским, хотел бы быть Диогеном!» - Кто знает, о чем тогда подумал великий грек, философ: о затмении солнечного луча. Который согрел его, или о затмении всего человечества от непрерывных войн?

Или, кто знает, как понял великий полководец высказывание мудреца, что ему самому захотелось стать Диогеном?

... Я повторю высказывание мудреца и скажу Валерию: «Не затеняй мне солнца! Верни мне моего дитя, мою Хатуну, мою любовь, частицу моей души и тела. Пожалей меня, ты, что, не человек? Кто знает.

Может он пожалеет меня. Если не хочет быть со мной, пусть уходит, боже, я не последую за ним!

Давно не открывала дневник и ничего не записывала. ТО, что записала сейчас, эта мысль не дает мне покоя, я ищу выход, но для дневника одно и то же надоедливо.

Я должна увидеться сВалерием, мне нужно найти Хатуну и вернуть ее. Может и правда, мне предначертано воспитывать ее, как сказала тетя Мариам. Может, сбудется ее предсказание?

Да! Мне надо побывать на могиле тети Мариам, надо присмотреть за могилой и домом, но пока на это нет времени. Работаю и учусь. Скоро закончу учебу и обязательно побываю в доме и на могиле тети Мариам.

22 апреля я была в университете, где учился Валерий, познакомилась и подружилась с личным секретарем ректора Лали Нуцубидзе, с помощью которой узнала, куда распределили Валерия Арабули. Это не было тайной, и Лали не поленилась и помогла мне. Я узнала город и точный адрес, который посчитала лишним записывать в дневник. Еще много чего узнала о Валерии. Неужели, это правда? В конце концов, раскроется его злодеяние, и он заслуженно получит гнев людей, но мне все равно жаль его. Неужели я люблю его? После того, что он сделал со мной, о какой любви можно говорить?

Господи, помилуй!

24 июня 1946 года, среда.

В мае я успешно сдала экзамены, начала работать над дипломом и сегодня 24 июня защитила его. Мы, окончившие институт, решили устроить банкет и пригласить ректорат. Для празднования выбрали мою квартиру. Несколько девушек вместе со мной и тетей Кетеван приготовили сказочное угощение. Пир продлился до утра. Этот вечер стал незабываемым для всех нас. К победе над фашизмом прибавились радость защиты дипломов и забота о самостоятельной жизни. И правда, головокружительно счастье, неповторимо в жизни прощание с годами молодости, помощь старшим в воспитании будущих поколений.

Пир продлился до утра. Утром я и тетя Кетеван начали убирать со стола и мыть посуду. Кетеван радуется вместе со мной и просит остаться в городе после распределения. Но сердце зовет меня в тот город, где живут Валерий и моя Хатуна. Посмотрим, как распорядится судьба. В четверг назначено распределение, я решила категорически требовать назначения в провинцию. Тетя Кетеван догадывается о моих намерениях и говорит:

- Дочка, Мери, правда, живем мы в бедности, может и надоела я тебе, старая, постоянно находясь рядом с тобой, но мне осталось жить мало, поэтому не отталкивай меня, не стирай в этой семье следов твоих родителей. Найди подходящую работу в городе, не то, знай, я умру, и грех за мою смерть падет на твою голову.

- Тетя Кетеван, я не могу отказать на распределение. Ну-ка, подумай сама, сколько потратило государство

на наше образование. Как я могу отказаться от службы на благо Родине?

- Я пойду, дочка, и попрошу вашего главного. Разве мои муж и сын не пожертвовали собой ради спасения Родины? Пусть хоть теперь не разлучают нас и не делают горькой мою старость. Ты сегодня, дочка, не аттестат зрелости получила, твой разум вооружен дипломом мудрости и знаний, поэтому тебе непроспительна ребяческая ошибка, обрати молодую отвагу свою на благо твоей семьи.

Правда, мы не находимся в хороших условиях, но в другом месте не ждет тебя лучшее. Не существует такого плохого окружения, которое разумный человек не развернул бы на пользу себе. Трудом своим и учебой ты не хуже других. Не ищи новых бед, дочка!

- Хорошо, тетя Кетеван. В четверг пойду и попрошу ректора института оставить меня в городе, - солгала я, чтобы мне никто не помешал в моем решении.

- Я тоже пойду с тобой, знай, никакая сила не выдержит мою просьбу. Если он человек. То поймет меня и войдет в положение. Никогда не осторожничала я, думала, что с годами моя осторожность прибавится, но поняла, что если ее нет в тебе с рождения, то ничего не изменит тебя. Я не слежу за здоровьем, наверное, поэтому появился у меня страх, боюсь одиночества. Надеюсь, что тот, в чьих руках находится наша судьба, не отнимет у меня последнюю мою надежду, не разлучит нас.

- Понимаю тебя, тетя Кетеван, но не могу не уехать хотя бы на год на работу в район. Ты не понимаешь меня, потому что, извини, но я не все рассказала тебе, не раскрыла своего сердца. От борьбы с собой

я обессилила, боюсь потерять навык борьбы, так как в борьбе с другими человек закаляется, а с самим собой – обессиливает. Я тоже обессилила, не могу больше терпеть и выносить муки. Мне необходимо увидеть человека, который объявил мне войну, и я не сдамся без борьбы. Детство и юношество прошли в мучениях. Я не боюсь смерти, потому что борюсь с детства и нахожу в этом успокоение. Остаться дома и продолжить борьбу с собственным сердцем? Знаю, что оно не выдержит той тяжести, которая не дает мне покоя. Что ты посоветуешь, тетя Кетеван: жить для того, чтобы есть и стирать испачканное белье? Убить время и ожидать старости? – Ничего не выйдет. Время сильно, знаю, что похоронит меня раньше срока и без имени. Будет лучше жить в отведенном мне времени и заставить его жить по-моему. Тогда оно наградит меня достойной жизнью, не умрет бесследно вместе со мной, я должна сделать все невозможное, иначе жизнь для меня станет тюрьмой.

- У меня нет права запретить тебе то, о чем ты думала годами и сейчас наступило время исполнения замысла. Воля твоя, вижу в тебе и мудрость и отвагу. Жизнь такова. Я тоже люблю борьбу, и если ты веришь в победу. То обязательно победишь. Но мне жаль тебя, дочка, ты ведь пока неопытный ребенок, и я боюсь, вдруг не выдержишь жизненных бедствий. Почему ты подразумеваешь под борьбой с жизнью борьбу с личностью? Хорошо, борись с жизнью и не жди старости, ничего не делая. Создай семью, исполни долг женщины перед Родиной, и повысь достоинство именем матери.

- Нет, тетя Кетеван, я не борюсь с личностью, это

личность борется со мной, и именно с этого начинается моя борьба с жизнью.

Человек, ожидающий меня на жизненном перекрестке, не пускает вовнутрь, поэтому он должен умереть, не потому, что он заслуживает ее от меня. Нет, я прощаю ему, но у целого необходимо оторвать часть, чтобы не помешать другому войти в круг жизни. Я надеюсь, что окажусь победителем в этой борьбе, так как сама помогу своим вере и надежде.

- Ты так говоришь, словно и впрямь замыслила кого-то убить, дочка?

- Нет, тетя Кетеван, просто это к слову. Я подразумеваю борьбу с жизнью. Жизнь замышляет смерть, но я не хочу убить ее так, бесцельно!..

Мы еще долго беседовали. Помыли, перетерли и разложили на места посуду и домашнюю утварь. Затем Кетеван осталась ночевать у меня. Что поделаешь, трудно быть одной!

27 июня 1946 года, четверг.

Дневник, который я веду втайне от всех и не придаю ему большого значения, может стать неоценимым сокровищем и правдивым свидетелем моей жизненной сокрушенности, так как я не предавала выбранному мною пути, и не сдалась без боя тому, кто встал на моем пути. Страшно, когда человек думает о мести, но не думаю, что менее страшно, находясь в ожидании мести и не имея цели в борьбе, чувства самозащиты. Конечно же, мне было бы лучше убить Лонду песней.

Но зло не побеждается добрым помыслом, и мы иногда вынуждены ради победы достать меч, хотя убийства не должно быть даже ради блага. Оно все равно является злом и невежеством, но убийца должен быть гением, так как не каждый может смыть кровь со своих рук.

В институт я пришла в двенадцать часов. Сегодня нам раздадут дипломы и дадут направления о распределении. Меня хотят оставить на месте. Все удивились, услышав о моем отказе: придя к членам распределительной комиссии, я попросила направить меня в тот район, где жили Валерий и моя Хатуна. Мне не отказали, хотя от всего сердца посоветовали остаться на месте, в родном коллективе. В конце концов, после моей настойчивой просьбы, мне выписали направление по адресу выбранного мною города.

Уладив все дела в институте, я пошла в цирк и написала заявление об увольнении на имя директора. Он чуть сошел с ума: «Я растил тебя, как родную дочь, а теперь ты уходишь?» Он не хотел подписывать заявления, но я предоставила диплом и назначение в район. Тут же он стал предлагать тысячу разного, но я обещала ему вернуться через год, и он, после моей настойчивой просьбы, подписал заявление.

Вернувшись вечером домой, я дала волю мыслям. У меня еще много времени до отъезда в провинцию. Если уехать через месяц, явка все равно будет считаться своевременной. Поэтому я решила завтра поехать посмотреть дом и могилу тети Мариам. Если не засчитается мне грехом, я заберу «Черную» и «Белую» магию. Верю в чудодейственную силу этих книг, и как знать, может они пригодятся мне.

Как всегда, рядом со мной находится тетя Кетеван и своими надоедливymi вопросами не дает мне возможности подумать:

- Куда тебя распределили, дочка?

Я назвала тот маленький город, в котором через несколько месяцев должна была начать работу. Она засияла от удовольствия.

- Дочка, этот город находится не так уж далеко. Когда заскучаю по тебе, приеду повидаться.

- Грузия небольшая, можно обойти ее за месяц.

- Целиком она большая, дочка, а маленькая – по частям. Раз бог пожелал видеть ее целой и объединенной, постарайся всегда вносить свой вклад в ее целостность. Сражайся даже с богом, если он будет разъединять ее, не то потомки проклянут нас.

У женщин всегда найдется тема для разговора, тем более, если им предстоит расставанье. Кетеван стала учить меня житейским мудростям. Мы долго беседовали, затем я рассказала ей о своем решении, о поездке в Гагры, посмотреть дом и могилу тети Мариам. Я предложила ехать вдвоем, мне очень не хочется ехать одной. Кетеван согласилась, и мы решив отправиться первым утренним поездом, стали совещаться по поводу завтрашнего дня.

28 июня 1946 года, пятница.

Утром, встав рано и нагрузившись продуктами, мы отправились на вокзал, купили билеты в купированный вагон, и точно в 8 часов 15 минут наш поезд оставил

вокзал с многочисленными провожающими. Ехали хорошо, нет надобности делать лишние записи в дневнике о том, как познакомилась в купе с двумя молодыми женщинами, ехавшими в Москву. Или о том, как обедали и ужинали.

В субботу в 5 часов мы были в Гаграх. Мне радостно вновь увидеть знакомые места, пешком идем по центральной улице к дому тети Мариам. Мне как-то не по себе, сердце предчувствует что-то плохое, левый глаз дергается так сильно, что чуть не вываливается из орбиты. Я ничего не говорю тете Кетеван и тихо молюсь, чтобы бог отвел от меня беду. Так, в полном молчании, мы подошли к дому тети Мариам. Боже мой! Что я вижу?! От дома остались только закопченные от огня стены. Невольно вырвался крик и подкосились колени. Я стала оседать на землю возле калитки. Кетеван подняла крик, прибежали соседи. Очнувшись в соседском доме, я увидела, что лежу на тахте и меня оведают со всех сторон. Не знала, что у меня столько знакомых и сочувствующих, собралась почти вся улица. Так как все не помещались во дворе, некоторые смотрели через забор.

Мне стало стыдно за из-за моей слабости и я встала. Соседи обнимают и целуют меня, плачут вместе со мной. Всем сердцем скорблю по тете Мариам. Она стала жертвой гибели ее мужа и сыновей. Сгорел такой огромный и просторный дом, так уничтожено родовое гнездо одного прекрасного человека, предки которого заложили на этом месте его фундамент.

Открыв калитку моим ключом, я вошла во двор тети Мариам. Пожар полностью все уничтожил.

Южная сторона липы обгорела и высохла. Нетронутым осталось только деревянное кресло, стоящее под липой, в котором любила посидеть и подумать тетя Мариам. Я стала расспрашивать соседей, отчего начался пожар. Словно сговорившись, они стали пенять на электричество. Но я хорошо помню, как собственноручно обрезала электрический провод на столбе, стоящем около калитки. Подойдя к столбу, стала осматривать его. Провода на нем были разъединены так, как и прежде. Исключив, что в пожаре виноват электропровод, я стала расспрашивать соседей, когда они увидели свет в окнах дома тети Мариам.

- Вовсе не видели, заметили бледный свет только тогда, когда начался пожар, - ответила близкая соседка тети Мариам.

- Этот дом не сгорел от электрического тока, это дело рук злоумышленника. Но у кого был вражеский интерес к этой прекрасной семье? – спросила я неслышно, но соседи все равно откликнулись на мой вопрос. Стали доказывать, что не существует такого бессердечного человека, который смог бы сжечь дом тети Мариам. Я решила самой найти человека, совершившего это преступление, даже, если придется пожертвовать собственной жизнью, но решила промолчать, чтобы соседи ничего не заподозрили. Кто знает, может в эти минуты зверь, совершивший это, находится здесь и обманывает меня показными слезами.

Я стала обходить дом, следом за мной идут тетя Кетеван и целая свита соседей. На окнах дома поставленные мною железные решетки.

Все железные двери, кроме входной, оказались запертыми. Дотронувшись до входной двери, я стала оседать во второй раз, но Кетеван и одна из соседок вовремя поддержали меня, да и внутренний голос призывал крепиться.

Дверь оказалась взломанной и просто притворенной, замок был погнут. Сомнений не было, дверь сломали. Я не стала поднимать шума, взгляд мой был прикован к железным кроватям, брошенным в подвал первого этажа. Пожар случился ночью, поэтому соседи не успели спасти ни одной черепицы. Величие . созданное несколькими поколениями было полностью разрушено.

- Я обязательно найду того, кто это совершил, - тихо проговорила я и села в то кресло, в котором любила отдыхать тетя Мариам. Немного отдохнув и призвав все свои силы, я пригласила соседей на могилу тети Мариам, помянуть ее светлую душу. Желающих оказалось много, все жители улицы пошли вместе со мной, как похоронная процессия.

Мы прошли колхозный рынок. Я купила фрукты, большой букет роз, несколько бутылок шампанского, и мы направились к кладбищу. Все здесь было по-прежнему, только, (и в этом, наверное, моя вина), могилу покрывали сорняки и колючки. Упавна могилу, я заплакала так, словно оплакивала моих родителей. И в этом нет ничего удивительного, ведь тетя Мариам была мне, как мать и сберегла мою жизнь. Благодаря родителям и тете Мариам я жила на этом свете. Не простит бог, если я буду делать различия между памятью о них. Плача всей душой и сердцем, я

заставила плакать соседей. Никто не смог поднять меня с росистой травы. Громко, в голос, плакала и тетя Кетеван. Она обращалась к могиле тети Мариам:

-«Умру сегодня же, если Мери будет плакать по мне так же горько, как плачет она по тебе.»

Немного разболелась голова, но слезы так успокоили меня, что мне стало казаться, будто тетя Мариам находится рядом со мной, живая, и я слушаю ее мудрую речь. Стала выдергивать сорняки и колючки, из-под ногтей сочится кровь, но мне не хочется ничьей помощи. Я объявила соседям, что сама должна убрать могилу тети Мариам, все почувствовали себя неловко из-за брошенной без присмотра могилы тети Мариам. Которая действительно не заслужила такого отношения ни от меня, и ни от соседей.

Почистив землю руками, мраморный камень и изгородь собственной одеждой, я положила на могилу розы, зажгла две свечи и накрыла на стол. Тамадой выбрала соседа тети Мариам, вернувшегося с войны калекой Вартана. Люди не разошлись до тех пор, пока не выпили тост в память о тете Мариам.

У всего свое время: и у скорби, и у поминок. Время властвует над людьми, оно не отстает от мудрости, они вместе осваивают единое неприкосновенное пространство гениальности. Мы потратили мизерное время, которого не существует для истории, у вечной обители тети Мариам и пошли домой. Говорю «домой», хотя где у меня дом или простое убежище.

Я решила поселиться в гостиннице с тетей Кетеван, но соседи обиделись, а Ханума даже оскорбилась:

- Почему ты не хочешь остановиться у нас? Мы

ничем не хуже Мариам . Как показаться на людях или, как оправдать твой поступок провести ночь в гостиннице, а не у нас? – сказала заплаканная Ханума, и я не смогла отказать ей пожить у нее.

У Ханумы муж погиб на войне, и ее четверо малолетних детей были гордостью и опорой молодой вдовы.

Несмотря на тяжелые экономические трудности, Ханума отвела нам отдельные комнаты, и на приготовленный в нашу честь ужин были приглашены несколько соседей. Ужин продлился допоздна. Мне особенно понравились слова Ханумы, которая подняла тост за всех женщин во главе со мной, и так закончила свой тост:

- « Мы, женщины, вылеплены из одной глины, у нас одна судьба, и находимся все перед одной опасностью. Поэтому нам надо любить друг друга, чтобы из наших останков не вылепили кого-нибудь хуже нас, не то человечество окажется в невыносимых мучениях. Если думать о том, какие мы, то возникает вопрос, а кто же будет хуже нас? Вот потом –то мужчины оценят нас по достоинству. Я очень люблю тебя, Мери, мы должны любить друг друга. Правда, дом, принадлежащий тебе, сгорел, но комнату, где мы находимся, я передаю тебе, и если веришь в бога, не забывай нас.

В этот вечер было произнесено много тостов. Нам хватило малого, опьянев, стали сначала шутить, а затем заплакали. В этом плаче, хотя и был он мимолетным, мы испытали всю сладость вечности, мы обнимались и плакали. Такова женская природа:

одни оплакивают счастье свое, другие – несчастье, обретая в слезах душевное спокойствие. Если бы я написала книгу осегодняшнем застолье, то назвала бы ее «Пиршество женщин». Мне никогда не довелось побывать на таком прекрасном, полном радостью, скорбью и печалью празднике.

Стало светать, и мы вспомнили, что нам необходим отдых.

Уснули!

Я проснулась, сегодня воскресенье 11 часов утра. Тетя Кетеван ходит по комнате на цыпочках, стараясь не разбудить меня. Заметив мое пробуждение и улыбку на лице, она тоже обрадовалась и посоветовала мне не вставать и хорошо выспаться.

Я все-таки встала, Ханума приготовила завтрак и ждала моего пробуждения. Вчера я выпила много вина, но чувствую себя хорошо. Позавтракав с аппетитом и взяв тетю Кетеван под руку, мы отправились на прогулку по морскому берегу. Я посетила все те места, где так любила уединяться с тетей Мариам. Увидев валун, с которого мне хотелось броситься в море и утонуть, вспомнила о Хатуне, из-за которой пошла на такое, и тетю Мариам, спасшую меня. Вскарабкавшись на него, села и стала думать. «Море, подскажи, как найти мне того, кто сжег дом тети Мариам,» - спрашиваю я море и шепчусь с собственными мыслями.

Вчера я опьянела, устала от волнительной поездки. Сегодня мне хорошо думается. Нужно составить план по поимке злоумышленника. Вспомнив о «Черной магии», решила с ее помощью спросить у тети Мариам,

кто сжег ее двор и дом. Знаю, что нельзя повторять этого: могу умереть, сделать это необходимо, даже если придется расплачиваться собственной жизнью за поимку злодея. Было бы надежнее взять с собой в помощники тетю Кетеван, но во время вызывания духа, если присутствует другой человек, дух не появляется. Сделаю все сама, а Кетеван скажу, что если не вернусь, пусть ищет меня на кладбище. День выдался пасмурным. Наверное и вечер будет таким же. Мой план рухнет, если на небе не появятся звезды.

Я продумала запасной вариант: если ночью небо не очистится, и не появятся звезды, тогда пойду к Чадунели и скажу, чтобы он начал расследование, не то обвиню его в соучастии в преступлении, и весь мир узнает о его злодеянии.

Спасибо, море, за мудрый совет!

Тетя Кетеван замерзла, но не просит вернуться домой. В конце концов, коснувшись руки, она вывела меня, уставшую как воин после боя, из собственных дум. Взявшись за руки, мы пошли домой. По дороге зашли в магазин, и, купив продукты, нагруженные, вернулись в семью Ханумы.

Пужинали.

Этой ночью я часто выхожу на улицу и смотрю на небо. Оно, как и днем, покрыто мглой. Когда время перевалило за полночь, пропала всякая надежда, и я легла с тем, чтобы завтра пойти к Чадунели и ознакомить его с сутью дела.

Десять часов утра. Я проснулась, хорошо отдохнувшая, не жалуясь на здоровье, чувствую себя прекрасно.

За завтраком я не стала рассказывать тете Кетеван о моих намерениях. Мы вышли прогуляться и пошли по главной улице. Чувствую, что кто-то следит за мной и идет по пятам, часто оборачиваюсь назад, но не вижу никого подозрительного. Я не стала прятаться и запутывать следы. Зная, что за мной следят, напрямиком направилась в городское отделение прокуратуры.

Вот и кабинет Чадунели. Секретарь спросила, как представить меня. Я ответила. Ждать пришлось недолго. Как только явошла в кабинет. Старший следователь прокуратуры узнал меня, встал и, почтительно взяв мою руку, поцеловал ее, справился о здоровье, затем указал на кресло.

После секундного молчания, Чадунели, не забыв моего имени, спросил:

- Чем ты обеспокоена, Мери?

- Дом, оставшийся мне в наследство от тети Мариам, из-за которого вы в свое время обвинили меня в невнимательности, сожгли. Меня интересует, что вы знаете об этом или, какие меры были проведены прокуратурой?

- Да, знаю. Дом тети Мариам сгорел в середине апреля. Мы направили туда опытных сотрудников и у нас есть заключение экспертизы, что пожар произошел от возгорания электрического провода. Этот дом числится у нас, как сгоревший в результате несчастного случая, и кроме страховой помощи выделена еще другая сумма.

- А вы, лично проверили очаг возгорания пожара?

- Нет! Я же сказал вам, что мы направили туда

лучших специалистов, которым доверяем полностью. Даже,если это не так, у нас на руках заключение экспертизы.

-Лгут, господин, ваши «лучшие специалисты» и ваша экспертиза!

- Как вы смеете оскорблять сотрудников органов? – ответил вопросом Чадунели.

- Да потому, что я лично срезала на столбе электрический провод, заходящий в дом, поставила железные решетки на окна и повесила железные двери. Все двери оказались запертыми, кроме одной, центральной входной двери, у которой сломан замок, и это неоспоримый факт того, что двери взломали. Поэтому пожар, вызванный возгоранием электропровода, исключен!

- Да, это интересно. Вы наделены талантом следователя. Пойдемте, я лично проверю все и возбужу уголовное дело. – сказал Чадунели и встал . Я тоже встала, и мы пошли к дому тети Мариам. Я показала следователю срезанный на столбе электрический провод, все двери дома и входную дверь со сломанным замком.

Чадунели был сильно удивлен невнимательностью своих сотрудников и пообещал, что через несколько дней приведет ко мне за ухо злоумышленника.

Успокоившись, я вышла из прокуратуры и направилась к дому Ханумы. Придя домой,я увидела,что Ханумы нет дома. «Наверное, в магазин или на базар ушла,» - подумала я. В ожидании мы начали разговор:

- Дочка, - говорит тетя Кетеван, - вижу, как сильно

ты любила Мариам, но не лучше ль было оставить в покое это расследование?

- Какое расследование, тетя Кетеван? – удивилась я.

- Какое? Да то, которое ты расследуешь в корне! Доказано, что пожар произошел из-за электрического тока, и чего тебе еще надо. Если это действительно дело рук злоумышленников, как ты думаешь, им будет трудно убрать тебя с дороги?

- Не поняла, тетя Кетеван, вы беспокоитесь за меня или прячетесь от правды?

- Беспокоюся за тебя, дочка! Сердце предчувствует беду. Смотри, не окажись в руках убийц, не то не пощадят тебя. Случись что с тобой, я не выдержу, и две семьи исчезнут с лица земли.

- Не переживай, смерть не прикасается ко мне, не в первый раз смотрю ей в глаза. Ничего мне не сделается. Я должна еще вырастить дочь. Так предсказала мне тетя Мариам.

- Дай-то бог! – сказала Кетеван, и хотела добавить еще что-то, но в это время к нам в комнату вошла Ханума, улыбнулась и села в кресло. Несмотря на притворное спокойствие, я все равно заметила ее волнение.

Ханума подключилась к нашему разговору, который касался в основном жизни тети Мариам. Она стала хвалить Мариам и извинилась передо мной за то, что не ухаживала за могилой. Ханума пообещала, что такого больше не повторится, что всегда будет ухоженной, с цветущими розами и фиалками, святая обитель тети Мариам. Конечно же, я поблагодарила ее за внимательность и вспомнила все те добрые

дела, сделанные этим любимым человеком . Ханума заплакала, заплакали и мы. Мы долго беседовали. Уже одиннадцать часов ночи. Ханума стала готовить ужин и вскоре накрыла стол на троих.

Пригласила нас.

Как положено по времени, на столе вдоволь еды, соки в графине, в кувшине вино. Нам не нужно было повторять приглашение, и мы, сев к столу, стали ужинать. Ханума сама наполнила нам стаканы вином огненного цвета, произнесла тост в честь тети Мариам и первой осушила стакан. Я тоже. Подняв стакан, произнесла поминальный тост, но что это?

Я заметила на дне стакана белый осадок. Если это налет, то он должен быть на поверхности. А если это не так, то что это могло быть? – подумала я про себя и, поставив стакан на стол, потянулась за хлебом, чтобы обмакнуть в вине, по христианскому обычаю. Случайно задев рукой полный стакан вина, я опрокинула его. В тот же миг встала, извинилась, принесла тряпку и вытерла стол, но больше не садилась. Еще раз извинившись перед Ханумой, я вышла в отведенную мне комнату, чтобы лечь спать. За мной последовала тетя Кетеван. Улегшись, сразу уснула, как беззаботный человек.

Меня разбудил крик петуха. Сейчас, наверное, три часа ночи. Посмотрела на часы, и правда, без пятнадцати три. Еще три часа и наступит рассвет. Хочу уснуть, но не могу. Начала считать, часто делаю так, когда не могу уснуть. Посчитаю до ста и усну обязательно. Не досчитав до пятидесяти, услышала, как опустилась дверная ручка, в ожидании чего-то

плохого, я сдернула с себя одеяло и приготовилась к прыжку. Зажегся свет и в комнату вошло привидение . Одежда на нем была черная, маска и перчатки тоже черные. В одной руке привидение держало наган, из барабана ужасающе виднелись семь пуль, а во второй руке был стакан, наполненный вином огненного цвета.

Увидев, что я не сплю, привидение тихо, но измененным, дрожащим голосом приказало мне встать. Этот голос не принадлежит мужчине, - подумала я и подчинилась приказу. Привидение поставило на стол стакан с вином, отошло назад, направило на меня наган и приказало выпить вино.

- Это не убийца, - подумала я, - дрожит, голос срывается. Теперь еще заметнее, что это женщина, решившая разыграть мужскую роль, но у нее это плохо получается. Держа наган обеими руками, так раскачивает его, что уверена, она не попадет в меня. Я чуть-чуть не рассмеялась над поведением этого вынужденного убийцы, и все-таки подчинилась его приказу, взяв в руку стакан с вином. В это время послышался голос тети Кетеван: « Не пей!» Привидение направило дуло нагана на тетю Кетеван и хотелчто-то сказать. Этого движения оказалось достаточно для меня, чтобы сделать в воздухе сальто и обеими ногами так ударить его в грудь, что оно сильно ударившись о стену, растянулось без сознания на полу. В ту же секунду я подбежала к нему и связала руки моей косынкой. Кетеван стояла рядом, чтобы в случае чего помочь мне, но привидение не сопротивлялось, и помощь Кетеван понадобилась для того, чтобы поднять и посадить его в кресло. Посадив

привидение в кресло, я попросила Кетеван принести воды, чтобы привести привидение в чувство. Затем, сняв с него маску, прыснула водой в лицо и ударила по щеке. Привидение открыло глаза и вздрогнуло.

- Это ты, Ханума?! – я не смогла скрыть удивления.

Ханума смотрела на меня, оторопев, ничего не говоря, как видно, она еще не до конца разобралась, что произошло.

Я подождала. Она стала плакать, а я, осторожно спустив курок и положив наган на стол, не мешала Хануме плакать. Одевшись, я заметила, что слезы немного успокоили Хануму. Тогда я сказала:

- Ханума, ты ведь не убийца. Кто заставил тебя убить меня?

Ханума молчит, ничего не говорит, и я вынуждена повторить вопрос:

- Ханума, я люблю тебя: ты предоставила мне кров для ночлега, я ела у тебя. Расскажи мне всю правду, и даю слово, что прошу все. Но если не расскажешь, сообщу Чадунели. Прокуратура заставит тебя говорить. Знай, закон не умеет прощать. Тебя арестуют, а детей отправят в детский дом. Им за всю жизнь не смыть этого позорного пятна. Представь сама, что случится потом. Ханума вновь стала плакать и икать:

- Не губи меня, пожалей!

- Клянусь душой тети Мариам, что не выдам, если расскажешь всю правду! Говори, кто подослал тебя ко мне для убийства?

- Алеша Ардзинба!

- Почему?

- Когда ты начала расследовать дело о пожаре дома

тети Мариам и напала на верный след, мы испугались!

- Почему вы подожгли дом?

- Мы ограбили его, и, чтобы скрыть следы ограбления, Алеша поджег его. Я долго упрасивала его, но он не послушался меня. Я и грабить не хотела, но он не отставал и подбил меня!

- Кто это, Алеша Ардзинба, твой любовник?

Ханума замолчала, словно не расслышала моего вопроса, и я вынуждена была повторить вопрос немного строже.

- Ты женщина, и поймешь меня, - ответила она. - Он работает в прокуратуре рядовым следователем. Пристал ко мне, и так, как я уже попала на его крючок, то не смогла спастись. Он использует меня вслепую, как оружие. Сначала я бедствовала, и поэтому согласилась на спекуляцию. Ты женщина и поймешь меня. Твой ребенок просил у тебя хлеба когда-нибудь? Умрешь, но выполнишь его просьбу. Я тоже много раз хотела покончить с собой, но представляла, как дети останутся сиротами...

Она говорила, но я не слышала ее: перед глазами встала моя Хатуна, с протянутой рукой она просила у меня хлеба. Сердце наполнилось печалью, а глаза – слезами. Я сказала Кетеван, чтобы она развязала руки Хануме. Обе посмотрели на меня удивленно, но исполнили мою просьбу. Ханума, как сидела, так и осталась сидеть в кресле, и продолжила свой рассказ,

- Как я могла ограбить и сжечь дом тети Мариам, ведь я выросла в этом дворе, сосала грудь тети Мариам. Пусть сделанное ею добро обернется прахом для меня!

Говорила Ханума. А слезы ручьями лились из ее глаз и мочили полную грудь. Ни один мужчина не выдержал бы ее горьких слез, но я – женщина, и прекрасно знаю, как влияют женские слезы. Поэтому не успокаиваю ее, пусть поплачет и замолит содеянный грех слезами.

- Ты любишь его, этого Алешу? – спрашиваю я.

- Ненавижу! – отвечает она и продолжает:

- Он замечает, что противен мне, и скоро избавится от меня. В прошлом году он уже избавился от одной такой, как я, да так, что никто не заподозрил его. Море вынесло ее тело, а расследование вел он сам, так же, как дело о пожаре дома Мариам...

- Расскажи, как это случилось впервые, а потом расскажешь об остальном, освободишь сердце от тяжкого груза.

- Пристал, это, мол, брошенный дом. У хозяев за столько лет жизни в нем будет нажито много добра. Я стала отказываться, говорила, чтобы убил меня, не сделаю этого. Он избил меня, но я все равно отказывалась. Хочешь, убей, но я этого не сделаю! – сказала я.

Он разозлился и напомнил мне о всех, совершенных нами, преступлениях. Затем схватил за волосы и хотел было вести в прокуратуру. «Я тебя тоже сдам!» - сказала я. Он рассмеялся : «Кто тебе поверит?» - сказал он, затем завел в дом, раздел донага, избил, ударил ножом в грудь и стал сосать из раны кровь . От боли я потеряла сознание, а он удовлетворил свою звериную похоть.

Я решила покончить с собой, но он догадался

и попытался сладким словом остановить меня . Зная, что все опять повторится, я не хотела предавать своему решению. Большой проныра этот Ардзинба. Он придумал способ, какой редко придумывает человек: привел в комнату плачущих детей. Я не смогла спрятать свою наготу, дети обнимали меня и целовали, они тоже плакали, плакала и я, сгорая от стыда...

В конце концов, я согласилась ограбить дом Мариам. 12 апреля он приехал ко мне на грузовике. У машины не было номеров, за рулем сидел сам Ардзинба. Сломав входную дверь ломом, мы начали грабить: вынесли все, что можно было бы продать. Четыре раза загружал такой огромный автомобиль, четыре раза куда –то перевозил он награбленные вещи. Я боялась даже спросить его об этом. Видимо, где-то поблизости его ждал грузчик, так как машина быстро возвращалась назад. Когда все было кончено, он сказал мне: «Будь умницей!» - и отправил домой. Из окна моего дома я видела, как он достал из автомобиля баллон, наполненный бензином, и вошел в дом Мариам.

Вскоре он вышел, сел в автомобиль и испарился. А в доме Мариам бушевал огонь, и за полчаса все превратилось в пепел.

- Зачем ему понадобилось поджигать дом?

- Чтобы скрыть следы ограбления. Это был его не единственный случай. Очень часто Ардзинба использовал такой способ и ему везло.

На второй день Алеша сам пришел в дом Мариам для установления причины возгорания дома. Он

обошел дом и покачал головой, словно сам находился в большом горе. После него пришли эксперты из прокуратуры и записали все так, как подсказал им Алеша...

- Зачем задумали убить меня?

- Вчера он шел за тобой и видел, как ты зашла к Чадунели. Он большой пройдоха, понял, что ты собиралась начать расследование из-за пожара и решил избавиться от тебя. Вчера я была у него и поэтому опоздала. Алеша дал мне яд, не знаю, как он называется. «Быстродействующий,» - сказал он и научил, как им пользоваться. Если бы ты не стала пить, я должна была силой напоить тебя. То, что случилось дальше, тебе известно. Может тебя не интересует, как я оказалась во власти Ардзинбы, но я все равно расскажу тебе.

- Нет, не хочу. Раскроешь твою поганую душу перед будущим любовником. А теперь, если хочешь жить, не оставлять сиротами детей и не сдохнуть в тюрьме, веди себя так как скажу.

- Все сделаю, как прикажешь, только ответь на один вопрос: - Как ты отключила меня, ты, что владеешь гипнозом?

- Да! Ты верно догадалась, но у меня тоже есть вопрос: - Смогла бы ты выстрелить в меня?

- Нет! Я никого не убивала и никогда не стреляла из револьвера!

- Пугала меня?

- Я была так запрограммирована, только ты должна была умереть от яда. А дальше Алеша сам бы расследовал это дело и свалил бы все на слабое сердце.

- У тебя остался еще яд, который дал тебе Ардзинба, чтобы отравить меня?

- Да, остался!

- Принеси!

Ханума встала и таким медленным шагом вышла из комнаты, словно не верила, что свободна. Она принесла белый порошок. Как только я увидела его, сразу узнала «цианид калия». Здесь его столько, что хватит на истребление всей рыбы в Черном море. Я взяла стакан и проделала с ним то же, что в свое время погубило Ашбу. Затем усадила Хануму рядом и стала учить ее.

- Этот твой Алеша сегодня обязательно придет к тебе, чтобы узнать, что со мной случилось, и выразить тебе свое сочувствие. Конечно же, он очень удивится, увидев меня живой и невредимой и начнет ругать тебя, а ты скажи ему, что не можешь этого сделать, так как никогда никого не убивала. Он, разозлившись, прикажет накрывать на стол, чтобы самому напоить меня ядом. Ты соглашайся и начни накрывать на стол, только не перепутай и поставь перед ним этот стакан, затем наполни стаканы вином, а остальное я сделаю сама.

- Ты не выдашь меня?

- Таковую, как ты, суку, не стоит жалеть, но мне жаль твоих ребятишек. Не бойся, не выдам! А ты избавишься от этой напасти. Только не забывай меня, вернись к честной жизни. Пусть лучше дети поголодают, чем кто-то назовет их «детьми потаскухи».

- Ты даришь мне новую жизнь. Я буду вечно молиться за тебя!

- Если бог услышит молитвы потаскухи, то с неба начнут падать мужики! – сказала я и встала, давая понять, что разговор окончен, и пора заняться делом.

Я довольна этой ночью, хотя, как знать, чем закончится сегодняшний день...

Рассвело...

Утро туманно, такое же серое, как и вчера. В такую погоду хорошо бы уснуть, но не навечно, как намеревались сделать со мной, а временно, чтобы проснуться через пару часов, потянувшись сладко и поленившись встать. Вот такой сон.

Ханума вышла из комнаты. Не знаю, о чем она думает, нельзя доверять потаскухе. Я взяла отравленный стакан и пометила его маленькой еле заметной точкой, затем поставила его на место.

Кетеван смотрит на меня и дивится моим действиям. Замечаю, что она уже не считает меня ребенком. Наверное, сама она и не додумалась бы до этого, но все равно упрекнула:

- Ты не должна ее прощать! Такие, как она, должны отвечать перед правосудием!

- Ее заставили, она сожалеет, она исправится! – ответила я и улыбнулась Кетеван вымученной улыбкой.

- Хороша гуманность! Божье провиденье убергло тебя случайно, не то рвала бы я сейчас волосы у твоего тела.

- Что поделаешь, я не могу иначе, тетя Кетеван! Может, некоторые, увидев крест на могиле тети Мариам, думают о прибыли, а у меня сердце кровью обливается, не только увидев его, но и вспомнив о нем!

Если выдать Ардзинбу правосудию, он возвратится в общество из тюрьмы закоренелым преступником и принесет людям еще больше горя. Его место там, куда я собираюсь его отправить, если бог не посмотрит и не решит его судьбу без меня...

- Что ты собираешься делать с подельниками, помогавшими Алеше? Они ведь будут жить, как прежде, свободно, по своему уму?

- Это меня не касается. Государство создало милицию, чтобы ловить таких, как они!

- Ты знаешь или нет, что смертью Ардзинбы ты мешаешь правосудию выявить огромную бандитскую группировку?

- Нет, не мешаю, а помогаю. Пока у банды есть такой покровитель как Ардзинба, и он работает следователем в прокуратуре, банду никто не обнаружит.

- У нас есть оружие. Давай арестуем его и сдадим Чадунели!

- Он вывернется, его банда сегодня же уничтожит эту семью, чтобы ликвидировать свидетелей!

- Ты говоришь так, будто нет другого выхода!

- Есть единственный, выбранный мною путь!

День все такой же туманный, так и не рассвело. Время можно узнать разве что по часам, в полдень нависли вечерние сумерки, человеческое сердце тоже опечалено.

Одиннадцать часов утра. Открылась калитка и во двор без спросу вошли трое мужчин. Один из них, у которого по сравнению с другими был лютей взгляд и глаза налиты кровью, при виде меня заскрежетал зубами. «Наверное это и есть Ардзинба», - подумала

я и, не обращая внимания, продолжила беседу с тетей Кетеван. Стараюсь не упустить ни одного его движения. На плечо мое переброшен плащ, он скрывает заряженный наган, который держу в руке наготове. Никому и в голову не придет, что это безвредное создание может выстрелить, по правде, у меня не задрожала бы рука, как у Ханумы.

Спасибо божьей силе, все идет так, как я задумала.

Ардзинба закрылся с Ханумой в комнате. Не знаю, о чем они там совещались, но, выйдя во двор, он громко позвал:

- Ханума, ну-ка, подсуетись, как ты умеешь, и приготовь завтрак!

- Сейчас! – ответила из кухни Ханума.

Я вошла в кухню и посмотрела на Хануму, по взгляду ее поняла, что все в порядке. Затем она глазами указала мне на стакан, на дне которого я заметила белые кристаллы. Стало ясно, этот стакан предназначен мне.

Вышла во двор. Ардзинба беспокойно вышагивает, часто дотрагиваясь до револьвера. Видно, что задумал что-то плохое, но я тоже держу его на мушке.

Вскоре Ханума накрыла на стол и пригласила нас всех к столу. Мы сели за круглый стол. Я скинула плащ и спрятала руку с наганом под столом. Ардзинба сел напротив. «Это хорошо, - подумала я. – Если выстрелю, попаду в живот.»

Стол полон наилучшей еды, стоят два наполненных вином кувшина, но не видно ни одного стакана на столе. Ардзинба крикнул: «Женщина, принеси стаканы!» В тот же миг Ханума принесла стаканы и извинилась

за невнимательность. Я осмотрела стол, передо мной стоит стакан с белыми кристаллами на дне, а перед Ардзинбой – стакан, приготовленный мной. «Так и бывает, охотник, приготовивший силки для зайца, сам попадает в них!» - подумала я. – «Наверное, заяц осторожнее охотника!»

Ардзинба собственной рукой наполнил стаканы вином и встал на ноги. Решил сам быть тамадой. Он встал, а я изменила положение руки с наганом и направила в сторону его груди.

Ардзинба нервничает, не разберешь, что говорит, только это и сказал хорошим грузинским: «Этот тост должны испить все!» И, не переводя дыхания, опрокинул в рот стакан с вином. Не допив, выронил стакан из рук, схватился обеими руками за горло, и, вытаращив глаза, упал на спину.

Поднялся крик и шум. Пришедшие с Ардзинбой друзья стали делать ему искусственное дыхание, но безрезультатно. Труп Алеши начал остывать. Я, воспользовавшись суматохой, опустила курок нагана и заменила мой стакан и стакан, из которого выпил Ардзинба, спрятав их в моей спальне.

Встав рядом с Ханумой, я стала громко плакать. Друзья Ардзинбы принялись успокаивать меня. Подъехала машина скорой помощи. Врач, подбежав к труп, лежащему на носилках, холодно повернул назад, даже не дотронувшись. Поведение врача убедило еще больше собравшихся в смерти Ардзинбы. Теперь плакали с еще большей силой.

Пришла жена Ардзинбы, она не плакала. Подошла к телу. «Чего хотел здесь, кобель?» - сказала покойному

и уехала на машине скорой помощи. Тело Ардзинбы положили на принесенные носилки, и четверо мужчин понесли их следом за женой.

Мы проводили носилки с покойным. Жил он недалеко, я посчитала, от дома Ханумы в двенадцатом по счету доме. Покойного занесли в гостиную комнату и уложили на тахту. Ох уж это сердце, все обвиняют сердце. Смерть Ардзинбы тоже приписали сердцу. «Сердце подвело!» - доказывали его друзья, и все повторяли за ними.

Побыли немного во дворе, как подобает пришедшим пособолезновать, затем я и Кетеван, взявшись за руки, с покрасневшими от слез глазами, но очень довольные пошли в сторону дома Ханумы. Нас встретила довольная, как и мы, Ханума, с такими же покрасневшими от слез глазами. Мы молча переглядываемся и все понимаем без слов. Зайдя в спальню, я достала отравленные стаканы и помыла их под краном, затем позвала Хануму и отдала ей наган.

- Выкинь куда-нибудь. Зачем тебе нужно держать средства умерщвления людей в доме? – сказала я и стала наставлять ее. – У тебя растут мальчишки, четверо озорных и беспокойных ребят. Как можно держать в доме огнестрельное оружие или яд? Если у тебя еще остался яд, выброси его, если не желаешь стать свидетелем большого горя!

Ханума, не протестуя, вынесла завернутый в бумагу яд, и высыпав его в умывальник, открыла воду, а наган завернула в тряпку и спрятала в чулан, сказав: «Выброшу вечером в море.»

Решив уехать, я громко сказала Кетеван: «Собирайся,

мы должны уехать!» Ханума, услышав мои слова зашла в спальню, упала на кровать и стала плакать. Я, погладив ее по голове, спросила о причине ее слез. Приободрившись от моей ласки, она посмотрела на меня заплаканными глазами и попросила:

- Не уезжайте! Мне будет тяжело остаться одной! Я ведь всю жизнь прожила в любви к людям, а сегодня стала убийцей человека.

- Ты называешь человеком того, кто несет обществу больше вреда, чем лютый зверь? Нет! Такие люди носят человеческую маску, а в их сердцах кипит яд. Не знает человек, где и когда выльют они свой яд, чтобы отравить мирных граждан. Так что не принимай близко к сердцу это убийство, хотя ты-то при чем? Он налил себе вино собственной рукой.

- Все равно боюсь, а вдруг узнают?

- Ты и твой язык являетесь хранителями и рассказчиками вашей тайны. Может, возможно подобрать ключи и открыть чужой замок, но еще никому не удавалось выдумать ключи от чужого языка. Не бойся, у преступления больше покровителей, чем у человеколюбия. Главное, успокойся и веди себя так, словно ничего не случилось.

- Не оставляй меня, и я преодолею все, успокоюсь, но если ты уедешь, может кончу с собой!

- Не понимаю, вчера ты убивала меня, а сегодня не можешь жить без меня.

- Верно, оказывается человеку достаточно нескольких часов, чтобы раскрыть глаза и отличить добро от зла. Я в долгу у тебя всей своей жизнью. Именно твое человеческое отношение ко мне открыло

мои глаза, чтобы разобраться в двух вещах: в белом и черном. С сегодняшнего дня буду жить честно, и в этом твоя заслуга.

- Хорошо, десять дней отдохну на море и буду твоей утешительницей. Затем уеду, но постараюсь видаться с тобой каждый год. Хочу попросить тебя об одном: не бросай могилу тети Мариам, чаще навещайся и ухаживай за ней.

- Я должна заботиться об этом больше, чем ты. Мне не надо напоминать, но жизнь человека, находящегося под чужим влиянием, всегда беспорядочна. С сегодняшнего дня я свободна. Умерев однажды и возвратившись вновь к этой жизни, я не умру больше. Мне ничего не страшно, даю слово, жить своим умом. Что же касается поведения, больше никто не услышит о нем. Своими руками порежу и изуродую себя, но не поддамся мужчине. Ты женщина и поймешь меня, привыкшая к ласке женщина редко сдерживает разбушевавшуюся страсть, которая не изучена среди известных человеческих страстей, хотя не существует более сильной и лучшей страсти. В блаженстве наша душа жадно впитывает тайную сладость, ради которой мы всегда забываем наши самые страстные желания и твердые намерения. Это скрытое чувство я считаю преступным с сегодняшнего дня. А как называть ту, которая отняла у женщины законного супруга? Что, раз красивая, тебе простительно? Тогда зачем осуждать того грабителя, который сильнее тебя, бьет, пытается и отнимает у тебя сокровище? Я не ожидала увидеть Хануму такой словоохотливой и рассудительной, но невозможно распознать человека с

первого взгляда. Ограниченный, но здравомыслящий разум, находящийся под чужим влиянием и вечно незаметный, никогда не высказывающий разумную мысль, освобождаясь от «рабства», удивляет всех своим красноречием. Это и есть душевное рабство человека, которое намного хуже, чем физическое рабство.

Раб всегда пытается разбить оковы и освободиться от рабовладельца, так как душой он не раб и здраво мыслит, но разум человека, попавшего в духовное рабство, всегда скрыт. Даже сказанное им мудрое слово вызывает смех у того, под чьим влиянием он находится, и считает мудрую мысль неверной болтовней, никогда не пытаясь освободиться от рабства, уверенный в своем неверном мышлении.

11 июля 1946 года, четверг.

Уже двенадцать дней я нахожусь в Гагре. Каждый день хожу на могилу тети Мариам. Со мною вместе ходят Кетеван и Ханума. Я обошла все побережье, ласкаю взглядом все те места, где бывала раньше. Больше времени провожу на море и на сожженном дворе тети Мариам. Сажу в деревянном кресле под липой, где любила сидеть тетя Мариам, и мечтаю. Кетеван вечно рядом со мной, но я так и не смогла заставить ее снять платье на море.

- Искупайся, тетя Кетеван! – прошу ее, но она смотрит на меня удивленными глазами и отвечает:

- Где мне искупаться, девочка? Такой огромной

лохани я не видела в своей жизни, и, как знать, сколько грязных людей в ней купается. Зачем мне купаться в их воде?

- Разденься! Пусть хоть солнечные лучи попадут на тебя!

- Не разденусь! А вдруг на меня попадет тот солнечный луч, который попал на тебя? Я ведь отравлюсь! – со смехом говорит Кетеван и не раздевается.

Сегодня вечером мы отправились на железнодорожный вокзал. Ханума провожает нас. Мы собираемся уехать. Купили два билета в купированном вагоне, простились с заплаканной Ханумой, пообещав увидеться в скором времени, и поднялись в вагон.

Мы хорошо доехали. Вскоре нас встретил наш родной очаг. Целую фотографию родителей и кажется мне, что они тоже целуют меня. Почему у меня нет фотографии Хатуны? Я приласкала бы ее, как родителей.

Оставленный на две недели дом покрылся пылью. И все же, откуда она появляется в доме с закрытыми окнами и дверями? У меня появилось дело. Я начала убираться и вместе с Кетеван включилась в жизненный хоровод. Так прошло время до первого августа. Сегодня первое августа, четверг, и я говорю Кетеван:

- Во вторник я на целый день уеду в район, куда меня распределили. Может, и ты, тетя Кетеван, поедешь со мной?

- Меня никто никуда не распределял. Если веришь в бога, дай мне побыть дома, не то где-нибудь

потеряешь меня. Я бедная, дочка, нет у меня денег, чтобы вернуться домой транспортом, а ходить пешком я не могу, да и географию знаю плохо, может где-то по дороге и издохну! – красиво смеясь, проговорила тетя Кетеван и с большим удовольствием согласилась поехать со мной.

С сегодняшнего дня мы приступили к подготовке отъезда. Как бы там ни было, едем в чужой город, в котором нет у нас добрых родственников, поэтому необходимо быть более осторожными. Правда, Гагры тоже были для нас незнакомыми, но там нас ждала могила тети Мариам, которая была лучше ста плохих живых родственников. Это была заслуга тети Мариам, когда почти все жители улицы, где она жила, пошли вслед за мной и полюбили меня, так как я проявила уважение ее могиле. А там, в заброшенном городе, кто ждет или переживает за меня?

Побывав на железнодорожном вокзале и купив два билета на шестое августа, я собралась и подготовилась к отъезду. Из нашего города поезд отходит в десять часов вечера по московскому времени. Вечер вторника наступил быстро. Я и Кетеван прилегли на места, указанные в билетах. Выбранный мною город оказался, действительно, очень близко. Утром, без всяких происшествий, мы были на месте. В первой же гостинице я сняла двухместный номер, и мы устроились. Немного отдохнув и приняв душ, я решила узнать, где находится отдел просвещения. Мне объяснили.

Заведующий отделом просвещения, солидный мужчина с посеребренными волосами, сидел за

широким письменным столом и что-то торопливо писал. Не прекращая писать и не взглянув на меня, он указал левой рукой на кресло и сказал: «Входите! Садитесь!»

Я села в кресло и стала ждать, пока он не освободится. Долго ждать не пришлось, видно ему надо было закончить мысль. Дописав, он с удивлением посмотрел на меня:

- Что вам угодно, девушка? - вежливо спросил он.

- Меня направили к вам, батано*! – ответила я и положила назначение с дипломом ему на стол.

- О! – улыбнулся заведующий. – А я то думал, что ты ученица восьмого класса. Извини за невнимательность! – Встав, он протянул руку, - Арчил!

- Мери! – сказала я и встала у края стола, как соседский ребенок.

Арчил читал документы и улыбался от удовольствия. Наконец, взглянув на меня, словно увидел только сейчас, удивленно сказал:

- Почему вы стоите? Садитесь! Если бы вы знали, как я ждал вашего прихода! Молодые заканчивают институт и не хотят распределяться, словно этот город не является частью Грузии. Вы пойдете работать в седьмую среднюю школу учителем. Часов у вас будет много, будете работать с полной нагрузкой. Что поделаешь, мы испытываем недостаток в специалистах. Подождите немного, и мы создадим вам хорошие условия для жизни в этом городе.

- Спасибо, батано!

Батано – господин (вежливое обращение к мужчине)

- Оставь это «батано»! Зови меня Арчилом. Есть ли у тебя кто-нибудь из знакомых в этом городе?

- Нет!

- Вы приехали одна!

- Нет, со мной тетя Кетеван, она моя соседка.

- У вас нет родителей?

- Нет, мои родители были врачами. Они вместе погибли на войне.

Арчил заскрежетал зубами, из глаз его брызнули слезы, одна из них упала на мой диплом. Он сидел, задумавшись, не поднимая головы. Наверное, ему было стыдно за свои слезы. Затем он спросил дрожащим от слез голосом:

- Где они погибли?

- Под Полоцком! – ответила я.

- Где сейчас твоя тетя Кетеван?

- Ждет на улице!

- Позови, позови, пусть придет сюда! Не стыдно тебе, что оставила спутницу на улице? – сказал он, вставая на ноги. Взяв стоящие в углу костыли и опираясь на них, он встретил тетю Кетеван в дверях. Тут я заметила, что правая брючина у него была завернута и забрана в ремень. Перед глазами встали мои родители. Я не смогла больше сдерживаться и зарыдала.

Заплакала тетя Кетеван, заплакал Арчил. Плакали втроем и не успокаивали друг друга. У каждого из нас было за что плакать.

- Твой отец сделал мне операцию и спас от смерти. Хотя, на что она мне, моя жизнь? Я теперь полчеловека остался! – услышался дрожащий голос Арчила.

Достав из нагрудного кармана кожаный бумажник, он выбрал одну из фотографий и дрожащей рукой протянул мне:

- Это же он? – спросил Арчил.

Фотография была маленькой, мой отец стоял вместе с мамой, а перед ними сидели больные с костылями. Увидев моих родителей, мне стало плохо, и я потихоньку стала оседать.

- Ой! – закричала тетя Кетеван, увидев, что я теряю сознание, и успела упасть раньше меня.

Арчил оказался в затруднительном положении. «Помогите!» - крикнул он и бросил костыли. В комнату вбежала секретарша Лили, и нас привели в чувство. Когда я и тетя Кетеван сели в кресла, Лили упрекнула нас:

- Что с вами, девочки? Почему вы напугали инвалида? Когда я вбежала в кабинет, он прыгал по комнате на одной ноге, как газель...

Этого я не ожидала и рассмеялась. Мы смеялись вчетвером. Немного успокоившись, Арчил спросил:

- Как ты сказала? « У меня здесь нет знакомых?»

- Да, батоно! – ответила я.

- Опять «батоно»! Как, разве я не знакомый?

- Я не ожидала увидеть вас здесь. Наша встреча была неожиданной...

- Очень хорошо! Сейчас вы пойдете ко мне. Вы,наверное, с дороги? Сегодня отдохнем, и с завтрашнего дня приступим к делу, а с сентября – к большому делу!

- Спасибо, батоно Арчил, мы уже сняли комнату в гостинице!

- Никакой гостиницы! Сейчас же несите сюда весь ваш багаж и пойдете ко мне! От стыда не смогу нигде появиться, когда узнают, что моя сотрудница и дочь моего спасителя ночует в гостинице. Завтра дам направление, пойдешь в городской совет, и тебя обеспечат квартирой. Если где-нибудь встретишь препятствия, немедленно дай мне знать!

- Спасибо, уважаемый Арчил, но я и сегодня могу пойти в городской совет, если вы дадите свое согласие!

- Ну, что же, я не против! – сказал он и повернулся к Лили:

- Сейчас же подготовь нужные документы для представления в городской совет на получение ордера на квартиру!

Лили молча вышла. Я услышала из соседней комнаты шум пишущей машинки, и через несколько минут Лили положила перед Арчилом отпечатанный лист для подписи. Арчил, не читая, поставил свою подпись и отдал назад для печати.

- Я позвоню в городской совет Сакварелидзе, чтобы он не заставлял вас ждать. Жду вас! – сказал Арчил, выйдя в комнату секретарши.

Мы конечно пообещали ему и направились напрямиком в городской совет. Арчил и вправду позвонил председателю городского совета, а тот предупредил секретаршу, как только мы появимся, направить нас к нему.

Не успела я открыть дверь, как она, не дав поздороваться, спросила, вставая:

- Это вы – Картвелишвили?

- Да!

- Проходите! Председатель вас уже ждет!

Я вошла, поздоровалась и подала направление, выданное мне Арчилом.

Председатель недоверчиво посмотрел на меня:

- Это вы – Картвелишвили?

- Да, батоно!

- Ну и, какой же ты лечащий врач? Чего вы требуете, ты и Арчил? Не могу понять!

- Правда, вы не поняли, батоно. Мои родители были лечащими врачами Арчила, а не я. Они погибли на фронте. Я – учительница. После окончания института меня направили сюда, и Арчил пообещал обеспечить меня жильем!

- Деточка, тут квартиру и кресла высшего образования не раздают по знакомству. Какой институт ты закончила?

- Педагогический!

- Есть диплом?

Я открыла сумку и без слов подала ему диплом вместе с удостоверением личности. Он удивленно вытаращился на фотографию в паспорте, затем посмотрел на меня.

- Будь я проклят, ты показалась мне совсем еще ребенком. Извини меня, дочка, и ничего не говори Арчилу по поводу такой грубой встречи. Зато я обеспечу тебя хорошим жильем, которое находится, по-моему, рядом с седьмой школой. На первых порах будет достаточно однокомнатной изолированной квартиры. Затем, если выйдешь у нас замуж, расширение будет за мной! Если ученики начнут объясняться в любви, с жалобой ко мне не приходи. Во всем будет виновата твоя внешность!

Председатель подписал заявление и отправил меня в коммунальное отделение для получения ордера. Я вежливо поблагодарила и, попрощавшись, пошла в коммунальное отделение.

- Здравствуйте! – поздоровалась я с начальницей коммунального отдела и подала заявление с резолюцией Сакварелидзе. Молодая женщина вежливо обслужила меня: через несколько минут она, поздравив, передала мне ордер и ключи от однокомнатной изолированной квартиры. Я поблагодарила ее и пожелала ей успехов в жизни.

От такой беготни и переживаний я очень устала, но желание увидеть квартиру было сильнее, и, выйдя из отдела, я пошла по адресу, вписанному в ордер. Квартира находилась немного в отдалении от центра на ул. Руставели д.4 кв.5, зато вблизи от седьмой школы.

Открыв дверь и переступив правой ногой через порог, я помолилась и стала осматривать квартиру. Квартира нового типа, однокомнатная с открытым и закрытым балконами, второй этаж, нет никаких изъянов, только необходим ремонт.

Я и Кетеван сели на пол и стали говорить. Она пообещала: «Я буду часто приезжать к тебе!» Мы еще долго побыли в новой квартире, а потом пошли в отдел просвещения, чтобы повидаться с Арчилом.

Арчил был на месте и очень обрадовался нашим сегодняшним успехам.

-Уважаемый Арчил! – сказала я. – Раз я сегодня же решила все дела с вашей помощью, временно прощаюсь с вами, а 1 сентября буду в вашем распоряжении!

- Не к 1 сентября, а к 25 августа вы должны быть здесь. У нас будет совещание, распределение часов и другие дела, которые необходимо будет решить. А теперь, пойдете ко мне, отдохнете сегодня, а завтра отправитесь в путь...

Я стала отказываться, но не смогла обидеть этого доброго человека, который годился мне в отцы. Он оперся на костыли и пошел впереди нас.

У Арчила есть маленький собственный дом, утопающий в зелени и украшенный красивыми розовыми кустами. Видно, что в доме хозяйничает заботливая рука. И правда, во дворе нас встретила молодая женщина с приветливым взглядом. Арчил представил нас, женщина, ласково расцеловав обеих, пригласила в дом.

Я и Кетеван помогли Нелли, (так звали жену Арчила), в приготовлении ужина. Вскоре мы накрыли на стол. Поужинав, мы разговорились. Арчил оказался довольно скупым на слова. Он почти ничего не рассказывал о войне. С полными от слез глазами он тепло вспомнил моих родителей. После того, как комиссовали Арчила, госпиталь, где работали мои родители, был разбомблен. Поэтому он ничего не знал о их смерти.

- Сможете ли вы узнать то место, где служили мои родители, уважаемый Арчил? – с заплаканными глазами спросила я.

- Как нет, но Полоцк дважды переходил из рук в руки. Там, если и найдешь место, больше ничего нет. Весь город превращен в руины.

- Смогу ли я найти тела родителей и похоронить их по христианскому обычаю?

- Это невозможно, представь сама, на пяти тысячах кв. метрах в построенное восьмизэтажное здание попали несколько бомб, и все здание превратилось в огромную гору обломков. Там работали приблизительно около тысячи врачей, медсестер и санитаров. Кто посчитает многочисленный медперсонал?

Подумай сама, сколько там было больных? Все они вместе покоятся в братской могиле. История сохранит память о них!

- Там же и немцев лечили?

- Для лекаря не существует друга и врага, национальности и пола. Он всех лечит одинаково! Конечно, там лечили и немцев, и пруссов, как друзей, так и врагов... Мы все лежали бок о бок!

- Что же, и своих не пожалели немцы?

- Почему ты удивляешься, что не пожалели? Им нужны были только здоровые воины, а больных и калек они убивали на поле боя!

- Может, где-нибудь ты повстречался с моими, батона Арчил? – стесняясь, спросила тетя Кетеван.

- Как их фамилия?

- Отец и сын Дзнеладзе! Отца зовут Сандро, а сына Хвича.

- Как не знать, мы сражались бок о бок. Хвича передвигался по полю боя, как ртуть. Пуля не брала его. Тогда мы сражались под Смоленском, и обоих, отца и сына, с честью наградили орденами славы.

- Да-да, они действительно воевали под Смоленском! Оттуда я даже получила письмо!

- Говорю, они воевали рядом со мной! Следующее письмо получили откуда?

- Из Оршы!

- Да, правда, из Смоленска до Оршы мы дошли с боями. Наши танки не оставляли камня на камне, и немцы отступали, мы преследовали их. Наверное, Сандро и Хвича погнали врага до Берлина. Я бы тоже был бы с ними рядом, если бы меня не ранили, но не судьба!

- Батоно Арчил, вы их ни с кем не путаете? Они писали, что находятся в артиллерии.

- Правда, калбатоно, я тоже служил в артиллерии. Впереди шли такнки, за ними – мы, затем пехота и т. д. Разве танк что-нибудь сделает в одиночку?

- А почему же они опаздывают? Вон, сколько уже вернулось, а их не видно, наверное, с ними случилось что-то плохое...

- Что вы, калбатоно? Когда я их видел, война уже закончилась. Так, что же с ними могло случиться?

- Вашими бы устами да мед пить! Но почему они не возвращаются? В глазах темно от ожидания...

- Калбатоно, видно, что вы образованная женщина! Почему бы вам не посмотреть на все это здравым умом? Если бы не потеря ноги, я бы еще нескоро вернулся. Вы же видите, страна в развалинах, нужны строители. Стране необходимы рабочие руки. Ну, кто же отпустит целого и невредимого человека домой?

- Что же тогда им мешает написать письмо? – уже по-домашнему продолжила разговор Кетеван.

- Писать письма любят не все, калбатоно Кети. Твоим мужу и сыну тоже лень было писать письма, они частенько просили меня написать вместо них, а за это обещали убить гитлеровцев...

- Правда, правда, это они! – встрепыхнулась Кетеван, а меня удивила ложь Арчила, вселившая в человека надежду на возвращение мужа и сына, и кто знает, сколько лет прибавившая ее душе, страдающей от безнадежности.

Верю, что и тетя Мариам была бы жива сегодня, если бы нашелся такой, вселяющий надежду человек, как Арчил.

- Как хорошо, что мы приехали сюда, дочка! Мне будто сто лет жизни прибавилось! – сказала перед сном тетя Кетеван и утерла слезы радости.

Мы легли спать. Кетеван крутится всю ночь: то смеется, то плачет, то разговаривает с кем-то. С рассветом я проснулась.

- Просыпайся, девочка, порадуйся вместе со мной! Видела я их обоих: отца и сына! Они воевали точно так, как рассказывал Арчил. Гитлеровцы отступали, а они преследовали их. Увидели меня, подошли, стали мы целоваться и обниматься. Боже! Спасибо тебе за то, какой хороший вечер подарил ты мне. Я должна зарезать Арчилу барана. Он – мой бог, с сегодняшнего дня буду молиться за него!

- Да, тетя Кетеван, скоро они вернуться, и мы все вместе порадуемся с тобой.

-Теперь я больше не выйду из дому. А вдруг они придут, а меня нет дома. Они же сойдут с ума! Ты знаешь, какой Сандро? Любит доискиваться: где была, почему пошла, почему опоздала. Он сведет с ума своими вопросами. Если бы я, девочка, была такой, как некоторые!

«Ох! Кажется она сошла с ума,» - подумала я, а она продолжала свое:

- Ну, а Хвича? Я удостоверилась, что Арчил действительно видел его. Он и правда плавает, как ртуть, мой дорогой мальчик...

Кетеван еще долго говорила и уснула в разговоре, довольная увиденным сном.

Рассвело.

Мы встали рано, однако Нелли успела приготовить завтрак и не отпустила нас без него.

Арчил завтракает с нами, дети еще спят. У него двое детей: мальчик и девочка. Нино учится в десятом классе, а Важа – в восьмом.

- Уважаемый Арчил, большое спасибо вам за такое внимание! Сегодня мы уедем, а к 25 августа я буду на месте в вашем распоряжении!

- Будет хорошо, если ты приедешь пораньше. Люблю ответственных людей! Ты должна воспитывать молодежь, и с тебя будут брать пример твои воспитанники. Они научатся от тебя и хорошему, и плохому, поэтому ты должна нести ответственность за любое твоё действие. Воспитание молодежи ничто иное, как формирование человеческой личности. Чтобы сформировать другого, как человеческая личность, необходимо одно условие – лично быть сформировавшимся человеком!

- Ладно, человецище, не надоело тебе столько философствовать дома и вне его? Дай гостям позавтракать! – с улыбкой пожурела Нелли мужа.

- Мне был положен орден Ленина, но не дали! – с обидой мотнул головой Арчил.

- За что тебе был положен орден Ленина? – спросила Нелли.

- За то, что выдерживаю тебя! – улыбнулся Арчил, и мы все рассмеялись.

- Конечно, кто бы дал тебе звание героя в борьбе с Германией? Вчера я целый день просила тебя, а ты не порезал курицу. Не понимаю, за что ты получил столько орденов и медалей? Пусть у меня не будет столько врагов, сколько человек ты убил. Ничего не требую, раз привез душу и сам приехал. Спасибо тебе, господи, лишь бы ты был здоров, и пусть вода унесет все медали и ордена в целом мире!

- Но, ты ведь бережно хранишь все мои награды?!

- Это награды, это жизненный путь, заработанный твоей кровью, это твой ребенок, уберегшийся от фашистского ярма, это я, сохранившая честь. Вот поэтому и храню твои награды!

- А вы, что скажете? Кто оратор: я или моя жена? – опять с улыбкой посмотрел на нас Арчил.

Мудрой шуткой закончился завтрак. Я поблагодарила Арчила и Нелли, расцеловала обоих, и мы направились в коммунальный отдел.

Завидев меня, заведующая сразу спросила, даже не поздоровавшись:

- Не понравилась?

- Ну, что вы, разве может не понравиться? – ответила я вопросом на вопрос.

- Тогда, что вас беспокоило? Чем я могу помочь вам?

- В этом городе я чужая. Если вы поможете мне, считайте меня у вас в долгу. Мне нужен рабочий, который отремонтирует квартиру на мои средства!

- Это легкая работа. Если вы спешите, оставьте мне

ключи, и квартира к первому сентября будет готова на высшем уровне!

- Нет, к 25 августа! Мы начинаем работать с 25-го!

- Хорошо, пусть будет 25-ое!

-А плата?

- Когда вернетесь, тогда и заплатите!

О таком хорошем порядочном обслуживании я еще на слышала и не видела таких добрых людей, какие живут в этом городе. Большинство из них часто не довольны поведением тех, кому поручают выполнить то или иное дело, но по ним не заметно пренебрежения дела.

В этом городе я была всего один день и во мне зародился интерес к порядочной жизни. Здесь человек сможет полюбить жизнь.

Я вышла на железнодорожный вокзал, чтобы приобрести билеты, но мне посоветовали поехать автобусом, через три часа я была бы уже в родном городе. Автовокзал оказался рядом. Я купила два билета. Мы заняли свои места в автобусе, и через три часа езды были уже на месте.

До моего отъезда осталось не так уж много времени, мне нужно готовиться к поездке и к распорядку новой жизни. Я стала перебирать вещи, необходимые для жизни на первых порах. Я должна забрать их. Разбираю и складываю то, что буду забирать с собой, остальное складываю отдельно. От этого отеческий дом приобретает новый вид. В сборах мне помогает тетя Кетеван, она советует, что взять, а что оставить. Я много делаю по ее вкусу и совету.

22 августа 1946 года, четверг.

Незаметно пролетели две недели, и наступил день моего отъезда. Сегодня четверг, 22 августа. Жарко. В этом месяце вообще не было дождя, который хоть немного охладил бы воздух. Вчера я ходила в транспортную контору и выписала машину, а водителю пообещала вознаграждение отдельно. Он тоже пообещал подъехать к моему дому. И правда, в назначенное время он подъехал. Тетя Кетеван отказывается ехать со мной, боится, что в ее отсутствие вернутся муж и сын, а дома никого не будет. Что они подумают? Но как бы там ни было, она согласилась, но только с тем условием, что после моего прибытия и устройства, она вернется домой с той же машиной.

Водитель помог нам, мы снесли и положили в кузов различную утварь, необходимую на первых порах проживания. Я закрыла квартиру, перекрестилась и отдала ключ тете Кетеван.

Заурчала машина военного времени, и к девяти часам мы были уже на месте.

Я открыла дверь кабинета заведующей коммунального отдела, она встретила меня с улыбкой и расцеловала, как родственницу, которую не видела давным-давно. Затем спросила, как мои дела, как поездка, как живу и другое.

- Я заставила ребят работать день и ночь. Они закончили в воскресенье. Надеюсь, вам понравится! – сказала она с улыбкой и передала ключ.

- Сколько я должна заплатить? – вежливо спросила я.

- Ничего, ни одной копейки.

- Как это? Я так не хочу!

- Мы тоже знаем, сейчас не строят качественных жилищ, и я внесла твою квартиру в государственный ремонтный бюджет. Скажи спасибо властям за помощь. А я при чем? – ответила, улыбаясь, действительно красивая душой красавица.

Взяв ключ, я поблагодарила заведующую. Вот и моя квартира! Даже входную дверь перекрасили в кизилковый цвет. Я открыла дверь, вошла в комнату и, правда, очень обрадовалась; все сделано красиво. Мы занесли мебель и разместили ее так, чтобы не требовалось менять декорацию. Поставили стол, и я накрыла его привезенными из дому хлебом и солью. Местным жителям интересно, кто их новая соседка. Некоторые из них нерешительно вошли в комнату.

Я открыла шампанское и подала стакан водителю:

- Ты мужчина, благослови первым этот кров. Может, тебя услышит бог! - его не надо было упрашивать, и он сказал такой тост, что я уже не сомневалась в том, что он окончил если не духовную академию, то семинарию уж точно. Если бог услышал хоть половину из сказанного, то счастливее меня не будет никого на этом белом свете. Почти все благословили мой приезд и пожелали мне хорошего соседства. Кетеван передумала уезжать сегодня, сказав:

- Помогу тебе с расстановкой мебели, не оставлю первую ночь, а завтра поеду!

Я с радостью согласилась. Получив обещанную плату, водитель уехал. Мы стали расставлять мебель, соседи помогали нам, и мы быстро покончили с этим делом.

Зашедшие к нам соседи – женщины и, как умеют женщины, они стали знакомить меня с остальными соседями. Они рассказали, кто плохой, кто хороший, кто умеет хранить тайну, а кто распространяет ложь.

- Давайте знакомиться. Меня зовут Цира, я – соседка по площадке, - говорит женщина средних лет, у которой не хватает во рту спереди двух зубов, и некоторые слова она произносит щепеляво, но это не портит ее разговора, наоборот, делает приятным для слуха:

- На первом этаже живет Элисо, не доверяйся ей, она сплетница, - продолжает разговор Цира, – две семьи украинцев. Во время войны их переправили в тыл, так они и остались в нашем городе. Это хорошие люди, живут бедно, и иногда мы, соседи, помогаем им, кто чем может. На этом втором этаже я живу одна, твоя соседка. Не буду хвалиться, время покажет хорошее и плохое.

На третьем этаже, в однокомнатной квартире, напротив тебя, живет одинокая женщина, сплетница и скандалистка. Все соседи остерегаются ее и поддакивают ей во всем. Рядом с ней живет немного иная девушка, но кто нас спрашивает. Правда, к ней приходят разные, но она нам не делает ничего плохого. А сама, пусть хоть шею себе сломает!

Рядом с ними живет прекрасная семья, у них есть сын, только что вернувшийся с войны. Трудятся они и не смотрят в чужие руки.

На четвертом этаже живут три семьи. Все они образованные. Но зачем нужно их образование, они так заносчивы, словно нет никого на свете равного им.

Всех лучше Валерий Арабули...

- Кто? – я спросила так, что, кажется, Цира немного испугалась.

- Валерий Арабули! У него жена, ее зовут Мзия, но она больше похожа на рыжего «очопинтрэ»*, чем на женщину. Это внешне, а духовно она уродлива еще больше, вздернула свой красный, в веснушках нос и зовет нас « простонародьем», не здороваётся. Что правда, то правда, ребенок у них чисто ангел: красивая, болтушка такая...

Цира еще говорила, но я не слышала ее. На глаза нависла темная пелена, я почувствовала, как побледнела. Налив шампанское и залпом выпив, я немного успокоилась и поняла, что надо предложить Цире. Наполнив полные стаканы, я попросила всех выпить вина и угоститься пирожными. Женщины исполнили мою просьбу. У Циры открылся аппетит на разговоры. Она опять заговорила. Женщины слушают ее внимательно, а я не слышу ни одного ее слова. Все мои мысли и слух крутятся вокруг Хатуны. Не могу сидеть дома, лишь одно беспокоит меня, когда я выйду на улицу и хоть «случайно» увижу мою единственную дочку, жизнь мою, ту, которая в дальнейшем, после моей смерти, оплачет меня.

Весь день прошел в беспокойстве, сон так и не пришел ко мне ночью. Мы находимся под одной кровлей: я и моя дочь. Как близко и как далеко. У нас нет права видаться друг с другом и свободно приласкать друг друга. Что это за жизнь у меня? Насилие?

Хорошо, пусть будет так, но насилие и использование физической силы мне кажется уделом зверей...

Человек – это « развитое животное», он должен относиться честно как к себе, так и к ближнему своему. Поэтому, было бы лучше ревностно защищать интересы наших близких и по возможности, не лишать их заботы для того, чтобы каждый из них воздержался от прикосновения к чужому сокровищу.

- Мне моя ревность кажется верной, так как защищаю справедливость и не жду никого, ни у кого не отнимаю ни карьеру и ни сокровища. Правда, я – убийца, но я никого не убивала. Все погибли от того оружия, каким хотели убить меня.

Валерий - грубиян, и та Мзия дура или сумасшедшая, так как не знает, кто я и думает что я ненормальная. Может я ошибаюсь, и оба они слишком умные, но ум им нужен для того, чтобы совершать дурость? Пусть не используют против меня ни мудрости, ни дурости. Я ненавижу вас, но не проявлю свою ненависть: «Верните дочь!»

Всю ночь я воевала во сне без противников...

Рассвело...

Села у окна и смотрю на улицу, знаю, что выйдут скоро из дому на работу. Хочу увидеть их, и правда, они прошли перед моим окном. Валерий такой же, каким он был: у него не добавилось ни одной морщинки. А Мзия, как описывала ее Цира, выше Валерия на целую ладонь и похожа на плохо обструганную доску: ни груди, ни бедер, шея длинная с выпяченным кадыком, а лицо точно нарисовано выше. На руках у Мзии красиво наряженная Хатуна. Они идут быстрым

шагом, наверное, отведут Хатуну в детский сад, а затем пойдут на работу. Они опаздывают. Думала, что не вынесу эту картину, но она не подействовала на меня плохо, так как я увидела хорошо ухоженную Хатуну и Валерия в руках «очопинтрэ».

Еще рано, но Кетеван уже встала и готовится к отъезду. Сегодня я должна явиться в отдел образования и повидаться с Арчилом, чтобы он не думал, что отношусь к работе невнимательно. Мы позавтракали.

Я умоляла Кетеван остаться со мной, но она стояла на своем, и мне оставалось только проводить ее до автовокзала. Взяв билет, я посадила Кетеван на царское место, расцеловала, приласкала и до отхода автобуса говорила, как я люблю ее.

Автобус отъехал, и я почувствовала одиночество.

В отделе образования собрался весь педагогический состав города. Все по очереди заходят к Арчилу. Одни просят лишние часы, другие меньше. Стоит переполох. Лили, увидав меня, подскочила с места и расцеловала с большой любовью. Расспросив о личной жизни, подмигнула мне и сказала громко:

- Иди к Арчилу, сколько времени он тебя дожидается!

Я почувствовала себя неловко за то, что должна зайти раньше других, но не могла скомпрометировать Лили и приняла предложенный ею путь.

Арчил сидел один. Увидев меня, он встал, оперся о стол бедром ампутированной ноги и расцеловал потечески.

Мы поговорили, расспросили друг друга о жизни. Он похвалил меня за то, что я вовремя явилась, и сказал:

- В понедельник утром в 9 часов приходи сюда. У меня будет городское совещание педагогов, явка обязательна для всех.

- Приду, уважаемый Арчил! – сказала я и, выйдя, тихо закрыла за собой дверь.

Возвратившись домой, раскрыла дневник и сделала кое-какие записи, затем вышла во двор. Обошла дом вокруг и изучила внешний вид соседских квартир, хотя меня не интересуют чужие квартиры. Я остановила свой взгляд на балконе квартиры Валерия. Открытый балкон, затененный виноградной лозой, с этого же балкона протянута к стволу клена бельевая веревка. Напротив балкона стоит столб с освещением, на нем под электрическими проводами проведен двойной провод радиовещания, к которому подсоединен тонкий медный провод для радио. Он, проходя по балкону Валерия, заведен в его дом. Без сомнений, у Валерия стоит динамик в доме.

В голове мелькнула какая-то мысль, и тому, кто разбирается в физике, она не покажется странной. Динамик Валерия я использую как микрофон и узнаю, чем дышит этот изменник родины, который, наверное, пользуется авторитетом у людей, так как они не знают о его прошлом и настоящем.

Я пошла в магазин, (практически все магазины расположены рядом с домом), и приобрела в хозяйственном отделе магазина динамик и проводник для радио. Заодно подружилась с одной хорошей девушкой – продавщицей.

Надев спортивный костюм и попросив у соседки Циры лестницу, я приставила ее к столбу и взобралась

наверх. Сняла провода, заходящие в дом Валерия и подсоединила к ним свой, затем закрепила его на месте изоляционной лентой так, что незаметно уничтожила связь с главным проводом. Второй провод подсоединила к главной линии и все четыре конца завела домой. Затем прикрепила на стене выключатель так, что при желании можно включить динамик Валерия или подсоединить к моему приемнику и использовать как микрофон.

Сделала все правильно. По-моему, должно сработать. Мне не терпится, когда вернутся хозяева, послушать их разговор.

Сняв лестницу, я вернула ее Цире, положив на место, проверила все сомнительные пути и уничтожила все следы.

До вечера еще много времени. Я пошла в хозяйственный магазин и стала болтать с моей новой подружкой. Ее зовут Лела, она местная. Это красивая стройная девушка, с хорошими манерами и приятной внешностью. Познакомившись поближе, я повела ее к себе, показала, где живу и попросила поднять тост за мой дом. Мы еще долго беседовали, затем она сказала: «Дома рассердятся!» - и ушла.

Валерий с любимой женой уже пришли, наверное, - подумала я и соединила провод Валерия с моим приемником. Приемник шумит, голосов не слышно. Может я допустила ошибку, думаю про себя и в это время слышу:

- Хатуна, иди сюда, дочка!

Это был приятный женский голос, но мне послышалось рычание чудовища. Немного погодя я услышала голосок моей Хатуны:

- Иду, мамаська! – это был голос ангелочка. Я подбежала к приемнику и стала целовать его, словно прижимала к сердцу мою дочь и целовала ее голос. Я вовремя опомнилась и соединила провод динамика Валерия к главной линии. Наверное, в его доме, как и в моем, полилась мелодия Шопена...

Сегодня я сделала много «хороших» дел и очень довольна этим. Наверное, Валерий не знает, что меня распределили сюда, и я живу по соедству с ним, не то он что-нибудь придумал бы, как поступить со мной. И все-таки, что он сделает мне? В конце концов узнает, что я здесь и посмотрим, что будет. А пока что мне принадлежит первенство: слушаю любой шорох его семьи.

24 августа 1946 года, суббота.

Наступило хорошее утро, солнечное, сияющее, радостное. Все жители сегодня дома, отдыхают, беседуют друг с другом. Я пока новенькая, ни к кому не захожу. Ко мне может зайти только Цира и все. Смотрю в окно, знаю, что Хатуна выпустят на улицу поиграть с детьми. Я тоже надела спортивный костюм для игры с ними, если только потом не станет мне горько от этого.

Хочется послушать разговор семьи Валерия, но утром нельзя отключать динамик: идет «Доброе утро», все слушают эту программу, и надо быть осторожной.

Потихоньку на улицу стали выходить соседские дети. Одни играют в песке, другие на качелях, третьи на детской горке. Хатуна опаздывает. Я не жду ее выхода. Знаю, что она обязательно выйдет, и первая захожу во

двор. Сначала я подошла к качелям, приласкала детей и стала раскачивать их. Играющие в песке дети будут поменьше, они смеются и кувыркаются, как поросята. Я хотела подойти к ним, но тут увидела Хатуну, которую вела за руку Мзия. Они шли медленным шагом. Мзия подвела Хатуну к качелям, спустила со скамьи какого-то ребенка, он стал плакать, и посадила Хатуну. Не могу удержаться, мне хочется приласкать ребенка, но эта «очопинтрэ», показавшаяся мне вчера красивее, не отходит от качелей. Терпение мое лопнуло, и я говорю «очопинтрэ»:

- Какой красивый ребенок! Ваш?

- Мой! – гордо ответила «очопинтрэ» и вздернула кверху свой красный веснушчатый нос.

- Мальчик? – будто не зная, спросила я.

- Нет, девочка. Где ты видела такого красивого мальчика? – вызывающе ответила «очопинтрэ».

- Да, вы правы. Очень похожа на вас: и носом, и губами, и бровями...

- Хорошо, хорошо, достаточно! – «очопинтрэ» не дала мне закончить слово, поняв комплимент, и схватила Хатуну за руку.

«Пойдем домой!» - строго приказала она ребенку.

- Не хочу домой! – заплакала Хатуна.

Чтобы не взорваться и не ударить «очопинтрэ», я вовремя сдержалась и подняла Хатуну на руки.

- Не плачь, малыш! – приласкала ее и поцеловала ручки. Она некоторое время сторонила меня, но потом обняла за шею и стала смешно целовать.

- Хорошо, теперь уже достаточно, иди ко мне, дочка! – ласково позвала «очопинтрэ».

- Не хочу! – ответила Хатуна и еще крепче обняла меня за шею.

- Нет, красивая девочка, когда мама говорит, слушайся и будешь еще лучше! – сказала я и хотела передать ребенка Мзие, но Хатуна еще сильнее прижалась ко мне и повторила первоначальную фразу:

- Не хочу к маме! У тебя теплые руки, а как тепло ты целуешь! Мама не такая теплая! – зачирикала Хатуна. А теперь спросили б у меня, какая она теплая. Я не выдержала лепета ребенка и, чтобы не упасть, села на скамью качелей.

Не знаю, сколько времени мы просидели, обнявшись, я и Хатуна. В конце концов, «очопинтрэ» оторвала ее от моей груди и увела, заплаканную, домой.

Как только они скрылись из виду, я тоже побежала домой, и пока они поднимались на четвертый этаж, уже включила свой приемник проводником Валерия. Сначала послышался шум, затем приемник заговорил:

- Папочка, знаешь, какую я красивую девочку видела? Купи мне такую куклу, знаешь, какие теплые руки были у нее? Мамаська не оставила меня во дворе. Теперь ты поведи меня!

- Кого она видела? О чем говорит ребенок? – послышался голос Валерия.

- Кого видела? Да провались она пропадом! Откуда я знаю, какая-то девчонка в спортивном костюме. Наша дурочка повисла у нее на шее, еле оторвала.

- Она не здешняя?

- Нет, я видела ее впервые!

-Какая-то учительница приехала. Может, это была она?

- Не знаю, что-то я не заметила в ней ничего учительского!

-Оставила бы ребенка во дворе! Что ты ее дома держишь? Ведь не съедят же!

- Именно, что съедят. Не понимаю, чтобы чужие столько целовали ребенка!

- Не расти ее по-своему, расти ее так, как растят детей другие, общество!

- Тебя никто не спрашивает, как воспитывать ребенка! Вставай и поставь щеколду на балконной двери, не то она иногда открывается и я простываю!

- А где у меня щеколда?

-Купи, что не можешь купить одну щеколду?

- Сегодня суббота, завтра воскресенье. Магазины не работают. Напомни мне об этом послезавтра, и я исполню твою мечту!

- И в детской нужно подремонтировать двери. Им же не нужна щеколда, набей небольшую резину, и двери не будут открываться!

- Это тоже сделаю в понедельник!

- Сколько всего ты собираешься сделать в понедельник? Ты что, не идешь на работу?

- И на работу пойду и это дело тоже сделаю! Приехал Серго Майсурадзе, оказывается, разыскивает меня...

- Чего он хочет? Почему они не успокоятся? Видишь, их борьба закончена, чего же они трепыхаются, как умирающие?

- Он был в отъезде. Теперь его прислали с каким-то другим заданием. Разве они отстанут, пока в них теплится душа? Если попал к ним на службу, должен служить им до конца. Когда ты станешь не нужен, они сами уберут тебя.

- Кто тебе сообщил о его приезде?

- Вчера я видела твоего отца, Василия.

- Это не плохое дело, деньги привезли, наверное, в мешке.

- Смотря, что они попросят нас сделать!

- Хоть что, в наше время ничего не страшно! – послышался голос «очопинтрэ» Мзии, а также шум двери. Как видно, Мзия вышла на улицу. Я вытащила провода и подключила динамик Валерия к главной линии.

«Моя девочка спит в отдельной комнате. Это хорошо. На балконной двери нет щеколды, это еще лучше. Я должна что-нибудь придумать. Но, кто это – Серго Майсурадзе? Фамилия знакомая, но не могу вспомнить. «Приехал», может он был за границей, а теперь приехал с каким-то заданием? Может, в этой диверсионной банде объединены несколько человек и их руководитель этот Серго Майсурадзе? Не лучше ли сообщить об этом органам милиции? А если и меня арестуют, что тогда будет с Хатуной? Нет-нет, Хатуну должна воспитывать я! – «Почему у тебя такие теплые руки?» - моя дурочка, а какие должны быть руки матери? Не будут же они похожи на холодные руки «очопинтрэ»?»

Кажется, мысли разорвут мою голову. Что мне делать? Как поступить? Не знаю. Был бы у меня хоть один советчик, хорошо. Можно ли доверять эту тайну человеку, которого ты считаешь другом, а вдруг он окажется членом диверсионной банды? Что тогда делать?

Если я доверю Арчилу выявить диверсионную

группу, как он поступит? Конечно же, сообщит органам милиции. А что он может еще, этот одноногий человек?

Нет-нет, до сих пор я никого не вмешивала в свои дела, да и сейчас не вмешаю. Я сама решу это общее дело.

Надев черные очки, вышла на улицу. Может на чистом воздухе мне будет думаться легче? Прогуливаюсь в малеником саду перед домом и думаю думу страны. Не слышу голосов детей и наставлений старших в адрес детей. Не знаю, сколько времени я гуляла, кто-то осторожно положил мне руку на левое плечо, а затем так надавил, что кости захрустели. Я обернулась. Это был Валерий. Он стоял, презрительно улыбаясь.

- Это ты с теплыми руками? – зашипел он.- Пойдем, я должен тебе что-то сказать!

- Говори здесь! Чего тебе скрывать от других? – сказала я и хотела освободить руку, но не смогла. Все сильнее и сильнее сдавливали клещи левое плечо.

Силой довел он меня до двери моей квартиры, остановился и прошипел, не размыкая челюсти, шевеля одними губами:

- Нашла меня? В конце-то концов, уберешься с моего пути или нет?

Знай, убью! Убирайся отсюда! Даю тебе сроку одну неделю! – не дав вымолвить ни слова, он так ударил, что у меня сперло дыхание, и я осела наземь, но не потеряла сознания. Вскоре вскочила, открыла дверь и вошла в дом. Посмотревшись в зеркало, я увидела, что глаз сначала покраснел, а через несколько секунд стал

синим. «Этого я не ожидала! Не буду матерью, если прощу тебя!» - сказала я себе и включила приемник.

- Это была она, «девочка с теплыми руками»! - услышала я голос Валерия.

- Кто она? - спросила «очопинтрэ».

- Мать Хатуны, Мери!

- Что ты сказал? Она и здесь нас нашла? Она хочет тебя отнять или ребенка?

- Не знаю. Я дал ей неделю срока, и если она не исчезнет из этого города, я сделаю все, чтобы она исчезла.

- Ты дал ей много времени. Разве не достаточно было 24 часов?

- По-моему, она притащилась сюда по распределению, так быстро она не сможет забрать документы.

- Зачем тебе надо, чтобы она уехала отсюда? Давай придумаем что-нибудь другое!

- Что именно?

- Что? Видимо, она любит тебя, а то не нашла бы нас. Поэтому она не откажет принять тебя в своем доме. Пойди тихонько, проведи с ней одну ночь, а затем удави ее. Кто будет искать одинокую проститутку и негодяйку?

- Ради любви убить человека?

- Разве это будет в первый раз, или сердце предаст тебя?

- Там я выполнял приказы для дела, а она! Что она может?

- Она может отнять ребенка и встать на твоём пути! Что еще она может? Видишь, у нее «теплые руки». Ребенок ничего не знает, а уже тянется в ее сторону. А когда узнает, кто удержит ее?

- Хорошо, если не уедет через неделю, так и сделаю!
- А где ты все-таки увидел ее?
- Гуляла в саду перед нашим домом!
- Ты не избил ее?
- Избил!
- Очень хорошо!
- Я виделся с Серго Майсурадзе. Он тоже сидел в саду и ждал меня. Вчера Василий сказал, что он будет там в назначенное время. Я пришел, действительно, он был уже на месте.
- Конечно, он никогда не обманывает. Какое задание он дал тебе, что хотел?
- Чертежи атомного завода, который строится у нас!
- Сумма?
- Насчет денег разговора не было!
- Ты пообещал?
- Не пообещаешь, не выполнишь – уберут!
- Когда велел принести?
- Он дал мне времени один месяц. Сказал, что первого октября придут Василий и Сандро, и надо будет отдать им.
- Твой отец тоже здесь?
- Да! С ним я тоже увиделся вчера!
- Ему ничего не нужно от меня?
- Пока что нет. Не бойся, тебя тоже не оставят так,используют в каком-нибудь деле!
- побыстрее бы, и уедем из этого гнилого города. Временно поживем у Серго в Париже, а потом наладим жизнь не хуже, чем у него.
- Вот, Мерико, кем оказался Валико! – с презрением

сказала я себе и решила за неделю рассчитаться с моим убийцей. Я выключила радиоприемник, приложила к синяку под глазом примочку с мочой и легла.

26 августа 1946 года, понедельник.

Вчера я целый день не выходила на улицу, ко мне тоже никто не входил. В дверь кто-то стучался, наверное Цира, но я не встала, и стук больше не повторился. Синяк прошел, чуть-чуть виден. Действительно, примочки с мочой хорошее средство от ушибов.

Сегодня у меня много дел. В девять часов мне надо быть у Арчила в отделе образования, а дальше – другое.

Позавтракала. Вышла из дому рано. Пошла по магазинам: они пока закрыты, некоторые открываются в девять, а другие в десять.

Я пришла в отдел образования, думала, что опередила всех, однако здесь уже собрались после трехмесячных каникул соскучившиеся друг по другу педагоги, обнимаются и целуются. А я, как дома сирота, так и здесь: стою одна, ни знакомых у меня нет, и никто не знакомится со мной. Наверное, я кажусь им ученицей восьмого класса.

Нас пригласили в зал. Первым выступил Арчил. Он поздравил нас с началом нового учебного года, пожелал здоровья и успехов в воспитании будущего поколения. Затем взял у секретаря отпечатанные листы, объявил все школы, фамилии, имена и отчества

учителей, количество их часов и методику обучения предметов.

Я заметила, что Арчилу трудно стоять на ногах. Но он не сел до тех пор, пока не закончил свое выступление. Сев, налил себе воды и утер пот.

Были заданы вопросы, получены исчерпывающие ответы. Совещание продолжалось три часа.

Совещание закончилось, стали медленно расходиться.

Я спешу, мне необходимо решить трудное дело. Ускорив шаг, я быстро покинула отдел образования.

По дороге зашла в магазин. В хозяйственном отделе купила дверной английский замок, сняла со связки один ключ и отправилась к мастеру по изготовлению ключей. Всего за каких-то несколько минут он изготовил три ключа. Я оплатила работу и опять вставила заводской ключ в замок, так что три остальных ключа у меня. Бережно положив ключи в сумку, я заложила заново замок и ключи в коробку и оклеила ее верх. Затем пошла в хозяйственный магазин к моей подруге Леле, расцеловала ее и распросила о жизни. Затем спросила ее:

- Ты знаешь Валерия?

- Какого Валерия? Твоего соседа, мужа того «очопинтре»?

- Да! – рассмеялась я.

- Конечно!

- Он придет к тебе покупать дверной замок. Ты возьми и дай ему вот этот. – сказала я и протянула ей замок высшего качества.

- За сколько мне продать?

- За ту цену, которая стоит на коробке!
- А если он выберет другой замок?
- А ты расхвали ему этот замок, а на другие скажи, что испорчены.

- Тебе так трудно, что продаешь замок? Я могу занять тебе денег.

- Нет, Лела, деньги мне не нужны. Этой суммы будет достаточно.

- А если этот замок купит кто-нибудь другой?

- Нет, продай только Валерию или его жене!

- Ничего не понимаю! Ты хочешь продать замок или знать, кто его купит?

- Хороший замок, и мне будет жаль, если его купит кто-нибудь другой. Почему хорошим должен пользоваться чужой, лучше пусть он достанется моему соседу. Только не говори ему моего имени, не то он не купит.

- Хорошо! Зачем мне говорить ему о тебе?

Я попрощалась с Лелой и пошла домой. Вечером Валерий и правда пришел в магазин и купил именно тот замок, который я оставила Леле. Вскоре я услышала стук молотка с балкона Валерия. «Ставит замок в дверь,» - подумала я и не ошиблась. Дело было сделано. Осталось пять дней жизни мне или Валерию.

Во вторник утром я пошла в центральную больницу, увиделась с женщиной, делающей наркоз во время операции. Плача, я рассказала ей, что приехала из соседнего города, что моему брату требуется срочная операция, а наркоза не достать, попросила помочь, пообещав за помощь приличную сумму.

- Хорошо, дочка, о чем разговор, или зачем мне

деньги. Пусть бог даст здоровья всем людям, и пусть вода унесет все деньги мира,- сказала женщина в белом халате и вынесла две закупоренные бутылки.

- Врач сам знает, какую дозу дать больному, а раствора столько, что он сможет провести 200 операций. Забирай, может кому – другому понадобится. Спасти человека – это большая благодать.

Я раскрыла сумку, чтобы достать деньги, но женщина стала отказываться. Испугавшись, чтобы она не забрала бутылки с сонным лекарством назад, я поблагодарила ее и пошла домой. У меня все готово, жду подходящего момента. Какие нервы должны быть у человека после принятия такого решения? О какой чести может говорить человек, когда готовит смертельное средство для того, кого когда-то любил больше собственной жизни?

Я гордая, не выношу унижений, и наверное, это мой большой недостаток,но,думаю,этот недостаток перекроет недостаток того человека,кто полностью лишен любой чести. Вам может показаться,что я приукрашиваю свой недостаток, а честь врага растапываю ногами. Но то, что это не так, об этом говорит мой дневник,судите сами.

30 августа 1946 года, пятница.

Много раз говорила себе о том, что не боюсь смерти, но когда приблизился мой судный день, я целый день чувствовала себя беспокойно.

Вынесла лестницу, приставила к столбу, сняла

провода, соединенные с моим динамиком, и соединила, как положено, провода Валерия. Мне больше не нужно узнавать его тайны. Было бы лучше, если бы я не узнала плохое о нем, он остался бы в моем сердце хорошим человеком.

Интересно, где они? Ребенка из садика вывела соседка. Уже стемнело, а они еще не вернулись. Может у них совещание диверсантов и оно не закончится допоздна. Сажу у окна и жду их появления. Мои часы с кукушкой проббили двенадцать раз, а они еще не появились.

Я решила лечь. В это время с улицы послышался шум:

- У нее еще два дня, но ведь можно немного ускорить? – громче, чем положено разговаривал пьяный Валерий со своей «очопинтрэ», которая была пьяна не меньше Валерия. Ноги у них заплетаются одинаково, они еле-еле поддерживают один другого.

- Нет! Сегодня нет, завтра! Сегодня я не разрешаю тебе! Сегодня ты должен быть со мной! Понял? Со мной! – говорит «очопинтрэ» Валерию и цепляется за его шею.

Они поднялись по лестнице, остановились около двери моей квартиры:

- Нет-нет, зайду! – сказал Валерий.

- Ни в коем случае! Сегодня со мной! – сказала женщина. Они еще немного постояли возле моей квартиры, кажется закурили, затем оба заматерились в мой адрес и, шатаясь, поднялись по ступенькам.

Я надела спортивный костюм и больше уже не ложилась. Все складывается так, как было задумано изначально, математической точностью. «Математика прошла два периода, - говорит Чебышев. – В первом задачи ставят боги, (задача Дилоса о двойном кубе),

во втором-полубоги: (Паскаль, Ферма), мы вошли в третий период, когда необходимость ставит задачи».

Правильно,если мы математически осознаем сущность нашей задачи. Правда, «необходимость поставила» задачу о борьбе смерти с жизнью. Кому бы надоела тихая жизнь?

Стрелки на моих часах приближаются к трем часам ночи. Я сложила бутылки в сумку, положила ключ в карман и вышла во двор; луна скрылась, небо усыпано звездами, но в углу дома царит темень. Я приблизилась к винограднику и так осторожно поднялась наверх, что ни один листочек не дрогнул. Стою на балконе, приложила ухо к двери. Не слышно ни единого звука. Я достала ключ, осторожно повернула в замке и немного приоткрыла дверь. До меня донесся шум дыхания двух человек. Я еще шире открыла двери и стала искать третьего. Его здесь нет. Спасибо тебе, господи! В бледном свете ночи я заметила повешенные на стену ковры моих родителей и чуть не упала: «Вот, кто ограбил мою квартиру!» - подумала я, и в душе зародилось еще большее презрение.

Достав бутылки из сумки, я вылила содержимое одной бутылки на пол. Два небольших ручейка потекли по направлению к кроватям двух спящих людей. «Комната пропитана, подействует!» - сказала я, когда вылила жидкость из второй бутылки. Закрыла дверь, повернула ключ два раза и осторожно спустилась той же дорогой, что и поднялась.

Тихо открыла дверь моей квартиры и легла, не раздеваясь.

Я – убийца! Словно ничего и не случилось, так сладко я уснула.

Утром меня разбудил шум. Я переоделась, спрятала спортивный костюм в шкаф и надела домашний халат. Шум усилился, послышался стук в мою дверь:

- Сейчас! – крикнула я и открыла дверь, потирая глаза, будто только встала. Это была Цира.

- Заходи! – сказала.

- Какое там «заходи», не скажешь, что случилось? – спросила она.

- Где? Что случилось? – зевая спросила я.

- Ты что, не слышишь шума?

- Да, слышу, но откуда мне знать, из-за чего так шумят?

- Пойдем узнаем!

- Иду! – сказала я и, не мешкая ни секунды, как была в домашнем халате, так и поднялась вместе с Цирой наверх по лестнице.

Возле квартиры Валерия собрались люди и пришедшие уже сотрудники милиции. Мы с Цирой пришли уже в тот момент, когда ломали двери спальни комнаты.

Взломали!

...Хатуна плакала, но как только увидела меня, подбежала, повисла у меня на шее и перестала плакать. Я приласкала ее, немного постояла. Когда же убедилась, что Арабули мертвы, встала в подъезде вместе с другими и включилась в разговор соседей.

Сотрудники судебной экспертизы забрали тела на машинах скорой помощи, остальное следствие проводится на месте. Следователь обнаружил в комнате Валерия след от сонной жидкости, но никто

не верит, что жидкость разлита для того, чтобы усыпить и убить Валерия и его жену.

Следователь опечатал дверь квартиры Валерия, поставив свою печать, и все ушли. Мы, соседи, тоже разошлись...

Вечером инженер с черными усами Иорам Абашидзе обошел соседей и ознакомил всех со своим решением.

- Мы соседи! – говорил он. – У Валерия и Мзии нет близких родственников, поэтому, соседи, мы должны похоронить их по-христиански.

Соседи поддержали решение Иорама Абашидзе и постановили собрать по сто рублей. Мы собрали эту мизерную сумму и назначили похороны на четверг. На день похорон был приготовлен поминальный обед. Наступил печальный день похорон. Меня считают простой соседкой, и никто не знает, какой огонь горит в моем сердце.

Пришло большое количество людей, сотрудники принесли венок. Вечером вынесли вместе обоих покойников.

...На кладбище началась стрельба, люди разбежались в разные стороны. Бездыханный упал на землю один из милиционеров. Двоих поймали. Люди говорили, что поймали шпионов. Я не интересовалась этим, пошла домой. Хатуна не отходит от меня, держится рукой за подол моего платья и ходит за мной следом, если не сидит на руках. Боится, чтобы я не оставила ее, как оставили Мзия и Валерий...

6 сентября 1946 года, пятница.

Сегодня 6 сентября. В дневнике я ничего не писала о 1 сентября. Первое сентября был первым днем встречи с моими воспитанниками, днем моих первых уроков, и я конечно же, очень волновалась. В школу я пришла «грустная» из-за похорон соседней, и коллеги посочувствовали моему горю. Директор освободил меня на одну неделю, так что приду в школу 10 сентября и начну обмениваться знаниями с молодым поколением.

Миссия моей жизни уже выполнена: Хатуна растет под моей кровлей, при моей ласке. У меня осталась еще одна мечта, которую необходимо осуществить. Я должна вырастить и воспитать Хатуну, поставить ее на жизненную дорогу и, затем, умереть спокойно.

Следователь часто ходит к нам в дом. Он начал спрашивать соседней, опросил каждого по несколько раз. Меня он не беспокоит, узнав, что я только заселилась. Он считает, что у меня нет ничего общего с покойными.

Прошел месяц с тех пор. В подъезде мне повстречался Джугели, справился обо мне с фальшивым комплиментом и, будто ради уважения помог открыть двери. Взял у меня ключ и открыл дверь, но я заметила на его левой ладони пластилин, на котором он сделал слепок моего ключа. С каким жалким человеком я имею дело? – подумала я. Интересно, почему он посчитал нужным провести обыск в моем доме без меня? Я решила разыграть его.

Джугели вошел в комнату, кукушка на часах прокуковала шесть раз.

- Какие хорошие часы! – сказал следователь.

- Это антиквариат, привезенный дедом моего отца из Франции, - солгала я. На самом же деле эти часы купила мама на базаре старья в 1941 году.

- Как, у вас есть связь с французами? – ухватился за какую-то нить надежды следователь.

- Я же сказала вам, что это дед моего отца. Тогда у всего мира была связь друг с другом.

- Если у вашей бабушки были связи с границей, надеюсь, у вас еще лучше связь с французами?

- Знаете, что я вам скажу, господин следователь, мне кажется, что вы пришли ко мне по другому вопросу, а не по поводу моей связи с французами. Я устала, голова моя заморочена от бесчисленных вопросов детворы. Прошу вас, не соревнуйтесь с ними в вопросах, которые менее интересны для нас обоих.

Джугели улыбнулся. Он конечно же не ожидал от меня такого сопротивления, но сам должен был понимать, что это правда.

- Не сердитесь, девушка. Я встретил вас случайно и помог открыть двери. Что в этом плохого?

- Это фальшивое благородство, которое вынудило вас скрыть ваше самолюбие, является недостатком и для вашей собственной головы.

- Не осуждайте меня, пожалуйста. Я – следователь, и обязан на все смотреть с подозрением, так как существуют люди, в чье злодеяние и не поверишь, пока не увидишь собственными глазами содеянное ими злодеяние.

- Надеюсь, господин следователь не посмотрит с подозрением на мою вольность, так как я не склонна

к злодеяниям, и у правосудия тоже нет причины подозревать меня! - сказала я следователю с улыбкой и принесла на стол фрукты и водку. Он выпил, закусил сливой, извинился за беспокойство и ушел.

Я задумалась, почему следователя заинтересовала моя личность? Почему он хочет провести обыск в квартире в мое отсутствие? Зачем ему нужен слепок с моего ключа?

Спортивный костюм я постирала, бутылки и ключ от квартиры Валерия зарыты в подвале, дневник ношу с собой в старой сумке. Так что, в моей квартире не найдется ничего, что может быть связано с преступлением. Правда, мы легко забываем наши собственные ошибки, когда о них никто не знает, кроме нас самих, и доказываем невиновность, но это не приносит нам душевного спокойствия, сохранения твердости до конца. Я решила развлечь себя, разыграть опытного следователя Джугели и посмотреть, что будет.

Утром, отведя Хатуну в сад, пошла в школу, провела два урока, и после двухчасового перерыва решила зайти к Леле в магазин. Мы немного поболтали, затем я купила хороший замок для двери и пошла домой. Отдохнув и пообедав, вернулась в школу, чтобы провести оставшиеся уроки.

Вечером я привела школьного слесаря для установки замка. Мы зашли за Хатуну в сад и направились домой.

«Головастик» слесарь быстро сменил замок на входной двери, отказался от платы, выпил два стакана водки и ушел. С завтрашнего дня не стану закрывать дверь на ключ. Знаю, что Джугели придет, его ключ

не подойдет к замку, он увидит новый замок и открытую дверь. Очень хочется мне посмотреть на его физиономию в этот момент.

Время идет, не знаю, был или нет следователь в моей квартире. Я не замечаю, чтобы в квартире было бы что-нибудь перевернуто или передвинута какая-нибудь вещь. Однажды вечером грустная от одиночества и обнадеженная лепетом Хатуны, я позвонила Джугели и спросила: «Почему дело об убийстве Арабули до сих пор покрыто завесой?»

- Вы кто будете? – спрашивает в трубке невидимый голос.

- Вас беспокоит учительница Мери!

- А! Мери! Помню вас! Почему вас так интересует дело Арабули? Если наш город оказался достойным и у вас появился поклонник, то можете сдать ребенка в детский дом.

- В детский дом нужно вас сдать, а дети наши - правдивые продолжатели нашей жизни, и я не собираюсь замуж. Когда Хатуна вырастет, она оценит мой труд воспитателя, я считаю своим долгом рассказать, какая была судьба у ее родителей.

- Хорошо, не сердись. Я сообщу тебе радостную весть. Помнишь, в день похорон Арабули были арестованы двое мужчин? Они оказались военными преступниками, членами немецкого Абвера. Один был отцом Валерия Арабули, Сандро Арабули, а второй – отец Мзии Церцвадзе, Василий Церцвадзе. Предателей Родины мы отдали под трибунал. Есть версия, что дети не поддерживали их в диверсионной деятельности против Родины, и их отравили.

- Это ваше предположение или их признание?
- Наше предположение всегда оправдывается!
- Простите за беспокойство, будьте здоровы! – сказала я и повесила трубку.

Посадив Хатуну на колени, я стала разговаривать с нею, как со взрослой:

- Вот следствие! У них никогда не останется нераскрытым дело. Поймают «кого-нибудь» и повесят на него все преступления.

Ты не переживай. Наступит время и ты узнаешь об истинном убийце твоих родителей, а сегодняшнее следствие пусть живет своим «предположением».

19... какой год? Какой месяц? Какое число?

- Не знаешь, какой день?
- День знаю! Четверг!
- Почему ты перестала писать в дневнике?
- Я не прекращала, так как в дневник необходимо вносить важные даты, я временно прекратила его писать. Дневник –это же не мемуары, чтобы описывать высокопарными словами, и для читателя это будет менее интересным. Правда, прошли годы, я выдержала много трудностей: бедность, голод, нужду, но моей Хатуне я ни в чем не отказывала. Она никогда не чувствовала нужду страны, всегда была счастлива, укрывшись под моим крылом.

Нет надобности знать дневнику, как Хатуна окончила среднюю школу, взяла аттестат зрелости, какой банкет

мы справили, как продолжила учебу в педагогическом институте, и как жила в моем отеческом доме во время студенчества, там, где жила я.

Конечно, это все очень хорошо и достойно описания, но пусть об этом напишет Хатуна в своем дневнике. А я просто скажу, что моя Хатуна окончила институт и вернулась в свою родную школу учительницей. Мы живем вместе и счастливы от этого. Только Хатуна ни о чем не догадывается, а мне не дает покоя мысль об Арабули. Почему их убийство все еще не раскрыто? Неужели его приписали Сандро и Василию? Неужели ими было совершено мало грехов, чтобы не утяжелить их души этим убийством?

Мне стыдно, что у Грузии такое следствие. Я устала играть в «кошки-мышки», двадцать лет играю со следствием, и пока никому и в голову не пришло, что я и есть тот страшный рецидивист, которого, не отдыхая, ищет вся республика.

Теперь, когда вижу Хатуну, стоящей на правильном пути, я решила разговорить следствие и предстать перед правосудием.

Нет! Не думайте вы и Хатуна, что в моей жизни не было человека, который просил бы моей руки или не разделял бы со мной моих мыслей. Только мать поймет меня, почему я посвятила всю свою молодость воспитанию дочери, которую, спасибо богу, не вырастила плохо.

Я приняла решение и привела его в исполнение год тому назад: отнесла следователю Джугели этот дневник, являющийся моим тайным единомышленником и верным другом.

- Прочитай, только не потеряй дневник. Верни через три дня! – сказала я.

- С удовольствием! Только, что это?

- Это мой дневник. Может, он поможет следствию. – следователь улыбнулся и взял неохотно дневник.

Я вернулась домой довольная, с надеждой на то, что скоро предстану перед правосудием. Я не стану говорить, пусть говорит дневник вместо меня, и пусть они сами судят о моем преступлении. Только пусть не теряют моей правды. С большим удовольствием выдержу вечную каторгу, чтобы очистить мои душу и тело.

Через три дня следователь вернул мне дневник, - « В это трудно поверить!» - сказал и ушел.

Я много раз приходила к нему, но его не оказывалось на месте. Потом мне сказали, что он находится в командировке. Так я потеряла несколько месяцев, чтобы потребовать от следователя наказания или ордена.

-Через восемь месяцев Джугели пришел ко мне.

- Ты права, - сказал он.

- Составьте дело и передайте его в суд. Пусть там решают права я или виновна! – сказала я.

-Знаешь, что тебе скажу? Гражданская честность это одно, а юридическая – другое. Как мы с тобой отличаемся друг от друга, так оличаются эти две заповеди.

Если рассуждать юридически, суд присудит тебе наказание, так как юридический кодекс не рассчитывает на самосуд. Сколько человек в преступлении вы признаете и накажете силой суда?

Ты лично была и следователем, и судьей, и

подсудимой. Юридически это неприемлемо. Сегодня я пишу заявление об увольнении по двум причинам: первая, что не смог напасть на твой неприкрытый след, а вторая – ты права по гражданскому закону, который защищает честность, порядок, культуру, и служит только одному - семье, воспитанию детей, мечте об учебе, о большом количестве детей и о благосостоянии Родины.

Те дела, которые тебе не трепят нервов, забыты. Ты тоже начни заново, живи рядом с дочкой, воспитай внуков и будь «сладкой бабушкой». Я думаю, что так будет лучше, чем, если внуки будут вспоминать о тебе, как о «бабушке – убийце».

- Почему они будут плохо вспоминать обо мне? Неужели они не увидят, как боролась я за человеческое величие и никому не дала растоптать мою честь? Разве плохо, если одинокая женщина не испугается преодолеть любое препятствие и сохранить семью?

- Может твое поведение будет приветствоваться любым человеком, но, повторяю тебе: юридически тебя невозможно оправдать.

Убийство Лонды вспугнуло группу диверсантов и сделало ее недостижимой для нас до сегодняшнего дня. Убийство Ашбы полностью дало затеряться ушедшей в горы группе бандитов. Убийство Ардзинбы выявило сепаратистскую бандитскую группировку, и во время бессмысленного столкновения погибло много наших сотрудников. Убийство супругов Арабули и арест их родителей полностью затеряли след их руководителя Серго Майсурадзе.

Так что, вы сослужили плохую службу для родины, больше, вы помешали людям, борющимся против злоумышленников. С первого взгляда создается впечатление, будто вы сами являетесь участницей той банды, в которой умирали подозреваемые люди. Думаю, они умирали потому, что банду не могли найти. Кто их убивал? Конечно же, главарь банды. А на самом деле, одна совершенно неопытная девушка, действиями которой управляли лишь личные интересы. Вот то основное, что мешало нам выявить преступника. Я искал акул в огромном океане и не замечал мелкой рыбешки в аквариуме.

Сегодня я считаю вас крайне храбрым человеком, так как в одиночку вы совершили такое, на что решился бы только самый дерзкий мужчина в присутствии многочисленных свидетелей. Из-за вашего самоотверженного мужества и ловкости запутывания следов убийства у меня нет права передать ваше дело правосудию, так как существует другая версия, вы совершали эти преступления не только из-за личных интересов. По-вашему, вы уничтожали тот сорняк, который мог принести много вреда. Вы по-своему вносили свою лепту в равноправие людей. Наверное, вам известно о Прокрусте – разбойнике из греческой мифологии, который заманивал проезжих в свое жилище и укладывал на тахту. Кто был высоким, тому отрезал ноги, а кто низким – тому растягивал конечности. Этот человек тоже боролся за свободу и равноправие. Он видел равноправие в человеческом росте.

Ты не тот человек, которого надо передать в руки

правосудия, так как в преступном мире нет такого бесстрашного создания.

Бесстрашие не является непривычной силой души, с помощью которой вы смогли, стоя лицом к лицу перед большим испытанием, победить вызванный страх. Именно бесстрашие наделило вас силой героизма, поэтому в самых трудных обстоятельствах вы сохранили спокойствие, серьезность, чистоту и душевное равновесие.

О тебе надо писать книгу, чтобы будущее поколение брало пример с твоего бесстрашия и применяло бы его не в убийстве, а в строительстве атомных заводов. Большинство людей на поле боя попадает в капкан смерти только потому, чтобы не опозорить честь. Зачем вам победившей на поле брани и вышедшей целой и невредимой, позорить вашу славу, освещенную венцом победы? Зачем вам оставлять позор вашим потомкам?

Храбрый воин проявляет ловкость и прозорливость на поле боя, а ты, проявив прозорливость, остерегалась поражения, и победила. Ты не выносишь нашего поражения, которое должно тебя радовать.

Мне нравится твое поведение: бесстрашие, смелость, доблесть, а презираю тебя за то, что не можешь использовать это с честью. Мы используем все средства для того, чтобы преступник сознался в своем преступлении, а ты даешь мне дневник, который я хотел заполучить на протяжении многих лет и не смог, по собственной воле.

Кажется, тебе надоел мой разговор. Я исполнил свой долг перед человеческой совестью и дал тебе

совет, только не выдавай меня перед правосудием. Эти действия наказываются законом. – Джугели наполнил стакан водкой, благословил мой дом, смелость, женственность, и ушел, не дав мне вымолвить ни единого слова. Наверное, ему не хотелось выслушивать мое бессмысленное оправдание.

Он ушел. Его уход заставил меня задуматься еще больше. Нет я не смогу оставить мою совесть безнаказанной. Если бы кто-нибудь другой повторил преступления, совершенные мною, я жестоко наказала бы его. Так, почему же общество хочет простить меня, а правосудие – мои преступления? Я что, пестрая бабочка что ли?

Вспоминаю слова, сказанные тетей Мариам несколько лет тому назад:

«Кто один раз посягнет на собственную жизнь, тот рано или поздно повторит ту же попытку и закончит жизнь самоубийством». Оправдались слова, предсказанные тетей Мариам, когда она сказала:

«Хатуну воспитывать будешь ты!»

Наверное, и второе предсказание сбудется. Верно говорит Джугели, правосудие не удовлетворит один мой дневник. Начнут терзать душу и тело, и кто знает, может обвинят меня в предательстве Родине, которую я так сильно люблю!

Сегодня 18 августа, четверг. Оставляю один месяц на беседу с собой и на прощание с Хатуной. А потом меня рассудит собственная совесть, когда я предстану перед алтарем.

Может же человеком овладеть такое чувство, которое невозможно описать? Ровно месяц я нахожусь именно в таких переживаниях, что даже не могу раскрыть дневник и написать о них. Не могу говорить с Хатуной на эту тему, боюсь, что и она посоветует оставить совесть безнаказанной...

Я всегда сама, без чьей-либо помощи решала все злободневные дела. Сегодня 21 сентября в день святой Богородицы решила передать ей свою душу. Пусть она положит на небесные весы все мои добрые и злые дела.

Когда Хатуна ушла в школу, я написала подробное письмо, и прошу прощения за то нехорошее, что совершу через несколько минут...

Тут я заканчиваю писать дневник, и на этом заканчивается жизнь одного неугомонного человека.

Что поделаешь...

Зовет меня кровь, слышу плач,
На кладбище ждет меня камень.
И непорочность, которую так берегла
В землю с собой уношу...

Мери.

ГАРИ ЧАПИДЗЕ

УРАГАН ЛЮБВИ

(ДЕТЕКТИВ)

Редактор - Мери Придонашвили
Художественный редактор - Мака Самхарадзе
Технический редактор - Ирма Джишкариани
Дзайнер - Тамуна Чаладзе

Издательство "Колори"

Число написанных им произведений уже перевалило за девяносто..., а выглядит он очень молодо, так как лет ему не более половины числа его работ.

С многотысячных книжных полок горделиво глядя на нас написанные им более девяносто книг, к которым присоединяется и этот пятидесяти томник. В честь бессмертия творчества писателя и ученого Гари Чапидзе.

